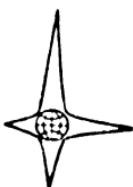

КАК Я БЫЛ ВЕЛИКАНОМ

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

КАК Я БЫЛ ВЕЛИКАНОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«МИР»

КАК Я БЫЛ ВЕЛИКАНОМ

*Сборник
научно-фантастических
рассказов
чешских
и
словацких
писателей*

ПРЕДИСЛОВИЕ И. БЕРНШТЕЙН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
МОСКВА 1967

Составитель В. А. Мартемьянова

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

КАК Я БЫЛ ВЕЛИКАНОМ

Сборник научно-фантастических
рассказов чешских и словацких писателей

Редактор И. Я. Хидекель Художники О. и Л. Васильевы
Художественный редактор Ю. Л. Максимов
Технический редактор Е. С. Потапенкова

Сдано в производство 21/VI—1967 г. Подписано к печати 25/X—1967 г.
Бумага тип. № 2 70×108^{1/2} = 4,5 бум. л., печ. л., усл. 12,60. Уч.-изд. л. 12,87.
Изд. № 12/4040. Цена 74 коп. Заказ № 364

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА ЧЕХОСЛОВАКИИ

Когда чехословацкий писатель Йозеф Несвадба прибыл несколько лет назад на международную конференцию писателей-фантастов в США, его приветствовали там с особым уважением, как представителя литературы, давшей миру одного из основоположников современной «science fiction». Нетрудно догадаться, что речь идет о Кареле Чапеке. Чапек, пожалуй, первый в европейской литературе рассмотрел с такой глубиной и прозорливостью ту угрозу, которую несет человечеству колossalное развитие механизации в условиях далекой от совершенства социальной организации собственнического общества.

Чапек вошел в историю научной фантастики как изобретатель слова «робот», понятия механического двойника человека, таящего в себе и огромные возможности, и страшную угрозу. Восстание роботов, готовых смести с лица земли погрязшее в безделье и ставшее «бесполезным» человечество, — тема всемирно известной пьесы Чапека «РУР» (1920). Основные произведения Чапека, которые можно отнести к жанру научной фантастики, помимо пьесы «РУР», — романы «Фабрика Абсолюта» (1922), «Кракатит» (1924), «Война с саламандрами» (1935), пьеса «Средство Макропулоса» (1922) — представляют собой скорее антиутопии. Чапек предупреждает о той угрозе для человечества, которая таится в «отставании» социальной организации и морального уровня человечества от высочайших достижений науки и техники, всегда являющихся у писателя первопричиной катастрофы.

В драме «РУР» роботы, страшные в своей механической целеустремленности, сметают человечество и занимают его место на планете. В романе «Фабрика Абсолюта» причиной катастрофы оказывается Абсолют — побочный продукт разложения материи, наделенный божественной силой. Абсолют обеспечивает полное материальное процветание человечества и пробуждает в душах людей великие идеалы. Но людям некогда радоваться наступившему блаженству: они заняты спорами — чей Абсолют самый правильный и самый «абсолютный», и эти споры приводят к кровопролитным войнам, в ходе которых гибнет большая часть человечества. Открытие невиданных по своей силе средств уничтожения в романе «Кракатит» также приводит человечество на грань катастрофы. Причиной катастрофы у Чапека всегда являются технические достижения человеческого гения.

Но его, как и многих современных фантастов, пугали не столько человекоподобные машины, сколько машиноподобные люди. С наибольшей глубиной процесс создания стандартизированного, обезличенного человека-робота раскрыт Чапеком в его антифашистском романе «Война с саламандрами». Писатель усматривает основную трагедию современного технического прогресса в том, что он не отвечает своему основному назначению, не дает человеку возможности обрести цельность и гармоничность, а, напротив, «раздробляет» его личность, «механизирует» его и превращает в послушное орудие для всякого рода античеловеческих авантюри. Эта проблематика сближает Чапека с многими фантасмагориями наших дней, например с Рэем Бредбери.

Для утопий Чапека характерен принцип «моделирования» действительности, своего рода построение рабочих гипотез и исследование вариантов. Чапек писал: «Каждая утопия рождается, естественно, из определенных размышлений и в свою очередь побуждает к размышлениям. Изображать обстоятельства, которых нет и никогда не было в действительности, поместить изображаемое и неконтролируемое отдаление в пространстве и времени, освободиться от близкой и четкой действительности, — для чего же автору делать это, если не для того, чтобы провести определенный

мысленный эксперимент, решить какую-то задачу, сконструировать какое-то идейное построение, доказать правильность определенной программы?»

И чехословацкая фантастика в лице лучших своих представителей пошла по пути, намеченному Чапеком. Она принадлежит к социально-философскому направлению в мировой фантастике, в ней ставятся большие, важные проблемы, касающиеся и настоящего, и будущего человечества.

Наибольший интерес с точки зрения развития жанра научной фантастики в Чехословакии представляют романы и драмы Чапека. Но и в его рассказах намечены те проблемы, которые крупным планом поставлены в других произведениях. Так, в рассказе «Система», включенном в составленный из юношеских произведений Карела Чапека и его брата Йозефа Чапека сборник «Сад Крконоша» (1918), впервые появляется образ «механизированных» рабочих, взволновавшихся против своих хозяев.

Некоему фабриканту, мистеру Рипратону, удается с помощью «научной обработки» создать идеальных «механизированных» рабочих, абсолютно стандартных, абсолютно «свободных» от таких «ненужных» чувств, как любовь, дружба, чувство прекрасного и т. д. В этом рассказе рабочие обладают теми же свойствами, что и роботы в драме «РУР». Они наделены необычайной способностью повиноваться и необычайной целенаправленностью всех действий, если можно считать целью выполнение точно определенного, узко ограниченного задания. Но разве это не гиперболизированное отражение того, что делает с человеком капиталистическая рационализация, разделение труда? Какие свойства, кроме чисто «роботных», нужны человеку, стоящему у конвейера? Никаких, если понимать человека как призрак к машине, а именно так воспринимается рабочий в капиталистическом обществе. На этом и основана система мистера Рипратона, которая ему кажется безупречной. Но эта система терпит крах, едва только в рабочих просыпается чувство прекрасного и вместе с тем понимание высокого предназначения человека. Тут и происходит то, что Чапек изображает как неминуемое следствие «очеловечения» утративших

было человеческий облик рабочих: они взбунтовались против хозяев.

Эта тема позднее найдет свое развитие в драме «РУР».

Надо сказать, что Чапек — и это отличительная черта чехословацких фантастов — в целом довольно равнодушен, если можно так сказать, к технической стороне вопроса, он и не пытается предлагать какое-то разрешение, пусть утопическое, технических трудностей, и вообще описание технических чудес играет здесь сравнительно небольшую роль. Так, в рассказе «Контора по переселению» (1936) Чапек беззаботно заявляет: «...была бы идея, а техническое решение всегда найдется». И он предлагает ни более, ни менее как организовать переселение в... прошлое; эпоха — по усмотрению заказчика, начиная с палеолита. И его волнует не то, что машины времени пока еще не изобретены, за этим, как он оптимистически предрекает, дело не станет, а вот плохо то, что любое, самое дикое время в прошлом все же лучше нашего «цивилизованного» века с его кровопролитными войнами и невиданной доселе жестокостью фашизма. Это обычный для Чапека иронический парадокс. Кстати, юмор и любовь к парадоксам вообще присущи всем чехословацким фантастам.

Юмор окрашивает многие произведения еще одного «патриарха» чехословацкой фантастики — Яна Вайсса. Вайсса интересуют не столько философские, сколько этические вопросы. Его перу принадлежит, кроме того, немало реалистических произведений. В своей научной фантастике Вайсс задумывается прежде всего над отношениями между людьми будущего, над разрешением ими тех самых проблем этики, которые мучают современников («В стране внуков», «Спутники и звездопроходцы»).

В произведениях, написанных в послевоенные годы, Вайсс с удовольствием описывает не только прекрасные светлые дворцы, легкие как облака воздушные корабли, но и людей коммунистического общества, освобождающихся от собственнического эгоизма, от страха перед будущим, от расовых предрассудков.

В повести «Метеорит дядюшки Жулиана» (1930) злая насмешка над собственнической моралью, свойственной современ-

ному мещанину, воплощена в форму фантастического повествования.

Пожалуй, самым популярным мастером сегодняшней чехословацкой фантастики является Йозеф Несвадба. Несвадба унаследовал от Чапека не только интерес к значительным философским проблемам современности, но и многие особенности его художественной манеры: острый интеллектуализм, тонкий юмор, вкус к парадоксальным поворотам сюжета. Но перед Чапеком, писавшим свои утопии в 20—30-е годы и не сумевшим увидеть какие-либо перспективы развития человечества за пределами собственного общества, витал неотвратимый призрак катастрофы. Несвадба, писатель социалистической Чехословакии, видит оптимистические перспективы там, где Чапеку положение казалось безнадежным. Несвадба тоже задумывается над плодами всеобщей механизации жизни, над ограничением человеческих возможностей, над узко понятой целесообразностью, но он полагает, что сами условия будущего коммунистического общества помогут преодолеть эту односторонность, не позволят ей приобрести трагический характер. Однако мещанский индивидуализм, собственнический эгоизм, прежде чем безвозвратно капуть в прошлое, могут принести людям много вреда.

Один из самых сильных рассказов, в котором Несвадба разоблачает ненавистный ему эгоизм и пренебрежение к человеческой солидарности,— «Ангел смерти». Это своего рода полемика против бестселлеров, спекулирующих на идее планетарной катастрофы, которых так много на Западе. Люди далекой планеты отправили экспедицию, чтобы предупредить землян о грозящей им опасности — столкновении с некоей звездой. Но авария космического корабля поставила экспедицию перед смертельной угрозой: космолет должен стать спутником Земли и разделить ее участь. Вся команда мужественно трудится, стремясь предотвратить почти неминуемую катастрофу, и только один юноша, потеряв голову от страха, решает бросить товарищей и попытаться спастись на неизвестной ему планете. Он бродит по опустевшей Земле, не обращая внимания на сигналы товарищей, сумевших в конце концов исправить

повреждение, и только когда корабль улетает прочь, ему открывается истина: люди Земли сумели разгадать грозившую им опасность благодаря «своему разуму, своему труду, терпеливой борьбе против смерти», они покинули обреченную планету, и только он, не поверивший в силу человеческого разума и солидарности, должен погибнуть.

Во внутренний мир людей будущего пытается заглянуть и другой писатель-фантаст современной Чехословакии — Иван Фоустка. Его повесть «Пламенный континент» принадлежит к тем весьма многочисленным произведениям мировой литературы, авторы которых стремятся нарисовать будущую встречу земли с обитателями других планет. Это обычная тема рассказов и повестей Ивана Фоустки. Экспедиция, прибывшая на планету Тристан, обнаруживает, что на этой планете власть находится у неких рыбоподобных чудовищ. Обладая большими техническими познаниями, они полностью порабощают коренных обитателей суши и заставляют их работать на себя. Собственно, автора интересует не эта более чем необычная ситуация, а переживания членов экспедиции. Дело в том, что хозяева планеты властвуют над своими рабами, лишив их воли и способности сопротивляться. Они пытаются таким же образом подчинить себе и людей, но встречаются с человеческим упорством и сознательной, несгибаемой волей.

На далекой планете, на этот раз на Луне, разворачивается действие повести двух популярных в Чехословакии и за ее пределами писателей-фантастов Ирики Брабенца и Зденека Веселы «Преступление в Заливе Духов» (повесть печатается с сокращениями). Впрочем, к тому времени, о котором идет речь, Луна уже полностью освоена, и перелет туда представляет не больше трудностей, чем в наши дни поездка из одной европейской столицы в другую. Без всяких затруднений прибывают в служебную командировку на Луну следователь майор Родин и специалист по космической медицине доктор Гольберг. Впрочем, цель их поездки не совсем обычна — они прибыли, чтобы раскрыть тайну загадочного самоубийства (или убийства) радиоактивиста Михаля Шмидта. В этой цо-

вести удачно сочетаются приемы детективного жанра и научной фантастики. Родин и Гольберг ведут следствие, используя классические методы, некогда с успехом применяющиеся Шерлоком Холмсом. Авторы заинтересовывают читателя неумолимо логическим распутыванием загадочных обстоятельств убийства, которые усугубляются тем, что никаких других экспедиций в это время на Луне не было, а все члены лунной базы в Заливе Духов имели бесспорное поначалу алиби. Впрочем, бесспорное только с точки зрения земных условий. Повесть интересна не только напряженной детективной интригой, но и детальным и увлекательным воспроизведением «лунного быта» и работы научной экспедиции. Герои высказывают интересные соображения относительно перспектив развития астрономии, космической биологии, возможностей установления контакта с обитателями других планет. Особые условия на Луне не позволяют людям выходить из помещения без скафандра, и поэтому они с особой тщательностью фиксируют каждый свой шаг; все это создает своеобразную ситуацию, в которой следствие должно отличаться особой филигранностью приемов. В этом смысле авторы повести «Преступление в Заливе Духов» следуют лучшим традициям современной научной фантастики, основанной на гипотетическом развитии уже известных знаний. Но их интересует не только детективная и не только научно-фантастическая сторона повествования, они внимательно всматриваются во внутренний мир своих героев, анализируют чувства и переживания людей будущего, если можно так выразиться, новую функцию таких извечных чувств, как ревность, честолюбие, оскорбленное самолюбие, т. е. мотивы, которые могли бы привести к преступлению. Повесть «Преступление в Заливе Духов» — увлекательно написанное и оригинальное произведение.

Оригинальны по жанру и рассказы Иржи Берковца, один из которых помещен в сборнике. Иржи Берковец создает, так сказать, музыкальную фантастику, вернее, фантастику на музыкальные темы. И в рассказе «Аутосонидо», действие которого происходит не в будущем, а в прошлом, речь идет об удивительной находке — записи игры замечательного итальянского скрипача Никколо

Паганини. Эта запись была сделана с помощью аппарата, сконструированного за несколько столетий до того, как человечеству стала известна первая звукозапись.

А вот рассказ другого современного писателя-фантаста Владимира Бабулы «Как я был великаником» — пример своего рода научно-фантастического юмора. Встреча с крошечным представителем некоей планеты Минускулы, население которой достигло более высокого, чем на Земле, уровня цивилизации, оказалась... шуткой, которую сыграл с рассказчиком его друг, известный учёный-кибернетик. Владимир Бабула, автор многих рассказов, а также повести «Пульс бесконечности» и др., — один из популярных фантастов Чехословакии.

По сравнению с чешской фантастикой словацкая научная фантастика еще очень молода, она не имеет своих классиков. Заметное место в развитии этого жанра в словацкой литературе занимает Йозеф Талло, научно-фантастические рассказы и повести которого вызывают большой интерес чехословацкого читателя. В нашем сборнике творчество Талло представлено рассказом «В минуту слабости». Этот рассказ во многом характерен как для самого писателя, так и для фантастики социалистических стран в целом. Если фантастика, созданная в буржуазном мире, иногда даже против воли авторов отражает идеи недоверия и вражды между народами, то в литературе социалистических стран чаще изображаются дружеские чувства солидарности, возникающие у обитателей Земли при встрече с жителями далеких планет. Так, космонавта, которому минута депрессии едва не стоила жизни, спасают обезьяноподобные обитатели неизвестной планеты, достигшие, несмотря на свою неприглядную внешность, высокого уровня культуры.

Автор новеллы «Бегство из рая» молодой словацкий писатель Душан Кужел, собственно говоря, не является научным фантастом по основной «писательской профессии». Он автор психологических новелл и рассказов из современной жизни. Да и рассказ «Бегство из рая» нельзя отнести к жанру научной фантастики в «чистом виде». Это скорее своего рода ироническая притча о том,

что земному человеку дороги радости и скорби Земли и он не променяет их на «бесконфликтное» небесное блаженство.

Современная научная фантастика Чехословакии, с ее богатыми национальными традициями, чрезвычайно разнообразна по тематике и жанрам. Как и в научной фантастике других социалистических стран, в ней развивается не чисто развлекательная, а проблемная линия этого жанра. Произведения чехословацких фантастов пользуются заслуженной популярностью и за рубежами страны. Не говоря уже о получивших всемирное признание произведениях Чапека, на многие языки переводятся рассказы и повести Несвадбы, Брабенца, Веселы и других писателей.

Подобно фантастам других социалистических стран, чехословацкие мастера этого жанра стремятся не только создать увлекательное повествование, их привлекают серьезные этические, социальные и философские вопросы, волнующие современное человечество. Поэтому не удивительно, что в Чехословакии на первый план выдвинулась социальная и психологическая фантастика. Она проникнута верой в бесконечные возможности человека, одушевленного коммунистическими идеалами и все более глубоко постигающего тайны природы.

И. Бернштейн

Карел Чапек

СИСТЕМА

Солнечным воскресным утром мы ступили на палубу увеселительного пароходика «Генерал Годдл», где было устроено народное гулянье,— не подозревая, что очутимся в обществе баптистов. Через полчаса после отплытия, когда этим набожным людям чем-то не понравилась наша общительность, они под предлогом якобы содеянной нами не-пристойности вышвырнули нас в море. Мгновение спустя к нам слетел господин в белом костюме, а примерные христиане, развлекавшиеся на палубе, по доброте душевной кинули вниз три спасательных круга и, распевая религиозные гимны, удалились, предоставив нас воле волн.

— Слава богу, спасательные пояса фирмы Слэнка у нас есть, — попытался было завести разговор господин в белом костюме, после того как мы втиснулись в резиновые круги.

— Это пустяки, господа, — желая нас успокоить, продолжал наш новый попутчик. — Часов через шесть, я надеюсь, если не изменится юго-восточный ветер, пришвартуемся к берегу.

После этой тирады он представился по всей форме: Джон Эндрю Рипратон, владелец плантаций и фабрик в Губерстоне. Владелец плантаций гостил у своей двоюродной сестры в Сент-Огюстайне. На пароходе он запротестовал против нашего удаления и вскоре получил возможность короче познакомиться с нами — в условиях, правда, несколько необычных.

Пока совершались эти формальности, безбрежное море гудело равнодушно и ритмично, а ленивое течение относило нас к берегу, то поднимая на гребнях волн, то низвергая в глубины вод.

Меж тем мистер Джон Эндрю Рипратон развлекал нас рассказом о своих занятиях экономикой в Европе; оказалось, что в Лейпциге он слушал Бюхера; в Берлине — Листа и Вагнера; штудировал Шеффли, Смита, Карлейля и Тэйлора; поклонялся богу промышленности, пока эта увекательная жизнь не была прервана странным и диким происшествием: взбунтовавшиеся рабочие убили его отца и мать.

Тут мы — люди праздные — в один голос воскликнули:

— Ах, рабочие, опять рабочие! Вы — жертва социальная, мистер Рипратон. Рабочий — продукт производства девятнадцатого столетия. И как они изменились за это столетие! Ведь теперь их миллионы, и каждый — проблема, загадка и постоянная опасность. Рука рабочего — это та почка, из которой разовьется кулак. Ихбранных испокон веков — десяток тысяч; они вырождаются, а рабочих становится все больше и больше. Вас, мистер, они лишили

родителей, а девятнадцатый век — традиций. И раз уж дошло до насилия, то скоро дойдет черед и до нас, и до наших милых приятельниц за морем — погодите, дайте только срок.

— Осторожно, волна, — любезно предупредил нас мистер Рипратон и самодовольно улыбнулся. — Pardon, господа, но меня они не тронут. Мои заводы, мой Губерстон — приют спокойствия и тишины. Я провел там культурные преобразования. Благородный цвет промышленности я привил на крепкую основу рабочей проблемы.

— А-а, — вскричали мы, колеблемые волнами, — так, значит, вы преобразователь! Организуете воскресные школы, народные университеты, кружки домоводства; воюете с пьянством; учреждаете общества, оркестры, стипендии, проповедуете теософию, дилетантизм; словом, стремитесь облагородить рабочего, пробудить к новой жизни, дать ему образование и привить любовь к культуре. Но, уважаемый, позволив ему вкусить от плодов цивилизации, вы разбудите в нем бестию. В любом из нас дремлет сверхчеловек. И в один прекрасный день потомственная элита будет сметена мощным потоком вождей и проповедников; миллионы спасителей, интеллектуалов, идеологов, папы и святые устремятся прочь с фабрик и заводов; и набег их будет сокрушителен. Все, что не удастся спасти, будет уничтожено. Мир, достигнув своего апогея, превратится в прах. Черствое сердце последнего хозяина-промышленника метеором покатится по Вселенной.

Мистер Джон Эндрю Рипратон выслушал этот речитатив, достал из непромокаемого футляра трубку и, раскурив ее, предложил нам:

— Не желаете ли, господа? Весьма приятно в столь влажной обстановке. Что же касается ваших взглядов, то лет двадцать назад я согласился бы с ними. Продолжайте!

Закурив и покачиваясь на волнах, мы развивали свои идеи дальше.

— Но ведь существует и идеал рабочего. Это — жаккард, маховое колесо, сельфактор, ротационка, это локомотив. Жаккард не желает ни судить, ни властствовать, не объединяется в союзы, не терпит речей; единственная его идея,— но сильная, господа, великая и руководящая идея — нити, как можно больше нитей. Маховик ничего не требует, ничего, только бы ему позволяли вращаться; у него нет ни иной программы, ни иных желаний. Движение — вот идеал, г-н Рипратон. Движение — это все.

— Превосходно, господа,— ликовал Джон Эндрю Рипратон, сбрасывая с себя скользкую медузу.— Если вы самостоятельно пришли к такому заключению, то, наверное, сможете по достоинству оценить мою систему, мое решение рабочего вопроса, конструкцию типа *Operarius utilis ripratoris*.

Итак, господа, термин «фабрикация» происходит от слова «*febris*», что означает «лихорадочная деятельность». Да, господа, крупная промышленность — это вам не промысел, крупная промышленность — это лихорадка, порождаемая энтузиазмом, взлетом фантазии и честнейшими устремлениями. Обработать пятьдесят тысяч мешков хлопка — дело нешуточное, уважаемые господа, справиться с миллионом таких мешков — для этого нужна прямо-таки необузданная фантазия художника-энтузиаста. Обработать миллионы! Обработать весь мир! Ибо мир — это сырье, не больше. Цель индустрии — обработать мир, господа! Небо, земля, человечество, время, пространство — это всего-навсего сырье для промышленности. Превратить мир в товары!

И мы беремся совершить это. Чтобы справиться с такой грандиозной задачей, необходимо ускорить все процессы. Но нас держит в плену рабочая сила, рабочий вопрос. Поэтому мы объявляем войну социализму, туберкулезу, снижению рождаемости, восьмичасовому рабочему дню и алкоголизму! Ничто не смеет мешать нашему движению впе-

ред! Рабочий должен стать машиной, от него требуется только движение, ничего больше! Любая идея — грубейшее нарушение рабочей дисциплины! Господа! Система Тэйлора — это систематизированное заблуждение, ибо эта теория прошла мимо вопроса о душе. Душа рабочего — это вам не механизм; ее необходимо устраниć. И это удается в моей системе! Моя система предлагает кардинальное решение всех социальных проблем!

В начале своей деятельности я грезил о рабочем, который был бы лишь рабочей единицей — и только. Поэтому я брал к себе на службу людей недалеких, убогих, флегматиков, неграмотных, альбиносов, представителей неполнценных рас и так далее, то есть исключительно тех, кто, пройдя специальный экзамен у профессора Мюнстерберга, обнаруживал полное отсутствие мыслей, идей, увлечений, кто не имел понятия о поэзии, астрономии, политике, социализме, истории, забастовках и организациях. Они не сомневались, что их жизнь состоит из наследственной предрасположенности к труду и благоприобретенных привычек. С помощью своих агентов я выискиваю эти редкостные экземпляры по всему миру. Теперь мой Губерстон работает безотказно.

— Эге-ге, мистер Рипратон, осторожнее, как бы вас не задело вон то бревно! — воскликнули мы. — Конечно, ваша система превосходна! Но вас не пугает, что ваш идеальный рабочий со временем выродится и деградирует? Скажем, вследствие неких пагубных влияний испортится и примется изо всех сил искать применение своим душевным порывам? Не считаете ли вы целесообразным проводить у себя недели медицинских освидетельствований? Не наблюдаются ли у ваших рабочих случаи внезапного прозрения?

— Нет, никогда! — торжествовал мистер Рипратон, отталкивая от себя невесть откуда взявшуюся балку. — Я, уважаемые господа, преобразил своего рабочего; прежде всего я уничтожил в зародыше его альтруизм, всякие кол-

лективные, семейные, поэтические, трансцендентальные чувства; я отрегулировал его пищеварение и всякие прочие желания; я ликвидировал его окружение, воздействовал на него архитектоническими, астральными, диетическими влияниями, температурой, климатом, четкой систематизацией жизни.

Произнося этот монолог, мистер Джон Эндрю Рипратон не заметил, как очутился в гуще скользких водорослей,— выбраться оттуда он уже не смог; в то время как течение медленно, но верно относило нас к берегу, его узкий круг все еще белел на горизонте. Торопясь изложить свой метод, мистер Рипратон пронзительно кричал нам вслед:

— Погодите, господа! У меня каждый рабочий пользуется удобствами, он привык к ограничениям и регулярности. Каждый равен себе подобному, как элементы в электрической батарее. Я построил для них казармы. У каждого своя клетушка, они как две капли воды похожи одна на другую; у моих рабочих одни и те же переживания, ощущения, приборы, часы, одинаковые мечты; у них нет надобности и желания чем-либо поделиться друг с другом; им нечего сказать друг другу или попросить о какой-нибудь услуге. Секунду, господа! Я окружил их скучкой, достатком, равнодушием, удобствами и чистотой. Да, господа! Женщина? Женщина возбуждает эстетические, семейные, этические, общественные, романтические, поэтические и общекультурные чувства. Да, господа, во мне тоже; собственно, я это знаю по собственному опыту. Женщина — ах, женщина! Женщина — враг любой системы! Женщина, господа... мгновение, господа!.. Я позволяю рабочим пользоваться женщиной лишь изредка; мастерам — раз в три дня; кузнецам — раз в неделю; рабочим хлопчатобумажных цехов — раз в две недели; поденщикам на плантациях — раз в месяц, и то лишь ночью, под покровом темноты, чтобы они не видели женской красоты и не познали эстетического волнения,— алло, господа, вы меня

ещё слышите? — чтобы они не ощутили эстетического и нравственного воздействия или... вообще чего-нибудь более высокого и... господа... я говорю... женщина... всяких желаний, восторгов... умиротворение рабочих... мой метод... Прощайте, господа!

Мистер Джон Эндрю Рипратон все повышал и повышал голос, долетавший к нам уже откуда-то издалека. Наконец он совершенно скрылся из глаз, плененный водами, словно буй, и ветер, дувший с моря на сушу, уже не доносил до нас его пронзительного голоса. Вскоре на океан как-то сразу опустилась тихая лунная ночь, а в полночь мы выбрались на берег неподалеку от Чарлстона, откуда послали лодку на розыски мистера Джона. Бедняга провел на воде не слишком приятную ночь.

Из Чарлстона, без каких-либо чрезвычайных происшествий, мы по воде добрались до Сент-Огюстайна и на следующий день нанесли визит мистеру Рипратону и его кузине. Мы застали его в кресле-качалке, с письмом в руках; на лице нашего приятеля застыло выражение глубочайшей скорби. Он поклоном ответил на наше приветствие и, не говоря ни слова, протянул письмо следующего содержания:

«Губерстон, 27 января

Уважаемый сэр!

Письмо мое оторчит Вас. Все погибло. Рабочие взбунтовались, подожгли фабрики, спасти ничего не удалось, Ваша супруга и трое детей убиты.

Все произошло неожиданно. У молодого рабочего Боба Гиббона (№ С 10707) случайно (случайность была роковой!) забыли выключить свет в ту ночь, когда к нему разрешено было впустить женщину — к несчастью, редкой красоты. В Бобе проснулось чувство прекрасного и понимание высокого предназначения человека, в нем возродились и другие более тонкие чувства, вследствие чего на следующий день, невзирая на замечания и побои караульных, он принялся распевать песни, рисовал что-то, мечтательно улы-

бался, разговаривал, делал значительное лицо и вообще вел себя самым приятным образом.

По его наущению остальные рабочие запаслись на ночь свечами и все пришли в неописуемое волнение. После этого их начали интересовать белые манишки, зеркала, открытки, стихи, музыкальные инструменты, картины и тому подобные предметы, возбуждающие любовные чувства. В порыве вдохновения они организовали четыре певческих кружка, два общества декораторов, два клуба театралов-любителей и несколько спортивных обществ. Администрация оказалась бессильной воспрепятствовать этому движению. Затем рабочим удалось проникнуть на женскую половину; разобрав женщин, они стали жить семьями. Назавтра они уже потребовали сокращения рабочего дня и повышения заработной платы, а в последующие дни организовали всеобщую забастовку и основали три профсоюза — кузнецов, рабочих-текстильщиков и батраков-поденщиков. 25 января были изданы три журнала и разбиты лавки и склады в центре города. Таковы события последних дней, имевшие место, пока Вы благоволите пребывать вне стен отчего дома.

Попытайтесь найти утешение, дорогой сэр, если сможете.

Преданный Вам Фрэнсис Д. Мюлберри.

Мистер Джон Эндрю Рипратон отвернулся к окну, чтобы выплакаться всласть. А мы заметили про себя, с глубоким вздохом: «Бедный Рипратон! Бедняга Гибbon, новый Адам! Какая опасность таится в вас, о наши милые подруги! Да хранят небеса вашу молодость!»

Карел Чапек

КОНТОРА ПО ПЕРЕСЕЛЕНИЮ

...Видите ли, я еще смутно представляю, как это осуществить, но была бы идея, а техническое решение всегда найдется. Отыщется какой-нибудь умница и подскажет, как практически подступиться к этому делу. А потом все пойдет словно по маслу.

Ну, как бы это попроще растолковать? Скажем, вам не нравится улица, на которой вы живете: может, там пахнет кондитерской или она очень шумная и вы страдаете бессонницей, а может, там вообще все вызывает у вас недовольство; одним словом, вы убеждены, что эта улица вам

не подходит. Как вы поступаете в таком случае? Подыскиваете себе квартирку в другом месте, нанимаете грузовое такси и переселяетесь в новый дом, так? Все очень просто. Любая гениальная идея, милые, всегда, в сущности, очень проста.

А теперь вообразите, что вам или еще кому не нравится наше столетие. Есть ведь странные люди на свете; некоторые обожают тишину и покой, кое-кого просто тошнит от газет, где что ни день пишут о войне, — дескать, в одном месте она уже вспыхнула или вот-вот вспыхнет, в другом — изволите знать — казнят и сажают в тюрьмы, а в третьем несколько сот или несколько тысяч людей ни с того ни с сего поубивали друг друга. На все нужны нервы, милые. Не всякий человек такое выдержит. Кое-кому не по себе становится, коли на свете всякий день безобразия творятся. Неужто, дескать, и мне такое пережить придется? Я человек мирный, семейный, цивилизованный, у меня дети, не желаю я, чтобы они росли и воспитывались в это дикое... я бы сказал, распущенное и страшное время. Таких чудаков, я уверен, немало наберется. Да если на все взглянуть с их точки зрения, оно, пожалуй, и правда: нету нынче у человека никакой уверенности, что мир долго продержится на земле, что сам ты удержишься на службе; даже в своей собственной семье — и то уверенности нету. Ничего не попишешь, старые-то времена вроде и впрямь понадежнее были. Словом, отыщутся у нас мудрецы, которым нынешние нравы никак не по нутру. Некоторые от этого просто очень несчастны. Им прямо жизнь не в жизнь — совсем как тому бедняге, который вынужден ютиться в грязной и несносной квартире, откуда и носа не высунешь. А что поделаешь? Ничего. Жизнь-то бежит!

Бот тут-то я и появлюсь, голубчики мои, и вручу этакому типу проспект своей конторы по переселению.

Вам не нравится двадцатый век? Положитесь на меня — на своих специальных, прекрасно оснащенных пере-

селяющих машинах я перемещу вас в любое столетие. Никаких перелетов, господа, гарантирую только несколько более длительное переселение. Изберите себе столетие, где вы чувствовали бы себя наилучшим манером,— и мы с помощью квалифицированных специалистов *быстро, дешево и удобно* доставим вас вместе с вашей семьей и со всеми вашими мебелями куда потребуете.

Мои машины надежно действуют пока только в радиусе трехсот лет, однако мы трудимся над созданием двигателей, мощность которых играющи преодолеет два и даже три тысячелетия. Такса за каждый пройденный в обратном направлении год за один килограмм груза — столько и столько-то...

Сколько это в денежном выражении — я пока тоже не имею понятия; то есть и машин, которые перемещались бы во времени, у меня тоже нет; однако не извольте беспокоиться, все образуется, стоит лишь взять карандаш и подсчитать прибыль. А что до организации — организацию и давно продумал. Скажем, приходит ко мне клиент; дескать, так и так, желаю переселиться из этого треклятого столетия, хватит, мол, с меня отравляющих газов, гонки вооружения, фашизма и всего такого прочего...

Я позволю клиенту излить душу, а потом предложу: извольте взглянуть, милостивый государь, вот наши проспекты разных столетий. Это, к примеру, девятнадцатое. Эпоха культурная, кабала сносная, войны пристойные, разве с нашими сравнить — куда там! Расцвет наук, масса возможностей для экономического процветания; в особенности рекомендуем вам эру Баха — гармония полная, обхождение с людьми гуманное. Век осьмнадцатый вообще привлекателен для ценителей духа и вольной мысли; предлагается главным образом так называемым господам философам и интеллектуалам. Иль, сделайте одолжение, взгляните в шестое столетие после Р. Х.; что верно, то верно, в ту пору свирепствовали гунны, но зато можно было

укрыться в девственных чащах — идиллия, знаете ли: ска-
зочный, насыщенный озоном воздух, рыбалка и прочие
спортивные развлечения. А эпоха гонения на христиан?
Век довольно цивилизованный: уютные катакомбы, относи-
тельная терпимость в вопросах веры и прочих делах, никаких
концлагерей и так далее.

Словом, я был бы удивлен, если бы никто из наших
современников не нашел для себя ничего подходящего в
минувших веках, где бы жилось вольготнее и проще; я был
бы изумлен, если бы какой-нибудь оригинал за сходную
плату в конце концов не пожелал переселиться... в па-
леолит. Вот тут-то я бы ему и ответил: сожалею, голуб-
чик, но поверьте, у нас столько заявок на первобытные
времена! Туда мы своих клиентов возим только скопом;
багажа берем лишь двенадцать фунтов весу; иначе никак
не поспеть, слишком большой спрос. Сейчас принимаем за-
явки на 13 марта будущего года — это ближайший рейс
в палеолит, на который пока еще есть свободные места; ес-
ли желаете, мы забронируем...

Да что тут долго рассуждать, господа. Выгодное было
бы дельце: я бы не мешкая начал массовый перевоз с трид-
цатью машинами и шестью прицепами. В конторе у меня
все уже наготове, вот только этих специальных машин вре-
мени еще нету. Ну, да ведь их изобретут — не сегодня, так
завтра; на мой взгляд, это первейшая необходимость в наш
просвещенный век!

Ян Вайсс

МЕТЕОРИТ ДЯДЮШКИ ЖУЛИАНА

*Толпа на горе.— Не прикасаться! — А яйцо-то холодное.—
Полиция!*

Мы стояли на высокой горе и глядели в небо. Под нами, сжавшись в темноте, лежал опустевший город. А в ночном небе разыгрывалось нечто грозно-прекрасное.

Падали метеориты...

Все небо было исчеркано огненными линиями, пересекавшимися, перекрещивавшимися во всех направлениях. На западе, рассыпая искры, горела оранжевая дуга. Внезапно в центре дуги вспыхнула зеленая звезда и величаво поплыла по небу, оставляя за собой зелено-золотой шлейф.

Потрясенные, мы смотрели на комету.

Вдруг из золотистого шлейфа выпало исполинское яйцо! С пронзительным, оглушившим нас шипением оно покатилось по небосводу, раздался громовой удар, гора содрогнулась у нас под ногами, и далеко-далеко на горизонте звилось пламя.

Нас обуял панический ужас. Как по команде, тронулась толпа на горе — мы бросились туда, где пылал горизонт.

Не знаю, долго ли мы бежали. Небо давно погасло, сделалось бездонно-черным, словно все звезды упали вниз и не стало больше звезд...

Что это было? Что?

Наконец толпа остановилась. Леденея от ужаса, устались мы на выжженную пламенем землю: посреди черной проплешины лежало огромное серое яйцо...

— С кометы упало! — слышались возгласы.

— Яйцо упало с кометы, вот оно перед нами, а никто ничего не делает!

— Конец света еще не настал!

Слегка зарывшееся в землю, яйцо мирно лежало среди пепелища. Кольцо все сжималось, по мере того как люди смелели. Наконец самые храбрые, не выдержав, подбежали к самому краю воронки.

— Не прикасаться! — предостерег их староста. — Оно раскалено добела! Я послал за полицией.

Я подошел вплотную к яйцу — проверить, действительно ли оно пышет жаром, — но никакого жара не ощущил. Все поразились моему геройству. Тогда я кончиком мизинца дотронулся до серого тела.

Яйцо было холодное!

Тут все принялись трогать его, выстукивать, водить по нему пальцами, предварительно послюнявив их.

Раздался хриплый возглас старосты:

— Дорогу! Расступитесь! Полиция!

Толпа заволновалась. Рота полицейских, разогнав любопытных, обнесла пепелище колючей оградой штыков. Около яйца остались только староста, несколько официальных лиц и я.

— Чья земля? — осведомился вахмистр, подходя к нам.

— Помешника Жулиана! Вот этот молодой человек — их племянник, — и староста показал на меня.

*Дядя Рудольф, католик и трус.— Небесная приборка.—
Послание из Вселенной.*

Я был единственным племянником своего единственного дяди. О дядя Рудольф! Вдовец, ростовщик, католик и трус. Дядин облик предстал перед моим мысленным взором до того рельефно, что в мозгу отдалось болью...

— Пану Жулиану чертовски повезло, — завистливо проговорил помещик Либек, чья усадьба соседствовала с дядиной. — Небесная наследка снесла ему яичко прямо в руки — мне-то вот не посчастливилось...

— Тоже мне счастье, — ответил я примерно в том же духе, как это сделал бы дядя, будь он сейчас с нами. — Весь покос сгорел, а что касается этого адского яйца, так еще одному богу известно, кой дьявол из него вылупится...

Тут прибежал и дядя, обливаясь кровью и потом. Он метнулся к яйцу и приник к нему, распростерши объятия, словно собрался поднять его на руки. Затем, все еще вне себя от нежданной радости, он стал принимать поздравления — от кого искренние, а от кого и насмешливые.

— Что же вы с ним будете делать? — спросил дядю учитель естествознания Пешек — длинный, сухопарый, весь в черном, словно погребальный факел.

— На вашем месте, — сказал хитрый пан Либек, — я сбыл бы его в какой-нибудь музей или продал первому встречному. Избавьтесь от него, пока не поздно!

— Да я... да я ведь еще и не знаю, что это такое!

— Ладно, ладно, продадим, — вставил я, желая подольститься к дядюшке. — Продадим, только сначала оценить надо! Одна оболочка чего стоит — металл-то небось редкий... А о ядре я и не говорю, мало ли что в нем?

— Да ничего в нем такого нет, обыкновенный метеорит, — возразил мудрый староста. — Как чистят по ночам небо, так всегда они падают, эти маленькие острые звезды-недоделки, а на небе остаются только большие, солидные звезды. Просто приборка такая небесная...

— А если это окаменевший дирижабль? — робко вмешался местный поэт Гашковец.

В ответ многие засмеялись. Гашковец покраснел и умолк.

Только фотограф Рачек вступил за него:

— А почему бы и нет? Вдруг из него выведутся жители той звезды, которых послали на нашу Землю? Вы только подождите — вот где-нибудь оно откроется, и будем мы с вами пялить глаза, как курица на самолет!

Пан Либек вновь попробовал подкатиться к дядюшке.

— Не знаю, сосед, какая вам будет польза от того, что из этого яйца вылупится, но лично я начинаю опасаться за свое имущество — очень уж оно близко от этого драконьего семени!

— Пан Либек! — вспыхнул я. — Хоть бы из него вылупился сам Вельзевул, смею вас заверить, он не тронет ни стебелька на ваших лугах! Мне кажется, — обернулся я к дяде, — что яйцо это представляет ценность, далеко превосходящую наш государственный долг!

Тем временем фотограф Рачек взобрался на высокую стремянку в надежде сделать один снимок сверху. И вдруг он дико заорал:

— Люди! Люди! Боже всемогущий, на яйце что-то написано!

И в самом деле! Какие-то клиновидные углубления, которые мы поначалу приняли за изъян в оболочке, состави-

лпсь, если глядеть на них с некоторого расстояния, в определенный порядок.

— Ну, господа! — воскликнул счастливый дядя. — Это разом меняет положение! Перед нами — послание из Вселенной!

Надпись расшифрована! — Яйцо лопнет само... — Ксаверий Марготт, кунстатор. — До чего вкусно...

Надпись на таинственном яйце, воспроизведенная во всех газетах мира (пан Рачек, разумеется, весьма и весьма не оплошал!), естественно, вызвала страшное волнение среди астрономов и астрологов, астрофилов и астрографов, но, увы, ни одному ученому не удалось ее расшифровать.

А как это было необходимо! Мир лопался от любопытства.

Я посоветовал дядюшке просверлить яйцо — только так узнаешь, пустое оно или полное и вообще что в нем такое. В газетах тут же появилось тенденциозное сообщение, будто помешик Жулиан намеревается изуродовать яйцо. Эта заметка вызвала яростные споры в ученом мире.

И вдруг бомбой разорвалась весть, что надпись почти удалось расшифровать! Престарелый академик Ксаверий Марготт потряс академию следующим толкованием клинописи:

«...приветствие от скитальцев Вселенной... которые исследовали зародыши... доказательство жизни... Много света... когда родится... назовите его... научит вас... терпеливы... Солнце...»

Однако слава академика Марготта не продержалась и суток. Почти одновременно с опубликованием его телеграммы в «Прогулках по Вселенной» появилось иное толкование загадочного текста — на сей раз сделанное доктором астрологии Кайафой Матейской:

«...много солнца и счастья вашей карусели... нам смеш-

но... малый сосуд (посудину) с напитком познания (спасения)... на здоровье... по следам тайны... звезд...»

Как легко заметить, оба толкования принципиально противоречили друг другу. Трудно сказать, какое из них было правильным, но результат не замедлил сказаться: ученые тут же разделились на два лагеря. Одни, рьяно отстаивая перевод Ксаверия Марготта, исполнились решимости выжидать, когда подойдут сроки и яйцо лопнет само собой, раскрыв миру потрясающую тайну,— выжидать, сколько бы времени ни понадобилось!

Лагерь этот был явно консервативным. Его приверженцы прежде всего потребовали изъять астральное яйцо из собственности дяди, а потом стали склоняться к мысли и вовсе национализировать его. Пусть, мол, государство охраняет и оберегает его до тех пор, пока из него не выведется тот таинственный обитатель кометы, который призван чему-то там научить землян...

Другие ученые уверовали в толкование Кайафы Матеаски. Овальный метеорит рассматривался ими не как яйцо, а как некий сосуд с волшебным напитком «спасения», который-де позволит человечеству постичь все тайны жизни, времени и бесконечности. Один лагерь — лагерь нетерпеливых — яростно ополчился на другой. Ксаверий Марготт получил прозвище кунктора. Его противники настаивали на немедленном создании комиссии, которая занялась бы изучением поверхности и содержимого метеорита и безотлагательно начала бы сверлить его оболочку, чтобы подвергнуть анализу жидкость, извлечь из нее какую-то экономическую выгоду и приступить к спасению человечества.

Не удивительно, что группа «нетерпеливых» была куда популярнее и имела больше шансов на успех — все любопытные тотчас приняли ее сторону.

Праздник «пробивания бочки».— Тверже алмаза.— Пан Мамила и его лаборатория.— Нас было пятеро...

Наконец наступил исторический час, когда, несмотря на отчаянные протесты кункторов, яйца должны были просверлить. В тот памятный день сливки общества в присутствии членов правительства начисто вытоптали дядин покос и картофельное поле.

О, сколько было речей, церемоний и тостов по поводу этого удивительнейшего торжества — «пробивания» небесной бочки! Внизу поставили кадки, ведра и прочие сосуды, готовясь принять драгоценную влагу, чтобы не пропало ни капли. Для монархов и почетных гостей из других стран были приготовлены золотые и хрустальные кубки.

При гробовом молчании толпы заработало пневматическое сверло; горели взоры, причмокивали от нетерпения языки. Через несколько минут кривая напряжения достигла апогея, но из-за отсутствия желаемых результатов вскоре начала падать. Через полчаса напряженность перешла в нетерпение, а час спустя люди только насмешливо улыбались. Оболочка яйца оказалась до того твердой, что алмаз не оставил на ней и царапины!

К вечеру обманутая в своих ожиданиях толпа медленно разбрелась. Иностранцы за неимением лучшего прополоскивали иссущенные жаждой глотки пивом «Праздной» в местном ресторанчике, после чего покидали наши края с такой поспешностью, словно под ними горели покрышки автомобилей.

После этой экскурсии «всухую» оба лагеря незамедлительно сцепились снова.

Говорилось много, печаталось еще больше, а в общем дело не двигалось. Внезапно вспыхнувший интерес к дядюшкому чуду медленно, но верно угасал.

Спад ажиотажа вокруг диковинного яйца больше всех радовал дядюшку. Он будто только и ждал, когда избавит-

ся от всех этих зевак, падких на сенсацию, и со свойственным ему упрямством взялся за дело на собственный страх и риск. Тайно от нас он пригласил из столицы известного химика пана Мамилу. Посуллив химику высокий гонорар и взяв с него клятву, что он никому ничего не скажет, дядюшка оборудовал на чердаке настоящую лабораторию, где ученый мог испытывать всякие едкие составы. Трудно представить, на какие финансовые жертвы шел этот отъявленный скряга, одержимый желанием во что бы то ни стало проникнуть в глубь яйца!

Нас было пятеро: дядя Жулиан, Адамец, управляющий Яворком (так называлось дядино поместье), Мамила, моя скромная особа и работник Лойза — полуидиот, от которого проку чуть.

Первая ночь... Июльские звезды не то изумленно, не то враждебно взирали с бездонного неба на нашу адскую кухню. Мы возились у серого колосса, надеясь вырвать его тайну...

Зловонный состав.— Яйцо-то кругое! — «Еще один компресс».

Удивительная погода устаповилась в то время, когда мы единоборствовали с матерней неземного происхождения! Днем — страшные грозы с ливнями, по ночам — неожиданное прояснение, быстрое и полное.

Химик пробовал все новые кислоты. Днем он накладывал на оболочку яйца разъедающие составы, словно то была воспаленная ранка, которую он лечил компрессами.

Ему удалось составить какую-то убийственно зловонную жидкость. Смочив тампон этим составом, он вложил его в ямку и плотно залепил. Днем вновь поднялась страшная буря. Молнией срезало верхушку тополя в аллее, ведущей к усадьбе.

К десяти часам вечера небо очистилось от туч разом, точно по волшебству. Мы невольно подумали: а что, если

эти небесные знамения как-то связаны с нашей работой? Но никто не решился высказать этого вслух.

Беззвучно падали звезды, на западе вспыхивали сполохи. Где-то вдали глухо рокотал гром, словно Вселенная возмущалась нашей дерзостью. Химик дрожащими руками снял «компресс». Вынули тампон, и нашему взору открылось углубление величиной примерно с кулак. Адский состав действовал! В ту ночь мы испытывали только химические средства.

Под облаками невыносимой вони ямка углублялась. Поработав еще час с зажатыми носами, мы сочли ее достаточно глубокой — пожалуй, из нее уже могла бы выплыть божественная жидкость.

И тут я впервые высказал свое сомнение в успехе.

— Не повезло нам, — сказал я, повернувшись по ветру, чтобы дядя расслышал. — Боюсь, что...

— ...что просверлим «спасителя» насквозь?

Дядюшка метнул на меня такой взгляд, словно выстрелил парой зеленых от злости петард.

— Да нет! Просто мне кажется, что оболочка дойдет до самой середины... Яичко-то, по-моему, крутое...

— Сопляк!

Кровь бросилась дяде в лицо, словно его поставили вверх ногами, и он погрозил звездам своим зонтиком.

— По-твоему, зря молнии бьют в мои тополя? Да пусты... да пусть ни одного из них не останется, пусть этих заказанных молний будет больше, чем черепиц на моей крыше, — все равно не уступлю!

И, подняв лицо к небу, он вызывающе захохотал. С той поры, как космическое яйцо упало на его луга, дядюшка неизвестно изменился. Если прежде склонность его была трусливой, то теперь она стала нетерпеливой, обидчивой и буйной до фанфаронства.

На западе опять загромыхало — протяжно и грозно.

— Слышишь? — Дядя с яростью обернулся в ту сторо-

ну. — Кто это? Кто мне грозит? Кто там бунтует против меня? Может, кому-то там, наверху, все это дело не нравится? Может, молнией ударит в мой дом? А я и хочу этого! Смотри, ночь чиста, как родник, звезды смотрят нам на руки, пожалуй, любопытства в них больше, чем злости!

— Ну-с, еще один компрессик... — глухо, в нос, прошептал химик. — Да уж, доложу вам, пан Жулиан, мой состав поядовитей, чем серная кислота для желудка...

— Десять компрессов! — разгорячился дядя. — Тысячу! У меня хватит средств, чтобы продолбить яйцо насквозь! Я могу себе это позволить!..

Ураган на десятый день.— Коза на крыше.— «Вперед, улитки!» — Гончая Боккаччо.

Это случилось на десятые сутки. Обезумевшее солнце палило до полудня, потом все вокруг разом пожелтело в каком-то мертвенно-полусвете. Небо стало зелено-оранжевым, тучи будто занедужили желтухой. Поднялся вихрь — и началось!

Такого никто не упомнит. Белье, перины, домашняя птица, занавески, дранки, сено, водосточные трубы, флюгеры, черепица — все закружились, перемешалось в воздухе, словно сам сатана правил здесь свой бал. Труба на людской обвалилась, а чья-то коза очутилась на крыше, между двух слуховых окошек. Ураган распахнул окна и дверь, ворвался в лабораторию химика и смел всю его аппаратуру и препараты в угол, превратив их в груду битого стекла.

— Если я это переживу, то наше дело в шляпе, — упрямо твердил дядя. — По тому, как разбушевалась стихия, я догадываюсь, что мы близки к цели! Нынче ночью... А, дьявол!

Он не договорил: раздался треск, окно на секунду что-то заслонило, и вот, пробив стекло, в комнату влетел

незвестный человек. Лохматый, босой, с разбитым носом, с исцарапанными руками и ногами, он брякнулся на ковер прямо к ногам осталбеневшего дядюшки. Придя в себя, незнакомец сел, подпер руками побитый крестец, и его небритая физиономия растянулась в недоуменную ухмылку.

Дядя пулей вылетел из кресла-качалки, в котором сидел.

— Как ты смеешь!.. — оправившись от испуга, гаркнул он на пришельца.

— Прощения просим, вашбродь, — пробормотал бродяга. — Подхватило-то меня в аккурат у того круглого камушка, что с кометы свалился... И уцепиться-то не за что, гладкий ведь, как милость господня... А ураган меня — за шиворот, да и швырь сюда, вот я и ворвался без стука...

— А что ты делал у камня? — взъелся на него дядя. — Не видел, что ли, дощечку при дороге, что вход строго-настрого запрещен?

— Видел, да не прочел, вашбродь. Не то чтобы я не умел читать — я гимназию до последнего класса прошел, — *лаудо, лайдачим, лайдак*. Да у меня из-под носа дощечку-то ветром — фук! Я подумал — град сейчас пойдет, ну и побежал под яйцо притулиться, а из него льет, как из дырявой бочки!

— Что-о? — ахнул дядя. — Как это льет? Может, это дождевая вода стекает?..

— Какая там дождевая вода — прямо из камня и бьет, родником! А я со своей суковатой палкой — вроде святого Авраама в пустыне, когда тот прутиком по скале ударил...

— Льет! — взревел дядя, хватаясь за голову. — Из яйца льет, не врешь?

— Чего мне врать? Я напиться хотел, а тут меня ураган подхватил, да так рьяно, что тебе полицейский...

— Подъем! — закричал дядя, мечась от стены к стене. — Заткнуть яйцо! Управляющий! Беги за ним, — это

адресовалось мне, — а химик и Лойза пусть будут наготове! Таштите бочки, чаны, бездельники, не то все вытечет! Да побыстрее!

Я взглянул в окно на желтую чумную мглу. Ливень, словно застряв в тучах, долго не решался хлынуть — только теперь небо будто прорвало. Это уже не были струи — это были водяные столбы, как при всемирном потопе, казалось, целий океан низринулся с неба!

— Сейчас нельзя, дядюшка, — сказал я. — Подождем немного, пусть пройдет...

— Марш! — завизжал дядя, хватая дождевик с капюшоном. — Таштите бочки! Да живее! Живее! Спасайте, что можно!

Дядя, химик, управляющий и я бросились в хляби. Мы с Мамилой — в одних трусах, будто купались под водоспуском плотины, в общем-то нам было лучше, чем другим, хоть мы и волокли по грязи оцинкованный чан. Позади, то и дело хлебая воду, плыла белая, отличного экстерьера борзая по кличке Боккаччо — любимица дяди.

— Вперед, улитки! — подбадривал нас дядя. — Заткните дыру, пока не поздно! Спасайте, что можно!

*Стеклянная фата-моргана. — Боккаччо наэлектризован! —
Обратный путь. — На лугу ничего не было...*

Луг, на который упал метеорит, издавна носил название «Лесники». Почему, не знаю: вокруг, насколько хватал глаз, не было ни леса, ни тем паче лесников.

Когда мы приблизились к «Лесникам», дождь несколько поутих, но стало еще темнее. Только молнии освещали нам дорогу. Вот одна из них, в фиолетовой судороге, раскроила небеса с востока до запада, и в этом магическом свете передо мной возникло какое-то тело, сверкнуло зеленоватым отблеском и вновь окуталось тьмою.

На меня пахнуло удивительной лесной свежестью — будто где-то поблизости и впрямь был лес! Только лес этот, возникший перед моим мысленным взором, был необычный: на миг передо мной предстало видение фантастических зарослей — деревья стеклянные, и в них пульсировали розовые и голубые соки...

— Ну и вонь! — дядя с отвращением потянул носом, и давняя неприязнь к нему с новой силой вспыхнула у меня в крови. Неужели он не видит стеклянную фата-моргану?!

Новая молния озарила окрестности, и в ее мертвенном блеске я успел заметить человека, удирающего прочь от таинственного яйца. Накрывшись парусиной, согнувшись в три погибели, он судорожно прижимал к животу какой-то сосуд.

— Смотрите! Смотрите! — закричал я, показывая на подозрительную фигуру, но молния погасла и тьма поглотила бегущего.

— Вот дуралей! — проворчал дядя.

Но я совершенно ясно видел человека, уносящего сосуд!

До метеорита уже было рукой подать. При тусклом свете фонаря мы увидели его округлый бок с отверстием, в котором свободно поместилась бы голова гуся. Из отверстия хлестала бесцветная жидкость, только струя устремлялась к небу, а не к земле, как следовало бы ожидать. Ну, точь-в-точь как пожарный шланг, направленный на крышу высокого дома.

— Скорей! Остановите струю! — командовал дядя, подбегая к дыре и пытаясь заткнуть ее тряпичным кляпом, но кляп тотчас пулей подбросило кверху. Все наши попытки разбились о невероятную силу струи. Дядюшка алчным взглядом следил за мощным фонтаном, бессильно ярясь на подобную расточительность.

— Позвольте, но ведь это не то отверстие, что мы про-

сверлили! — присмотревшись, сказал вдруг управляющий. — То было гораздо выше!

— Отверстие то самое! — возразил химик, ощупывая стенку руками. — Я узнаю место по сорванному компрессу.

— Провалиться мне на месте, если наша дыра не была значительно выше! — вскричал дядя. — Неужели яйцо покосилось?

— А по-моему, оно просто оседает. — И я смерил взглядом высоту струи.

— Так и есть, — согласился Мамила. — Жидкость, которая содергится в яйце, не подчинена закону тяготения, вероятно, это-то и удерживало его на поверхности земли.

(Позже эта гипотеза полностью подтвердилась.)

Под адскую небесную канонаду мы принялись за дело. Дождь перестал так же внезапно, как и начался, однако ночь все еще взлаивала громами и карминные молнии озаряли наши лица и руки. Неожиданно пес Боккаччо вскочил на бочку и, задрав морду, начал безудержно выть. Шерсть у него на загривке встала дыбом, и по ней с треском проскачивали фиолетовые искры.

Наконец нам удалось всунуть в отверстие резиновый шланг и пригнуть его книзу. Небесная влага потекла в первую бочку. Тут же подоспел и Лойза с чаном. Теперь главная задача состояла в том, чтобы оттащить сосуды в надежное место. Мы помчались в усадьбу за новой посудой. Гроза стихала, ливень унялся — дождь чуть накрапывал, будто из детской лейки.

Когда же мы вернулись с новыми бочками и бутылями, то от изумления стали как вкопанные: луг был пуст! На мгновение молния осветила круглую яму, наполненную желтой водой.

Яйцо ушло под землю.

Вкус вина.— «Спасибо, хозяин!» — «Боккаччо не трус!»

Сгорая от нетерпения, мы заперлись в подвале — дядя, химик Мамила, управляющий Адамец и я. За нами увязался пес Боккаччо. Мы разливали небесное «вино» из бочек по бутылкам. И, хотя руки наши дрожали от возбуждения, мы ухитрились не пролить ни капли.

Дядя следил за нами жадным взором — как бы кто тайком не хлебнул драгоценной жидкости. Впрочем, опасения его были излишни — все мы уже пригубили потихоньку прямо из источника. Однако в той сумасшедшей спешке, когда мы наполняли бочки под грохот бури и сверкание молний, нам было недосуг обменяться мнениями относительно вкуса напитка. А вкус был поистине неповторимым: не было в нем ни горечи, ни кислоты, ни сладости; в нем вообще не было ничего схожего с теми вкусовыми ощущениями, к которым я привык. Какой-то пьянящий лесной аромат, о котором я уже упоминал... запах сладостно-благовонной розы... Глотнешь — и вновь перед тобой диковинный стеклянный лес...

Но я только лизнул кончиком языка, а в такой дозе даже яд не страшен. Каким же стал бы тот дивный лес, если б я по-настоящему вкусили небесной влаги!

Когда мы наконец управились, дядя наполнил стакан и с неожиданным великолюбием поднес его управляющему. Разумеется, жест этот объяснялся не приливом щедрости, а элементарным страхом.

И управляющий отверг! Он отказался от дара, как это сделал бы любой из нас.

— Спасибо, хозяин, — с виноватым видом произнес он, — но у меня жена и трое ребятишек!

— Конечно, первым делом надо проверить состав жидкости, — сказал опытный химик, — но на себе я его проверять не стану.

— Дадим попробовать Боккаччо! — предложил я.

Я уже давно наблюдал за собакой — что-то мне не нравилось ее поведение. Высунув язык, она жадно следила за движениями наших рук.

— Ладно! — согласился дядя. — Боккаччо не трус — не то что вы!

Он поставил на пол миску и до половины наполнил ее таинственной жидкостью. К нашему удивлению, Боккаччо тотчас бросился к миске и алчно начал выхлебывать содержимое длинным, влажным языком. Вылакав миску до дна, он вдруг повалился на бок, выпучил глаза и завыл — протяжно, жалобно. В этом вое мне послышалась какая-то страстная тоска, вернее, какое-то безграничное изумление перед тем, что сейчас вершилось в собачьей душе. Странную нотку в вое Боккаччо подметили все.

— Святые угодники, что это с собакой? — встревожился дядюшка. — Плачет она или смеется?

И тут Мамила вскричал:

— С нами крестная сила! Лопни мои глаза, если пес не уменьшается в размерах! Взглядите-ка!

Да, это было так! Наш Боккаччо вдруг стал сокращаться... Он убывал на глазах! И не то, чтоб худел или сморщивался — ничего подобного! Просто он становился все меньше — это было заметно по черно-белым плиткам, которыми выложен пол в подвале.

— Разрази меня гром! — воскликнул дядя. — Что случилось с моим псом?

— Взглядите, дядюшка, он уменьшился более чем на половину! — И я очертил пальцем на плитках место, которое прежде занимал пес.

— Так и исчезнет! — захохотал Мамила. — Клочка шерсти от него не останется!

— Куда исчезает мой Боккаччо? — вне себя вскричал дядя.

— Вот подождем — посмотрим, до каких пределов

уменьшается живое существо, — мудро заметил химик. — Мы стоим перед загадкой!

А Боккаччо продолжал уменьшаться с той же неумолимостью, с какой движутся стрелки часов. Мы были беспомощны помочь ему. Но это по-прежнему была великолепная, белой масти борзая, с глубоко вдавленными боками, опущенным изогнутым хвостом, пышным, как страусово перо.

— Что делать, что делать? Боккаччо! Ты меня слышишь? — Дядя ласково пнул пса ногой. — Что с тобой, песик? Куда же ты исчезаешь?

Но лишь протяжное завывание было ответом на ласку. Я догадывался, почему дядя не погладит собаку рукой, — он боялся дотронуться до нее, боялся заразиться необъяснимым «убыванием». Что до меня, то я тоже ни за что не прикоснулся бы к Боккаччо.

— Чего не сделаешь для науки, — холодно молвил химик. — Надо же чем-то жертвовать.

— Но почему именно моим псом? — вздохнул дядюшка.

Его слова натолкнули меня на мысль, впрочем, и без того висевшую в воздухе.

— Собака нам не поможет, — сказал я. — Мы должны проследить за действием этой жидкости на разумное существо, которое могло бы сообщать, что оно испытывает во время этого гибельного уменьшения.

Дядя метнул на меня дьявольский взгляд.

— Правильно! — вскричал он, поднося мне бокал с напитком. — Пей, Гонза, и пусть тебя черт заберет!

— Благодарю, дядюшка, — скромно отказался я. — Мне и тут хорошо, стеклянные деревья мне ни к чему.

— Ты их тоже видел? — ужаснулся дядя.

— И я видел, — хладнокровно заявил Мамила. — Едва только подошел к яйцу и до меня донесся этот странный запах. Просто теперь мы притерпелись к нему.

— Пусть тогда выпьет Лойза! — решил управляющий. — Его не жалко.

— А если его станет разыскивать полиция? — возразил химик.

— Боже сохрани! — испугался дядя. — Только не полиция! Никто не должен проникнуть в нашу тайну!

Тут мне вспомнилась фигура, накрытая парусиной, — я углядел ее тогда при вспышке молнии, — фигура человека, бегущего прочь от яйца с какой-то посудиной. Однако я решил промолчать.

— Кто-то должен пожертвовать собой, если мы хотим узнать свойства волшебного напитка, — продолжал настаивать химик.

— Да и кроме того от Лойзы пользы столько же, сколько от Боккаччо, — категорически произнес дядя, прощая ухо мизинцем.

При имени Боккаччо мы тотчас взглянули на собаку, о которой забыли в пылу спора. Теперь бедняжка умешалась на одной белой плитке и была размером с дамскую перчатку.

— Боккаччо! Миленький! — взывал дядя. — Да что ж это с тобой? Куда ты уходишь, хорошо ли тебе там?!

Пес убывал на глазах. Не успели мы оглянуться, как он исчез окончательно, растаял, как тает в небе самолет, стоит на секунду отвести от него глаза...

Но самое удивительное — пса уже не было, а лай все еще откуда-то доносился — протяжный, полный тоски, он становился все слабее...

Мы напряженно молчали, вслушиваясь в замирающий вдали лай. Вот уже его можно расслышать, только приставив ладонь к уху, вот он уже — как бы взволнованный собачий шепот... А вот и совсем затих.

«Вот и нет собаки!» — «Чокнемся с ним!» — «...нет, все-таки падаю...» — Размеры его не изменились.

— Вот и нет моей собаки! — плакально молвил дядя.

— А бутылки? — вскинул пан Мамила, не в силах

постичь простодушную жадность дядюшки. — Оплачивае-те какую-то собачонку, когда за одну бутылку можете купить их тысячи!

— Да кому нужна эта бурда? — ныл дядя. — Кто станет ее пить? Влюбленные — от несчастной любви? Самоубийцы — вместо яда?

— Точно — питье для самоубийц! — поддакнул Адамец.

— Не торопитесь, господа! — кипятился химик. — Что мы знаем? Пока — ничего!

— А как мы ее назовем, эту жидкость? — вмешался я, чтоб напомнить о себе. Я нарочно выдумывал каверзные вопросы: мне доставляло удовольствие видеть, что потом всем приходится ломать над ними голову. Однако на сей раз я просчитался.

— Ну, это в последнюю очередь, Гонзик!

Мамила снисходительно усмехнулся.

— Это не нам решать. А кроме того, ее надо попробовать на людях! Пан Жулиан, если у вас под рукой действительно нет никого, на ком бы испытать эту приятную жидкость, — послушайте меня, пошлите одну бутылку в химический институт, уж они-то знают, что делать...

— Вот еще! — крикнул дядюшка. — Никому ни капли не дам, пока сами ее не исследуем. Понятно, господа? И чтоб мне не пикнули!

Мы еще раз поклялись дяде хранить молчание, разумеется, с оговорками, о которых каждый из нас предпочел умолчать.

— Как бы только этот бродяга не проболтался, — подумал вслух Адамец.

— А вот ему бы и дать напиться! — смекнул химик. — Если исчезнет — никому и дела нет...

Отличная мысль. Уговорились, что мы наполним свои бокалы водой и чокнемся с бродягой — для вящей убедительности.

Сказано — сделано. Я побежал за бродягой. Он сушил свои лохмотья в людской, в обществе неразговорчивого Лойзы и поедал остатки ужина, смакуя перипетии своего невероятного приключения.

Я пригласил его на «глоток», и он сейчас же вскочил эдаким козленком.

— И то сказать, молодой хозяин, ведь это я открыл все, без меня ваша сивушка-то давно бы вытекла!

В подвале все было готово: и бокалы с водой, и тост, и предательская рюмка для ничего не подозревающего гостя.

— Прими от нас, о странник, этот бокал, — напыщенно произнес Мамила, — в знак признания твоих бесспорных заслуг в успехе нынешнего дня — если не считать, конечно, божественного провидения, швырнувшего тебя в кабинет пана Жулиана. Пью твое бродяжное здоровье, да процветает оно еще долго под солнцем и звездами.

— Только один глоток, странничек, — предостерег управляющий, — один глоточек, а второй — не сразу! Дьявольская штука — к ней надо привыкнуть!

Мы пригубили свои бокалы с водой, чтобы показать, до чего опасно пить этот напиток большими порциями. А наш бродяга только зажмурился, предвкушая удовольствие, и приkleился к бокалу. Прежде чем мы успели ему помешать, он уже опрокинул в себя все содержимое. Бокал был пуст, когда я вырвал его... Бродяга зашатался. Не успел я подсунуть ему пустой ящик из-под закваски, как он рухнул на него, но тотчас вскочил и замахал руками, точно ветряная мельница. Лицо просветлело, глаза заискрились — он словно помолодел лет на десять.

— Что с тобой? — спросил Мамила.

— Падаю! — восхищенно прошептал бродяга, судорожно закрывая глаза. — Нет! Не падаю! Лечу! Нет, падаю... только вверх!

— Голова болит?

— Нет! Это не голова! Это сердечко мое будто летит

куда-то... Го-го-го! До чего здорово! Словно в раю! Дайте еще глотнуть... Мать моя... Навек бы тут остался!

— Где тебе хочется остататься? — в один голос вскричали мы.

— В раю! — как в забытье, прошептал бродяга, молитвенно складывая ладони. — Скорей, скорей, пока не поздно!

С этими словами он свалился на пол и мгновенно уснул.

— В раю... — задумчиво повторил дядя, потом решительно приказал: — Отнесите его в зеленую комнату!

Я подхватил бродягу за плечи, химик — за ноги. Он оказался легоньким, как птичка. Пока мы укладывали его на диван в зеленой комнате, он стал короче примерно на голову. Мы уже приготовились к тому, что он исчезнет у нас на глазах. Но, как ни странно, больше он пока не уменьшался.

Сигналы тревоги.— «И на устах — молчания печать...»

Дядя пригласил химика в кабинет.

Не знаю, чтó там между ними происходило, но вдруг во всех уголках дома зазвенели электрические звонки. Это открывалась дверца сейфа. Я понял, что дядюшка выплачивает химику обещанный гонорар.

Наконец дверь открылась и из кабинета выскочил пан Мамила. На лице его застыла коварная ухмылка. Я было окликнул его, но он только пожал плечами, приложил палец к губам и с плутовским видом похлопал себя по груди. Только его и видели.

О, это-то я понял! Итак, химик оставляет службу у пана Жулиана, на груди у него — набитый бумажник, а на устах — молчания печать!

Хорошо бы!..

В ту же ночь я принес дядюшке в зеленую комнату две бутылки из подвала.

— Ступай спать!

Сидя в глубоком кресле, дядя яростно раскуривал сигару. Сквозь синие клубы дыма я видел его возбужденные, лихорадочно горящие глаза.

— Дядюшка, — начал я, не предвидя ничего хорошего, — может, лучше остаться с вами, вдруг что-нибудь...

— Я же сказал — катись вон! — рявкнул дядя.

— Бог весть, что вы замыслили! Я могу только догадываться и не понимаю, почему вы таитесь от меня. Кому кому, а мне-то известно волшебное действие этого напитка, — я покосился на бутылки, — и я опасаюсь...

— ...что к утру от меня одни штаны останутся? Воображаю, как бы ты прыгал от радости — наследство в кармане, и даже похорон не надо...

При дядиной скрупости этого, конечно, можно было не опасаться. Разве не ясно, что такой скупердяй не расстанется со своим сейфом — хоть бы ему обещали поставить этот сейф на могилу вместо памятника! Но мне было невдомек, зачем ему понадобилось провести эту ночь наедине с бродягой. Видимо, рассчитывает вырвать у того его тайну в надежде извлечь из нее пользу...

Выходя из комнаты, я не сомневался, что ни один из бокалов, сверкающих по соседству с бутылками, не коснется пересохших дядиных губ. Тем не менее страховки ради я решил бодрствовать всю ночь в голубой гостиной по соседству. Я прокрался в эту комнату через кухню.

В соседней комнате царила мертвая тишина.

Не знаю, сколько времени это длилось. Мой мозг, переполненный впечатлениями утомительного дня, постепенно

отключался; мысли гасли одна за другой, словно ночные окна небоскレба. Я задремал, не отрывая уха от двери.

...Очнулся я внезапно — от короткого глухого удара. Окружающий мир вернулся в мое сознание. Я вспомнил о том, что вершилось в зеленой комнате, и услышал сонный голос — это говорил бродяга:

— Мой час еще не пробил! Отец мой! Господи мой! Не пробил!

И дядин голос:

— Что тебе снилось, бродяга?

Хорош ангел! — «Я только рожусь!» — Рождественский сон...

Бродяга:

— Видится мне звезда, на которой живут ангелы. Только вместо крыльев у них зонтики над головой. Они очень набожные, все молятся, а зонтиками закрываются от огромного солнца, которого страх как боятся. Нынче тут великий праздник, как бы воззвишение — ждут рождения искупителя, Сына Бога звезд. А посреди лежит яйцо, и к нему со всех концов слетаются ангелы с роскошными дарами. Ночью у яйца бодрствуют только два ангела — он и она. И она тут самая прекрасная, и я люблю ее больше всех...

Дядя:

— Как же это получается, что ты ее больше всех любишь? Разве ты тоже среди ангелов? Хорош ангел, хе-хе-хе!

Бродяга:

— Да нет! Я не ангел!

Дядя:

— Кто же ты, черт возьми?

Бродяга:

— А я — в том самом яйце, из которого родится искупитель, Сын Бога звезд!

Дядя издевательски захочотал.

— Это ты-то искупитель, Сын Бога звезд? Это тебя там ждут?

— Меня еще нет, я только рожусь... О, я точно знаю, что рожусь, — и тогда...

Дядя, словно поверив сказанному бродягой, ревниво произнес:

— Нет, ты представляешь, каков будет конфуз? И ты, дурья твоя башка, вздумал быть искупителем? А ты вообще слыхал, что такое евангелие? Новый завет знаешь? Нагорную проповедь?.. И что ты им там возвестишь, бродяга?

— Бродяга — это точно, но не дурень, попрошу не оскорблять! Я гимназию прошел, и от выпускных экзаменов меня спас единственно алкоголь...

— А «Отче наш» знаешь? — язвительно ухмыльнулся дядя.

Бродяга осекся, помолчал, будто пытался вспомнить про себя молитву. И вдруг вскипел:

— Ну и пусть забыл, все равно быть мне Сыном Бога звезд! Чувствую я в себе такую силу и уверенность, когда лежу в яичке, — ну, прямо как у матушки под сердцем... Не буду больше бродягой!.. Ах, какая красота, словами не опишешь! Только пить страшно хочется. Во имя милосердия господня, дайте еще глоточек!

— Знаешь, а ведь не ты первый туда собираешься, — злорадно молвил дядя. — Тебя обскакали...

— Кто же?

— Да Боккаччо, моя борзая! Не видал ли ее там, среди ангелов-то? — с ехидством вопросил дядя. — Этаких сыночков Бога звезд я, знаешь ли, могу поставлять туда дюжинами!

— Никто не может искупить их, кроме меня! — в пророческом экстазе возгласил бродяга. — Дайте только напиться... Ну, налейте хоть каплю, а то не рожусь...

— Скажи-ка, — вытягивал из него дядя, — скажи, как же ты видишь ихние зонтики, если ты в скорлупе?

— А я и в яйце — уже бог! Скорлупа-то прозрачная, как стеклышко. Я сразу все тут понял! Даже звуки серебряных флейт...

— Какие еще флейты? — обеспокоился дядюшка.

— Так ведь они не разговаривают, а сообщаются между собой с помощью звуков, извлекаемых из инструментов. Вместо слов у них — тоны, вместо фраз — мелодия. Слушаешь, затаив дыхание, как две флейты ведут диалог... А на флейтах, пожалуй, целая тысяча разных отверстий, потому как у всех ангелов по двадцать с лишним пальцев на каждой руке. Но больше всех люблю я слушать свою матушку, когда она склоняется надо мной и играет колыбельную песню о младенце Иисусе, который рождается от нее, пречистой... А когда к моей колыбели слетаются ангелы, тысячи флейт сливаются в восхитительную райскую гармонию...

— Вполне рождественский сон, — осклабился дядя. — Все точно в стиле Бифлеема... Мне даже завидно. Ей-ей, сам хотел бы взглянуть на эти чудеса! А знаешь, приятель, я ведь тоже пригубил малость и разглядел нечто подобное, только как бы через стекло двухметровой толщины. Предательская жажда — выпить хочется чертовски! Но я не поддамся, я человек волевой! Я, понимаешь, умею так: попробовал — и будет! Важно вовремя остановиться! А ты вот — ты, брат, уже попался к дьяволу в лапы...

— Дайте хлебнуть! — взмолился бродяга.

— А известно тебе, старая дудка, что весь твой искушательский подвиг зависит только от меня одного? Я могу ускорить твое пришествие, могу и задержать его, а то и вовсе отменить — это уж какова моя воля будет.

— Умираю! Умираю! — захрипел в агонии бродяга.

Я услышал торопливое зяканье бутылки о край бокала и журчание льющейся жидкости. И — одновременно с этим — дядин испуганный голос:

— На, на, сын божий, отпей-ка, один глоток тебе сразу вылечит! Да оставь и мне на донышке чуточку радости, я тоже лизну с божьей помощью...

Я замер от страха. Первой мыслью было — образумить дядю, заклиная его не губить себя. Ведь он же собственными глазами видел, какая участь ему уготована! А уж коли мои мольбы не помогут — напомнить ему о сейфе, об этом золотом идоле, которому он так слепо поклонялся!

В соседней комнате было тихо.

Бродяга в качалке.— «Один глоточек в интересах истины...» — «Упокой свои седины...»

...Проснулся я в кресле и в первый момент никак не мог сообразить, где нахожусь: в гостиной царил обманчивый полумрак, окна были закрыты ставнями. Но уже в следующую секунду я все вспомнил.

Полный тревоги, я влетел в дядин кабинет и замер от удивления: в качалке развалился бродяга с сигарой в за-грубевших пальцах, и над ним висело такое облако дыма, что, казалось, вот-вот оно прольется дождем. А напротив, в плетеном кресле, сидел... дядюшка и по привычке ковырял в ухе. На бродяге был дядин полотняный костюм, что придавало ему вполне пристойный, чтобы не сказать изысканный вид. Странным мне показалось лишь то обстоятельство, что костюм нигде ему не жал — вчерашний верзила усох до того, что под мышками и на бедрах одежда морщилась. Вид у бродяги был обиженный и раздраженный.

Дядя теперь казался на голову выше него, и поэтому вначале у меня было такое чувство, будто он не только не уменьшился, но даже вырос.

— Дядюшка! — задыхаясь от волнения, проговорил я. — Как ваше самочувствие?

— Спасибо, хорошо, — ответил он с небывалой мягкостью.

стью, робко поглядывая на меня, но старательно избегая встретиться со мной взглядом.

— Вы пили! — с укором сказал я, ободренный его не-привычной робостью.

— Нет, нет! Не пил! — воскликнул он. — Я только кончиком языка попробовал! Надо было отважиться на глоточек в интересах истины... Ты славный мальчик, Гонзичек...

— Но ведь вы знаете, что стало с Боккаччо! Хотите последовать за ним?

— Глупенький, — успокаивающе улыбнулся дядя, — думаешь, если бедняга Боккаччо выхлестал целую миску, то и я тоже? Нет, я этого не сделал, а один маленький глоточек никогда не повредит — правда, Франтишек?

И дядя любовно посмотрел на бродягу. Такая интимность в их отношениях была для меня откровением.

— Нет, я не сразу уйду из этого мира, — продолжал дядюшка. — Я — по капельке, по малюсенькой капельке... А сны, которые навевает наш божественныйnectар, — они и впрямь не от мира сего! Просыпаешься светлый, чистый, как родник — ни тебе похмелья, ни мировой скорби... Правда, Франтишек? Мы еще долго пребудем тут, пока...

— Не хочу! — взвыл бродяга. — Не хочу я тут пребывать! Ни минуты не желаю оставаться!

— Оставайся у меня, Франтишек, — уговаривал его дядя. — Упокой свои седины на старости лет. Не будут больше ломить твои косточки холодными утрами в дырявых сарайах и пустых амбарамах. Я предлагаю тебе свою кухню, и ложе, и ключи от подвала, а также половину моего гардероба и сигары. Короче, ты будешь моим пожизненным гостем, изведаешь, что и на нашей планете можно жить сносно, все равно, глуп человек или умен...

— Да, но моя миссия!.. — вырвалось у бродяги.

— Тсс! — прошипел дядя, подозрительно глядя на меня и как бы призывая: «Об этом — ни звука!»

Франтишек остался в Яворке.— «Плевал я на твое гостеприимство!»

Одно было несомненно: дядя Жуллан предался своей страсти. Бродяга Франтишек поселился в Яворке. Он стал так же необходим дяде, как кресло-качалка. Тот шагу не делал без бродяги. Сначала я ничего не понимал. Их постоянные споры в спальне, перед отходом ко сну, страшно привлекали меня своей таинственностью. Но, к несчастью, велись они все каким-то шепотком, за плотно запертыми дверьми и были мне недоступны; я мог разобрать лишь обрывки их разговора, когда поднятое «глоточками» настроение обоих достигало апогея.

Тогда они кляялись друг другу в верности и уверяли, что никогда не будут предателями, а, взявшись за руки, пойдут навстречу общей судьбе.

Однако подобная идиллия меж ними длилась лишь до пробуждения. Вставали они поздно и появлялись в саду либо во дворе или в зеленой комнате после десяти. И тогда мне начинало казаться, что связывает их вовсе не дружба, а вражда. Будто каждый из них шпионит за другим. Они глядели друг на друга, злобно ослабаясь, язвили, как могли, и подозревали один другого в коварстве и предательстве.

— Я же помню — в бутылке оставалось еще немногого, — говорил дядюшка. — Я нарочно не допил, чтоб увериться в твоем вероломстве. И утром бутылка, конечно, оказалась пустой... Ты хочешь обогнать меня!

— Ну, да, сам-то ты себе хорошую меру наливаешь, а на мне экономишь, перелить боишься...

— Ах ты неблагодарный! Я давно мог бы тебя обогнать, захоти я только! Но я-то веду честную игру...

— Зачем же ты мне так отмеряешь? Почему не даешь напиться вволю? И вообще чего ты меня тут держишь? Плевал я на твое гостеприимство!

Но вечером они снова распинались в верности, дружбе, любви...

Я внимательно наблюдал за ними, полагая, что на людей напиток подействует столь же разительно, как и на собаку. Однако люди уменьшались почему-то совершенно незаметно для глаза. Порой мне казалось, что они совсем не изменились. Впрочем, я ведь сравнивал их на глазок и никак не мог забыть быстроты, с какой исчезла собака! А эти трусишки... Дядя до сих пор не укоротился и на ладошку! И разница между ним и Франтишком оставалась неизменной.

С каждым днем Франтишек становился все раздражительнее: он был недоволен скучными порциями, которые отмерял ему дядя. Будь его воля — давно уж упился бы до окончательного исчезновения! Но дядюшка, насколько я понимал, не мог и не хотел расстаться со своим компаньоном. Будучи во власти потусторонних сновидений, он ревновал бродягу и всячески старался удержать его на Земле, ограничивая выдачу драгоценной жидкости.

Однажды ночью... — Человечек под окном. — «Вы убываете в геометрической прогрессии!» — Я избран. — Чему быть, того не миновать.

И вот однажды ночью...

Обитатели нашего маленького дома крепко спали под осенними звездами. В дядюшкиной спальне оба любителя грез видели один и тот же сон. Я совсем уж начал засыпать в своей каморке, как вдруг кто-то забарабанил в окно. Я вскочил.

Под окном топтался какой-то крошечный человечек с седой кисточкой на подбородке. На нем был детский костюмчик, который явно был ему слишком велик: короткие штанишки собрались гармошкой на ногах. Серый котелок все время сползал ему на уши, — вероятно, человечек набил его бумагой, чтобы он хоть как-то держался на голове.

— Пустите меня! — пищал он. — Пустите! Мне срочно надо поговорить с паном Жулианом!

Я тихонько свистнул от удивления и распахнул окно.

— Пан Либек?!

— Увы! — злобно взвизгнул человечек. — Откройте! Немедленно! Пустите меня к вашему дяде!

— Но он спит...

— Разбудите его!

— Это исключено! Его и пушками не разбудишь.

— Дело идет о жизни!

— Уж не о вашей ли? Да, скажу я вам, вы, видно, здорово хлебнули!

Либек ужаснулся:

— Откуда вам это известно, молодой человек? Отворите же скорее!

— Почему бы вам не прийти днем?

— Могу ли я ходить днем? — простонал пан Либек, с отчаянием глядя на свои штанишки.

Мне стало его немного жалко.

— Полезайте ко мне в окно, — предложил я. — Ключ от дома у дяди.

Пан Либек согласился, но он был так мал, что сделать этого без посторонней помощи не мог. Пришлось выпрыгнуть в сад и подсадить его на подоконник. Когда мы оба очутились в моей комнате, я воочию убедился, насколько он мал: он едва доставал мне до живота.

Он вскарабкался на стул, и я — уж не знаю, с чего бы это, — схватил его и хотел помочь раздеться. Либек с достоинством отверг мою помощь.

— Не буду я спать! — пропищал он. — Я скорее умру, чем усну! Если вы не хотите увидеть у себя мой труп — разбудите пана Жулиана! Только он один может продлить мою жизнь!

— Скажите лучше — сократить! Вы же сами видите — вы уменьшаетесь в геометрической прогрессии.

— Вы... что вам известно?

— Что вы здорово нализались дядюшкого напитка!

— Кто это докажет?

— А мне даже не надо было видеть во время грозы, как вы удирали с вашим сосудом! Ваш рост вас выдает...

— Ну, знаете! Я избран... впрочем, что с вами разговаривать! Отведите меня к пану Жулиану!

Пока я размышлял, как быть, пан Либек спрыгнул со стула и скрылся за дверью. Как старинный наш сосед и частый гость (до того как они с дядюшкой повздорили), он отлично знал, где находится спальня.

Что ж, подумал я, чему быть, того не миновать.

Крохотными кулачками пан Либек забарабанил в нижнюю филенку двери. Слабенькие удары отдавались гулко, тревожно, но в спальню будто все вымерло... Тогда Либек принял яростно колотить в дверь ногами.

Наконец дверь отворилась.

«Дайте мне выпить».— «Франтишек, не сердись!» — Еще одну бутыль! — Три вародыша бога.

В слабом свете ночника на пороге появился дядя. Он всматривался в темноту поверх головы пана Либека.

— Что такое? Кто тут?

Либек жалобно пискнул:

— Это я, сосед, уж извините меня, я не мог иначе!

— Пан Либек! — радостно вскричал дядя. — Вот так гость! Проходите, проходите...

Увидев, что появление гостя дядюшке по сердцу, я вышел на свет и рассказал, как было дело.

— Ты хорошо поступил, Гонзичек!

И, к моему полнейшему изумлению, дядя погладил меня по голове! Этого с ним никогда не случалось ранее...

Мы вошли в спальню, оставив дверь полуоткрытой.

— Дайте мне выпить! — нетерпеливо воскликнул пан Либек.— Не то я умру, не успев родиться!

Дядя, снисходительно улыбнувшись, поднес ему бокал. Пан Либек осушил его залпом и замахал ручками, словно решил улететь от нас. Глаза его вспыхнули.

— О, спасибо, спасибо! Вы спасли искупителя! Ибо царство мое не от мира сего... Я — Сын Бога звезд, это уж точно! Все ждут меня — представьте, ждут меня, помещика Либека, и воспевают мне хвалу, и несут дары... И так это невероятно — господи во звездах, не вводи меня только во искушение, не надо, не надо...

— Рассказывайте, рассказывайте, не скрывайте ничего! — зажегся дядя. — Только погодите — разбудим Франтишека, вот он порадуется, когда узнает, что само пророчество окружило наше число до троицы!

С этими словами дядюшка нежно дотронулся до бродяги.

— Франтишек, Франтишек, не сердись, что я нарушил твои святые грезы. Вернись на минуточку к нам! Пришел пан Либек, мой старый сосед, он расскажет нам множество новостей с того света, то, что нам еще и не снилось!

Растолкав бродягу, который с трудом пришел в себя, дядя обратился к пану Либеку:

— Сосед, расскажите же нам обо всем, обо всем. Как вам удалось раздобыть мой нектар?

Чтобы лучше слышать, я посадил Либека на стол, и тот покаянно поведал о совершенной им краже — о том, как бежал он с сосудом в руках, а над головой его гремела буря. Как с самого начала ревниво следил за нашими работами у диковинного яйца, как дождался ночи, означенной чудодейственным гейзером. Потом, молитвенно сложив руки, он стал заклинать дядю уступить ему еще одну бутыль, по любой цене! Хотя бы для этого пришлось ему пустить с молотка имение!

— Позднее я стал разбавлять напиток водой, — с дрожью в голосе сказал он. — И черт меня дернул напоследок капнуть туда рому... Две капли, не больше, но я жестоко

за это поплатился. Среди пророков, которые своими песнопениями готовили мое пришествие, появился один с черным зонтиком, и его флейта заглушила все остальные: он возгласил, будто теперь я уже не рожусь... Великое смятение охватило ангелов... А моя божественная матушка всю ночь проплакала надо мной...

— Э, да это что! — начал хвастать бродяга. — Вот я знаю, так знаю! И еще больше мог бы знать, если бы...

— Молчи, Франтишек, — осадил его дядя. — Я знаю ничуть не меньше твоего! А мы, все трое, если и не искупим никого, наверняка сами будем искуплены!

— Горе мне! Горе! — взвыл пан Либек. — Мой сон уже не тайна!

— Не расстраивайтесь, сосед, — принялся утешать его дядя. — Все мы трое сподобились стать богами, и если быть чуточку поэкономнее, то нашего запаса нектара хватит до самого отлета с этой планеты! Но мне хотелось бы так распределить остаток нашей жизни, чтобы мы все ушли по возможности одновременно...

— Это что же — чтоб я вас ждал? — возмутился пан Либек. — Но я не вынесу! Я не могу задерживаться!

— Не волнуйтесь, сосед! Вон Франтишек тоже пьет умеренное, и, хотя он теперь уменьшается не так быстро, зато чувствует себя хорошо. Я и вас научу умеренности, сосед, пока мы не сравняемся в росте. А теперь, Франтишек, выпьем еще, чтоб пану Либеку поменьше ждать нас.

Тут дядя обратился ко мне:

— Принеси-ка еще бутылочку из подвала, Гонзик!

«Все это со временем будет твоим!» — «Зови меня просто Бедржих!»

Когда я возвратился с бутылкой, дядюшка сказал мне с печалью и покорностью в голосе:

— Давно я хотел поговорить с тобой, Гонзик... Ты до-

гадываешься, о чём. Настанет час, когда я уйду от тебя, покину все, чем владею на земле...

— Дядя! — растроганно воскликнул я. — Неужели вы не можете удержаться?

— Не радуйся, это не завтра случится, — ответил он с оттенком прежней иронии. — Я еще немало покопчу тут небо, прежде чем исчезну. Но если ты согласен охранять нашу тайну, я назначу тебя, Гонза, своим секретарем.

— Благодарю за доверие, дядюшка, — сказал я, — но послушайте моего совета, не пейте больше! Вы ведь рискуете своей душой! У вас нет никакой уверенности, куда вас занесет, в какие края Вселенной! Вы же понимаете, как несбыточны сны, если они снятся нескольким людям сразу!

Дядя взглянул на меня затуманенным взором.

— Не говори о том, чего не знаешь! Тут дело не в снах, а в утолении страсти. Если б в пустыне ты изнывал от жажды, мог бы ты уйти от оазиса, где бьет родник? Такова же и наша страсть к этому напитку!

— А что станет с вашей землей, акциями, золотом, за которое можно купить тысячу способов быть счастливым и наслаждаться?

— Все это со временем будет твоим, если ты исполнишь мое желание и будешь верно служить мне до момента моего вознесения. Я стану уменьшаться назло всем законам природы и чем меньше и слабее буду, тем буду беззащитнее, тем больше буду нуждаться в твоей помощи! Ты обязан оберегать меня от вторжения внешнего мира в мою усадьбу. Ты обязан укрывать меня от очей славолюбивых детективов и спасительной полиции. Все это будет изложено в завещании, которое я напишу.

— Поторопитесь с завещанием-то, сосед, — посоветовал опытный пан Липек. — Не то перо покажется вам огромным, как полено, а чернильница — с ведро.

— А вы разве написали?

Либек весь так и напыжился.

— Конечно, написал — как только иссяк волшебный источник и я почувствовал, что помру от своих снов, не дождавшись их осуществления. Все завещал Люции, а потом переоделся в костюм Карличка. О, я знал, к кому мне обратиться!

Тут Либек спрыгнул со стола дяде на колени и начал гладить его по лицу, шёпча:

— Я останусь с тобой, Рудольф, пока не прогонишь... Старый друг, давай-ка опять перейдем на «ты», зови меня просто Бедржих, как тогда, когда мы у вас в доме kleили игрушечный Вифлеем, помнишь, какие мы склеивали ясли?.. А сейчас вижу я дивный мир, нет там ни богатства, ни бедности. Все там равно питаются соками, текущими по стеклянным капиллярам деревьев. Стоит отломить кончик веточки — и хлынет сок, способный всех насытить и напоить, как материнское молоко. А стеклянных деревьев там хватает на всех. К ним слетаются ангелы в пору утоления голода и жажды. В кронах деревьев звенят флейты, воспевая сладость соков и благословляя радость насыщения.

— Бедржих, — перебил его дядя, — как странно, что ты знаешь многое, что мне еще не снилось, хотя на моем счету ровно столько же ночей, сколько у тебя. Правда, ты больше грезил — ты ведь потреблял напиток в больших дозах. И тебе, конечно, памятны многие подробности, которые мне до сих пор неясны. Помнишь ли ты дары, которые принесли нам святые паломники с хрустальных гор?

— Как не помнить! — сентиментально улыбнулся Либек. — Стеклянные часики, в которых вместо пружины — крошечный живой человечек, он заперт внутри часов и приводит их в движение. Янтарная флейта, в которой таятся песни евангелия, — я буду насыщивать их моим будущим апостолам.

— А что было в перламутровой коробочке, которую

принес мне тот голубой ангелок с зонтиком, похожим на колокольчик? — спросил дядя.

— В ней — кисти и краски для первой разрисовки перепонки. Мы ведь родимся с бесцветным зонтиком. И лишь на празднике именин моя матушка нанесет на него первый узор, характерный для младенцев мужского пола...

— А что принес на голове тот старенький ангел? — вмешался Франтишек. — Эта штука смахивала на твой ящик из-под сигар, пан Жулиан.

— Да, да, припоминаю, — сказал дядя и поковырял в ухе. — Кажется, то была очень толстая книга...

— Ну, конечно, книга, — покровительственно улыбнулся Либек. — Это были ноты. Музыкальный букварь. По нему я буду постигать первые звуки моей будущей родной речи...

— А бубенчики зачем?

— Бубенчики пришивают детям по краям зонтиков, когда они учатся летать. Мальчикам — золотые, девочкам — серебряные.

— Послушай, Бедржих, — поинтересовался дядя. — Почему так сердито смотрит на нашу матушку тот ангел, который, собственно, доводится нам отцом? Ты ведь знаешь, как матушка его боится...

— Он вовсе не отец нам, — объяснил Либек, — хотя и супруг нашей матушки.

— Какое у него неприятное имя, — подхватил бродяга.

Пан Либек вдруг просвистел какую-то странную, зловещую мелодию, а затем другую — волшебно-сладостную, неподражаемую...

Лица мужчин просветлели.

— Да, это она, наша матушка, — горячо шепнул дядя.

— К ней, к ней! — мечтательно прошептал пан Либек. — Пора мне! Вот только еще глоточек — и усну...

— Неси еще бутылку, — приказал мне дядя. — Надо отпраздновать этот день. Ты, Бедржих, такой маленький, что можешь лечь со мной. Ну, ночь еще не кончилась — впрочем, окна у нас закрыты ставнями, так что можно предаваться снам хоть до обеда.

Я вихрем помчался в подвал и тут же вернулся, стараясь не пропустить ни словечка из их беседы, которая начала меня сильно занимать.

Я наполнил три бокала, предварительно посадив пана Либека на стол, чтоб и он мог поднять свой бокал за сегодняшний сон. Все выпили.

В бутылке оставалось еще на донышке, и этот остаток поделили между собой дядя и Франтишек. Либек только следил за ними жадными глазами.

Я ушел, когда ночь была на исходе.

Пана Либека разыскивает полиция.— Письмо от химика Махилы.— Еще 50 000!

Прошло несколько беспокойных ночей.

Каждое утро я смотрел, насколько уменьшились мои подопечные. По-видимому, от одного сна они не очень изменились.

Но время шло, и мелкие зубки дней вдруг оскалились голодной челюстью месяца. И уже через месяц наша троица, обреченная на исчезновение без смерти, основательно уменьшилась.

Либек теперь едва доставал мне до бедра. Дядя и бродяга догоняли его. Они уже были ниже меня примерно вдвое. Я с радостью и усердием исполнял обязанности секретаря и сторожа. Должен признаться, что управляющий Адамец нередко помогал мне советом и делом. После того как дядюшка заверил его, что и он не забыт в завещании, управляющий поклялся молчать как могила.

Итак, во всем поместье лишь двое знали о событиях, разыгравшихся в дядиной спальне, — Адамец и я, если не считать главных участников.

Никогда в жизни не приходилось мне столько врать и изворачиваться, как в тот день, когда к нам пожаловал жандармский вахмистр собственной персоной.

Должен сказать, что еще до его визита явился к нам почтальон со следующим письмом, адресованным дяде:

«Милостивый благодетель мой!

Пишет Вам химик Мамила, бродя по белу свету и расточая благородный металл, коим Вы удостоили меня за открытие ароматной жидкости, благодаря которой нам удалось пробить скорлупу небесного яйца и наполнить бутылки чудодейственным напитком, от которого Ваш прелестный пес по кличке Бокаччо захврал и окончил жизнь свою столь противоестественной смертью, если можно, конечно, назвать смертью исчезновение, когда еще после гибели собаки слышался лай.

Я же, как упомянул в первой фразе моего письма, брожу по свету со своей проклятой тайной, и она клокочет у меня внутри, запечатанная клятвой, словно пробкой в бутылки с гашеной известью, и я всечасно проклинаю эту клятву и выкрикиваю свою тайну лесам и безднам, и шумящим плотинам, и грозам, когда громы грохочут, как тогда в Яворке, когда ураган разметал все мои колбы и реторты, каковой материал я забыл поставить в счет, когда мне выплачивали гонорар за молчание.

Не могу я смотреть людям в глаза, чтобы не выкрикнуть, не обвинить, не выдать, какое открытие утаивается от человечества, которое могло бы извлечь из него самые неожиданные выгоды!

Довольно! Не мучьте меня! Не могу больше молчать!

Посему обращаюсь я к Вам, пан Жулиан, благородный благодетель мой, и прошу, чтобы Вы в течение недели выслали мне еще 50 000 (пятьдесят тысяч) крон, иначе я заявлю в полицию.

Глубоко признателный и преданный Вам Мамила».

Еще 50 000! В течение недели! Какая безнравственность, какое вероломство! Да что же мне-то останется от наследства после таких подношений этому наглому шантажисту!

Я не колеблясь принял решение — утаить письмо! Пусть пан Мамила еще недельку выкрикивает свою тайну лесам и безднам! А до той поры моя троица если и не исчезнет вовсе, то уменьшится настолько, что ее можно будет спрятать в карман.

Любопытство жандармского вахмистра. — «...это стул виноват!» — Дядюшкин палец.

К тому времени, как нас посетил жандармский вахмистр, все было продумано во всех деталях.

Дядя? Конечно, болен!

Он страдает ужасной бессонницей. Не спит уже месяц, мается ночи напролет; не помогают никакие порошки. Ему необходима абсолютная тишина — только тогда он может уснуть. А ее, как на грех, нет на нашей гречной земле. У пана Жулиана такой слух — он способен расслышать даже тиканье часов за пятью стенами! Вот уж, кажется, совсем засыпает, а как подумает, что нет в мире абсолютной тишины, что сердце у него бьется, — и сна как не было! А сегодня, пан вахмистр, сегодня он наконец заснул — понимаете?!

Шмыгая заложенным носом-пятачком, вахмистр недоверчиво-насмешливо смотрел на меня. Он объявил, что должен видеть дядюшку, даже если его потребуется разбудить; что это в интересах самого дяди (тут вахмистр таинственно подмигнул), что у него такой приказ и если я помешаю выполнить его, то он на свой страх и риск велит жандармам обыскать дом.

Перед лицом неизбежности я незаметно нажал под скатертью кнопку электрического звонка, проведенного к дяде в спальню, и, чтобы выиграть время, задал вахмистру несколько головоломных вопросов, над которыми тому пришлось немало попыхтеть.

Перед дверью спальни я вновь заклинал вахмистра не

будить дядю, говоря, что это смерти подобно. Но жандарм был неумолим, и я тихонечко открыл дверь.

В углу, на кровати, из-под сбитой перины выглядывало страдальческое лицо дяди, обмотанное компрессами. Дядя дышал тяжело, но равномерно — верный признак того, что сон наконец снизошел на него после долгих мучений. Рядом, на тумбочке, выстроился целый ряд пузырьков со сnotворным.

(Кстати сказать, аналогичную картину демонстрировали всем назойливым родственникам, которые ежегодно в пору отпусков пытались втереться в доверие к дорогому дядюшке. Под периной, с компрессами на голове, дядюшка имел вполне пристойный вид, а чтоб сдернуть с него перину — на это никто не отваживался, даже самые недоверчивые посетители. Всякий раз, когда при такого рода визитах дядю все-таки «будили», он так «по-свойски» расправлялся с родственниками, что даже мне их становилось жаль.)

Вахмистр на цыпочках направился к кровати, как вдруг зацепил и опрокинул стул. Дядя взвыл. Я тотчас понял, что при всей своей кажущейся глупости этот вахмистр — человек зловредный.

— Простите, пан Жулиан, — начал он оправдываться, — все этот проклятый стул виноват...

Дядюшка жалобно простонал:

— Все кончено! Ох, смерть моя пришла!

— Пан Жулиан, у меня был приказ не будить вас, но увидеть, вот ведь в чем дело! А приказ для меня дороже денег.

— Какие там к черту деньги! — зарыдал дядя. — Теперь мне вовек не уснуть!

— Не в деньгах дело, — холодно произнес вахмистр, — дело в пане Либеке. Он исчез, ушел из дома. Понимаете?

— Что мне до пана Либека! — охал дядя. — Я спать хочу!

— Есть какая-то связь, правда, загадочная, между ва-

шим поместьем и поместьем пана Либека... — гнул свое вахмистр. — Бывает так — выпьешь чего-то там, смотришь — человек вдруг начинает сокращаться... Вам что-нибудь об этом известно, пан Жулиан?

— Это вы сократили мне жизнь, вы убили мой сон! Никогда мне больше не заснуть!

И дядя спрятал голову под перину.

— Да я и сам этому не верю, — начал оправдываться вахмистр, когда дядин носик вновь робко вынырнул из-под перины. — И не поверю — ха-ха! — пока не увижу собственными глазами. Голым пальцем замок не отопрешь... Знаю, пан Жулиан, что такое бессонница, — иной раз всю ночь глаз не сомкнешь...

— Не одну, десятую ночь не сплю! — ужасным голосом произнес дядя.

— Между прочим, слыхивал я, пан Жулиан, что от бессонницы сереют кончики пальцев на ногах. Особенно это заметно на большом пальце... Покажите-ка мне вашу ногу, и я скажу вам, сколько ночей вы не спали...

Ах, проклятый! Ему понадобилась дядина нога, чтобы по ней судить о его росте! Кто это выдал наш секрет? Неужели химик Мамила? Но он жаждет получить свои пятьдесят тысяч, к тому же недельный срок еще не истек!

Вдруг из-под перины показалась одна ступня, потом вторая, обе — в сиреневых шерстяных носочках. Из дырки на левом носке торчал большой палец, здоровенный такой. Дядюшка насмешливо покрутил пальцем, оставаясь сам недвижимым, лицо у него было как маска.

Вахмистр испытующе смерил его с головы до ног и сказал:

— Какая маленькая у вас ножка, пан Жулиан, хе-хе! Благодарю, этого достаточно. Теперь, пан Жулиан, желаю вам высаться! Я ухожу. Между прочим, к кому вы обращались по поводу бессонницы?

Пятачок вахмистра принюхивался на прощание!

— К доктору Карасеку, — брякнул дядя.

— Благодарю!

Вахмистр исчез.

Я кинулся к замочной скважине. И показалось мне, будто в коридоре долго еще слышался его ехидный смешок.

«...скрыться из мира сего...» — Троица все уменьшается.— Кукольный домик.

Опасность миновала. Дядя сбросил перину — под ней открылся бродяга Франтишек, весь мокрый, словно окно в дождливый день. Сплонув, он сказал:

— Ну и баня!

— Клянусь, этот вахмистр наступает нам на пятки! — запальчиво крикнул я. — Стоит только ему расспросить доктора Карасека про вашу бессонницу — и завтра же он откинет перину!

— Лучше как можно скорее скрыться из мира сего, — сказал пан Либек, вылезая из-под кровати. — Ибо горе нам, если нас схватят и лишат нашего бальзама! Начнут нас фотографировать, показывать в разных университетах, в цирках, а в конце концов, когда мы иссохнем от неутолимой жажды, заспиртуют наши трупинки...

— Ты прав, братец! — кивнул дядя. — Я тоже собираюсь теперь окончить свое мирское странствие и начать жизнь съзнова — там, в вышине... Полагаю, я уже совершенно подготовлен к выполнению своей миссии. Я положу начало новой религии, простой и занимательной: от каждого вероисповедания возьму самое лучшее...

В дни, последовавшие за этим разговором, троица наших кандидатов в искуплители убывала с катастрофической быстротой. Ложка, вилка, нож давно стали им не по силам. То же относилось и к предметам мужского туалета, обычно рассованным по многочисленным карманам костюма.

По мере того как они уменьшались физически, они лишились возможности читать книги: растянутые строчки и огромные буквы не помещались в их поле зрения.

Однажды мне пришла в голову счастливая мысль, которая не только освободила меня от многих забот, но и изменила мое отношение к трем крошечным человечкам. В игрушечном магазине я купил полностью оборудованную кукольную квартиру. Вернее, то был целый двухэтажный домик, открытый с одной стороны. Прихожая, кухня и ванная разместились на первом этаже, а на второй этаж — в столовую и спальню — из прихожей вела миниатюрная лестница. Домик был сделан с большим вкусом, все было такое маленькое, яркое и во всех мелочах походило на настоящее: в столовой розовато-голубые обои, кружевные занавески на окошечках, картины, зеркало на стене, круглый столик, три креслица и буфет; в спальне — три кроватки (две из них мне пришлось подкупить из другого гарнитура), тумбочка, даже ночной фарфоровый горшочек и куча прочих мелочей — все как у взрослых. Один только предмет был тут настоящим — дядины золотые карманные часы, которые я с его разрешения повесил в спальне. Кухня также была полностью оборудована. Железную плиту при желании можно было топить. В ванной стояла ванночка с душем, и из крана текла вода.

Когда я принес и поставил домик на стол как мой подарок и поздравил дядю (дело происходило в субботу, на дядюшкины именины), тот страшно обиделся. Он счел уничижительной для своего человеческого достоинства самую мысль о том, чтобы хоть одной ногой ступить в кукольный дом и тем самым уподобиться кукле.

Зато Франтишек подскоцил от удовольствия и сразу попросил перенести его в кухоньку. Оказалось, однако, что для этого домика он еще слишком велик; он опрокинул стулья, стукнулся о полку, с которой посыпалась посуда, едва пролез в дверь ванной и проломил ступеньки, подни-

маясь по лестнице. Я поспешил вытащить его от греха по- дальше.

— Ну, ничего, Франтишек,— утешил я его,— теперь уж недолго ждать... а когда ты станешь поменьше, мы тебя назначим поваром!

При этой мысли мне вдруг стало весело: вот будет интересно следить за жизнью трех живых куколок! Все игрушечные предметы оживут в их ручках, в печке затрещат дрова, кухонный аромат проникнет на второй этаж, и часики затикают на стене, и трое «братцев» усядутся в столовой за обед! Теплый душ омоет их крохотные тельца, и расстелят они себе постельки, а перед сном чокнутся крошечными бокальчиками: «За наши сны!» А я увижу все, что одновременно будет происходить во всех комнатах, и сам смогу направлять эту игру, смогу играть ими, как куклами! Так радовался я — совсем как ребенок, огорчаясь лишь, что игра будет такой кратковременной и что скоро я навсегда утрачу своих куколок!

Как-то — дело было под вечер — я собирался отмерить верной братии положенные порции напитка в крохотные чашечки и на секунду вышел из спальни.

За окошком смеркалось, высоко в небе зажглись первые звезды. До ночи было еще далеко.

Вернувшись в спальню, я зажег люстру и чуть не вскрикнул от ужаса: в блюдце плавала безжизненная фигурка пана Либека... Я выловил ее пальцами, сжал — то была только одежда, ни тела, ни головы... Пан Либек исчез.

Я уже собрался оповестить о событии обоих покинутых, которые, ни о чем не подозревая, радостно предвкушали утешение перед сном, как вдруг откуда-то послышался голос... голос пана Либека:

— Прощайте, братцы! Простите, что обогнал вас!

Дядя с Франтишеком даже подпрыгнули от изумления. Они все поняли!

— Бедржих! — пискнул дядя.— Где ты?

— Я предал вас и сам был предан! Не верьте в вино!
Не верьте в сны! Не верьте в яйцо! Все — обман! Все рас-
сеется! Нет ничего!

- Что-о?! — простонал дядя.— Да где ты?
- На карусели!
- Где, где?
- На карусели!
- Не понял?
- На карусели!

Я затаил дыхание, стараясь не упустить ни словечка.

— ...сижу я на спине жабьего чучела. Долго, страшно долго сижу, полвечности сижу и все кружусь, кружусь... Так это скучно, так безнадежно тоскливо... и бесцельно... никаких чувств... карусель скуки... и боли нет... вечно... кружиться... скука...

— Измена, гнусная измена! О горе! — и Франтишек заломил свои крошечные ручки.

- Еще не все потеряно,— начал было дядя.
- Но бродяга был безутешен:

— Обман! Все рассеется! Не будет никакого яйца, не будет воскресения из мертвых — только карусель, подлая, языческая карусель, без неба, без ангелочеков, без их зонтиков...

— Не отчаивайся, Франтишек,— шептал ему дядя.— Я всегда знал, что сон Либека не исполнится... Может быть, и я последую за ним на эту карусель вечности и встречусь там с моим любимым Боккаччо... В выигрыше будет тот...

- ...кто выпьет последним,— перебил его бродяга.
- Дядя разом сел на кровати.

— От судьбы не уйдешь,— философствовал он.— А я бы мог, если б хотел, навредить тебе, Франтишек... Мог бы попросту отказать тебе в вине, которое как-никак — попробуй отрицать! — моя собственность, все равно как вот эта крыша над головой. А не дам тебе вина — и ты засох-

нешь, как сорванный цветок... Но я по-прежнему буду делить с тобой каждую каплю, и не хочу я думать о том, кто из нас выдержит дольше... Такую я на себя епитимью наложил.

Новое жилище... — Победит тот, кто будет последний.

Зубчатое колесико времени крутилось безостановочно, беззвучно и плотно зацепляя звенья дней.

Прошел месяц с момента исчезновения пана Либека. Дядюшка и бродяга коротали дни вдвоем.

Новые заботы встали передо мной: мне хотелось напоследок сохранить для них хоть видимость человеческого существования. Найдя как-то старый футляр, я выстлал его ватой и поместил туда моих пилигримов; которые к концу того, последнего в году, месяца были уже не более спички.

Труднее было подобрать для них посуду и прочие предметы домашнего обихода. Блага цивилизации утратили для них всякую целесообразность, и совершенно неожиданно для себя они вернулись к самому примитивному существованию.

Любопытно, что в течение всего месяца рост их был абсолютно одинаков.

Пожалуй, я понимал, в чем дело: никто из них не хотел исчезнуть первым. Навязчивая идея о воскресении того, кто выпьет последним, держала их, как клещами. И они мучили друг друга, и каждый с нетерпением ожидал гибели другого. Победить ведь должен был последний!

И вот в одно прекрасное утро — было то в конце февраля — я больше не нашел их! Прощание оказалось куда проще, чем я представлял, вернее, его не было вовсе. Никаких переживаний — просто я совершенно спокойно констатировал их окончательное исчезновение и дня три после этого не вспоминал о футляре, занятый хлопотами по наследству.

Как-то, бесцельно бродя по городу, я заметил в витрине оптического магазина превосходный микроскоп, и мне пришла в голову мысль еще разок взглянуть на футляр, где они раньше находились, с помощью этого инструмента.

Дома я осторожно отделил черный бархатный лоскуток от футляра и сунул его под микроскоп.

До чего же я был поражен, когда обнаружил обоих соперников в черных джунглях бархатных ворсинок! Оба оказались живы! Они махали мне руками и показывали себе на рот. Ну, конечно, бедняжки три дня не ели не пили!

Я немедленно капнул им сонного зелья, а затем налил немного водички, чтоб они могли выкупаться.

Каждое утро и каждый вечер я приветствовал их, время от времени капая свежую каплю. По привычке и из вежливости я интересовался, чего бы они желали, хотя, разумеется, не ожидал ответа. Я твердил им разные ласковые слова, словно молодая мать младенцу,— ничем иным я уже не мог им помочь.

Я подумывал, а не переместить ли их с бархата прямо на зеркало микроскопа,— тогда мне было бы легче помочь им хоть чем-нибудь, но они были столь малы, что это уже невозможно было осуществить. Неделю жили они между бархатных ворсинок, а потом исчезли из виду, как и следовало ожидать.

Но и после того я еще иногда капал на бархат немного небесного эликсира и до сих пор продолжаю так делать, ибо верю — они все еще живут, и пьют, и будут пить из рокового источника, пока он не иссякнет.

Йозеф Несвадба

АНГЕЛ СМЕРТИ

Светает. Тени отступают, окружающие предметы ярко окрашиваются, небо становится светло-голубым — восход смерти. Через несколько часов подымающаяся на небосклоне звезда вспыхнет ослепительно белым светом, во много раз увеличится, зальет небо расплавленной ртутью, высушит поверхность этой планеты, сожжет все и сольется со своим раскалившимся спутником в единую гигантскую сверкающую массу.

Я знаю это наверняка: ведь из-за этого-то мы сюда и прилетели. Несколько дней назад нам, в восемнадцатый

округ Галактики, сообщили, что должна вспыхнуть переменная звезда Альфа-4 Каменного острова. Поскольку учёные полагали, что у этой звезды есть несколько планет, на которых возможна жизнь, нам было приказано отправиться в путь. Я сгорал от нетерпения. С нашей станции давно уже не летали ни к одной Новой, так как эти полеты считаются особенно опасными. А я работаю всего первый год и еще не пережил ни одного приключения.

У Альфа-4 Каменного острова — девять планет. Три из них окружены обширными атмосферами, содержащими кислород, и каждую мы обследовали отдельно. Самые интересные явления отметили на Третьей планете. Часть ее покрыта водой, и мы сначала предположили, что разумные существа живут здесь в мелких морях, как это бывает на иных планетах. Но уже с большой высоты можно было заметить, что некоторые континенты там цивилизованные: виднелись большие скопления зданий и четырехугольники обработанных полей. Кое-где жилища стояли очень скученно; очевидно, городское строительство находилось на примитивном уровне.

Мы пытались договориться с обитателями планеты, так как командир не хотел вызывать войны или даже простой стычки с ними теперь, когда мы, собственно, приносили им роковую весть. Вряд ли они смогут выдержать огромную температуру, когда вспыхнет их звезда. Им осталось лишь одно — перебраться на новое место, но, видимо, цивилизация здесь не достигла необходимой для этого ступени. Будь у них возможность переселиться на какую-нибудь отдаленную планету, они наверняка не стали бы ждать нашего предостережения. Да и техника у них, по-видимому, на низком уровне: мы вызывали их на всех волнах, простейшими кодами, но никто не откликнулся. Как знать, может быть, у них и электричества-то нет. Нам осталось только систематизировать материалы, которые мы собрали, облетев несколько раз вокруг планеты, и доста-

вить их в Институт космоса для сравнительного изучения цивилизаций. Да еще зарегистрировать некоторые сведения для Службы галактической информации — одна из референтов этого учреждения всю дорогу приставала к нам с какими-то глупыми вопросами. А затем вылететь по направлению к самой Звезде, чтобы выяснить причины ее предстоящей вспышки и превращения в Новую.

Вот эта-то попытка и привела нас к катастрофе. Звезда уже начала изменяться; мы не заметили, что ее температура повысилась, и, когда включили двигатели, произошло замыкание, отказал регулятор. Мы превратились в вечный спутник Третьей планеты. Немедленно была объявлена тревога. К таким событиям мы привыкли и не сразу осознали грозящую опасность. Отказал регулятор — что ж, исправим, невелика беда.

— Через тридцать часов сможем вылететь, — самоуверенно заявил инженер и вдруг побледнел.

Я вздрогнул. Тридцать часов!

За это время все планеты Звезды превратятся в раскаленные пары металлов. А мы — спутник одной из них! Командир собрал нас в зале заседаний. Распределил задания, отдал приказы: в ремонте регулятора должны были участвовать все.

— Неужели вы не понимаете, что это напрасный труд? — крикнул я, увидев, какие у всех деловые, торжественные и строго официальные лица. — Зачем ремонтировать регулятор, если через несколько часов он испарится вместе с нами? Зачем заниматься бессмысленной работой? — Голос у меня дрожал.

— А что вы предлагаете? — спросил командир. — Остается только работать как положено.

— Надеяться на чудо?

— Никто не верит в чудеса, — с досадой произнес он. — Я полагал, что в школе вам объясняли, как нужно себя вести в случае опасности.

— В школе нас уверяли, что полеты на ракетах абсолютно безопасны, что мы живем в эпоху, когда Вселенная давно покорена, в эпоху Галактического сообщества, когда никто не умирает зря или по глупости своих начальников...

Я пришел в отчаяние, оскорбляя его, готов был разрыдаться. Мне не исполнилось и двадцати, у меня еще нет детей, меня ждет мать, и мне казалось непостижимым, что люди когда-то умирали, едва достигнув ста шестидесяти лет. Как глупо, как нелепо это было! А сейчас по вине каких-то дураков...

— Я не хочу умирать! — кричал я. — Не хочу!

Он подошел ко мне и кивнул остальным. Они быстро удалились, будто еще имело смысл спешить. Я их не понимал, они казались мне безумцами.

— Все это было лишь испытанием, дружок, — отеческим тоном сказал он, чуть ли не поглаживая меня по шлему. — К сожалению, вы не выдержали его. Придется перевести вас на пассажирские линии.

— Неужели?! — воскликнул я.

(Когда-то устраивали такие странные испытания, чтобы отобрать для важных заданий самых подходящих людей.)

— Вы хотите сказать, что эта Звезда не вспыхнет, не превратится в Новую, что мы прилетели сюда не для того, чтобы спасти разумные существа, что все это комедия, которую разыграли из-за меня, чтобы выяснить, пригоден ли я для участия в ответственных исследовательских полетах?

Он кивнул. А я покраснел.

— Тогда я понимаю, почему все так спокойны. Хотел бы я посмотреть, как бы они вели себя, окажись все это явью, если бы им грозила смерть! Уверен, что кричали бы так же, как и я!

Я просил извинить меня. Жалел, что не выдержал испытания. Командир дал мне труднейшее задание — пришлось работать в скафандре на внешней стороне ракеты без связи с остальными членами экипажа.

Неподалеку от меня работала Зи. Сначала мне было немного не по себе. Я давно ухаживал за ней и понимал, что сегодняшним поведением уронил себя в ее глазах. Она строга. Легко осуждает. Я улыбался ей сквозь толстый прозрачный шлем, помогал чем мог, носил за ней мелочи, которые она оставляла. Притяжение здесь было незначительное; казалось, что я и сам бы смог толкнуть нашу ракету на нужную орбиту.

А потом сомнения снова закопошились во мне. Если это было только испытанием, то почему же оно продолжается? Почему мы не стартовали сразу после моего провала? Я хотел спросить Зи, но не смог, пока не пришла смена. Это были два общепризнанных остряка, два приятеля из Чёрного квадранта. Я ждал шуток, но они молча схватили инструменты и принялись за работу, торопясь как на пожар. Да, над нами и вправду пылала наша Звезда.

— Прости, я понимаю, как все это серьезно, я вел себя ужасно, вижу, как мужественны остальные. Мне стыдно, Зи... — говорил я, помогая ей снять скафандр в каюте.

— Я тоже боюсь, — прошептала она.

Так это все-таки правда, командир обманул меня, как мальчишку!

— Значит, я умру?!

— Все мы умрем... — ответила она.

Лгун! Разыграл передо мной комедию, как врач перед смертельно больным, как герой перед трусом. Мне хотелось побежать к нему, но я остановился. Что ему сказать? Он тоже погибнет. В чем его упрекать? Намерения у него были самые лучшие. Я бросился в объятия Зи.

— Теперь я понимаю, почему когда-то прибегали к наркотикам, — сказал я через некоторое время, когда мы лежали рядом, вслушиваясь в гудение конденсированного воздуха в вентиляторе. — И мне хотелось бы сейчас принять что-нибудь успокаивающее, какую-нибудь таблетку или микстуру, которая взбодрила бы меня. Послушай, ведь

мы знаем, где аптечка. Давай опередим катастрофу, умрем вместе счастливо и спокойно, избегнем чудовищной температуры этой страшной Звезды...

Зи отодвинулась от меня.

— Ты болен? Это было бы предательством. Дезертирством... Мы с самого рождения знаем, что умрем, но никто из-за этого не кончает жизнь самоубийством. Командир отдает приказания не потому, что ему больше нечего сказать. Экипаж любого корабля во Вселенной повел бы себя точно так же, никогда ни у кого не было другого выхода. Мы рождаемся и умираем, но, пока живем, думаем о работе, о пользе, которую можем принести, о своем назначении. Другого решения нет. Не помогут ни религиозный дурман, ни самоубийство. Ты рассуждаешь, как дикарь или безумец, будто ничего не понимаешь...

Конечно, Зи была старше меня, но я терпеть не мог нравоучений. Она рассуждала так, словно ей было безразлично, умрет ли она, словно с самого рождения знала, что подле Третьей планеты ее сожжет Новая звезда, словно наблюдала сама за собой со стороны. Неужели ей не страшно? Мы поссорились. Она хотела вызвать ко мне врача. Это, мол, распад личности. Будто не естественно, что я хочу видеть ее и свою мать, хочу еще долго наслаждаться любовью к ней, совершать далекие путешествия по Вселенной и отличаться, не хочу так глупо, так бессмысленно погибнуть.

Я ушел из ее каюты и возвращался к себе запасным ходом. Весь экипаж был на носу, у регулятора. Я проходил мимо аварийных спасательных ракет. Их было три, забраться в одну из них ничего не стоило. Но куда лететь? Есть только два пути. Затеряться в космосе, одиноко блуждать по Вселенной, как те, кто в древние времена потерпели аварию, с той только разницей, что здесь не проходят регулярные трассы и нет надежды на то, что тебя спасет какая-нибудь торговая ракета,— здесь только пустота и

верная голодная смерть. Или полететь к той Звезде и умереть сегодня же? На мгновение мне даже захотелось этого, чтобы сократить невыносимое ожидание. Впрочем, я еще могу полететь на один из континентов Третьей планеты, в какой-нибудь из ее городов и предупредить жителей. А что, если у них есть какие-нибудь средства? Никто другой нас спасти не может. Вдруг на меня нахлынула волна жалости к ним: как Институт космоса фотографировал их жилища для сравнительного изучения цивилизаций, как собирал информацию! Словно там жили какие-то животные! А вдруг это разумные существа? Если они не приняли наших сигналов, попробую-ка я предупредить их. Я забрался в аварийную ракету в своем служебном скафандре. Никто не обратил на это внимания. Когда заметят мое исчезновение, я буду уже там, на планете. И сообщу им все. Я не намерен следовать примеру нашего командира. Пусть узнают. Пусть сами решат. Интересно, будут ли они так же упрямо работать, как наш тупой экипаж? И тут — стыдно сознаться — у меня всплыли дикарские представления о загробной жизни.

Я уже видел огромные острова планеты; собственно, это континенты — один обширный и плоский в северном полушарии и два треугольных на юге. Наши автоматы зарегистрировали самые большие поселения там, где залегают уголь и металлические руды. Значит, это промышленная цивилизация. Я опустился посреди континента, как описывается в книгах, в районе одного из крупных поселений. Ожидал, что меня окружат местные жители. Но не увидел ничего, кроме мрачных контуров их обиталищ из железа, бетона, керамики и примитивных пластмасс. Уровень строительства явно невысокий: здания тянутся кверху, крыши домов крутые, видно, из-за климата. По-видимому, из морей испаряется вода и затем, снова сгущаясь, проливается над сушей. Мне на планете не слишком понравилось. Сразу видно, что отсталая цивилизация; я не

променял бы на нее свою родину, но все же это лучше, чем смерть. Немного подождав, я включил сирены и решил стрелять или устроить пожар, только бы привлечь внимание обитателей планеты.

Но произошло нечто совсем другое: появилась вторая аварийная ракета с нашего корабля. Раскаленная докрасна, она мчалась прямо ко мне. Я быстро выскочил из кабины, бросился к ближайшему дому и укрылся в темном углу. Они подлетели совсем близко, но не пошли на посадку, а включили громкоговоритель. Звали меня, снова и снова повторяли мое имя. Я заткнул уши.

— Возвращайся, немедленно возвращайся! — услышал я голос командира. — Нам удалось исправить регулятор, инженер сократил срок ремонта, мы сейчас стартуем...

Лжец, подумал я, знаю твои штучки, хочешь заманить меня в этот коллективный гроб, воображаешь, что я опять поверю тебе. Тогда испытание, сейчас инженер — только бы успокоить труса. Глупец! Вторично вам меня не обмануть. Я знаю, сколько длится ремонт, немного разбираюсь в наших механизмах. Мановением волшебной палочки их не исправишь. Зи, рыдая у микрофона, уговаривала меня вернуться, ведь здесь меня никто не спасет, я могу только повредить местному населению, говорила, что разлюбит меня. Словно мы могли надеяться на какое-то будущее!

— Хочешь стать для них ангелом смерти? Хочешь подготовить их к страшному суду? — издевалась она, будто я и впрямь был верующим. — Неужели ты не понимаешь, в чем единственное спасение от смерти?

Зачем она без конца поучает меня? Если жители этой планеты не найдут выхода, я присоединюсь к ним, хотя бы они перед гибелью даже предались безумным оргиям или впали в религиозный экстаз. Они такие же живые существа, как и я, и это объединяет нас; наверняка у них не такой бесчувственный командир, как на нашей ракете. Опять прозвучало мое имя. Они обнаружили, что я вы-

брался из своей ракеты, и дали мне десять секунд на размышление, а затем я должен сообщить, где нахожусь. Выждали десять секунд, а потом улетели на корабль.

— Ты сделал свой выбор. Оставайся один... — сказал на прощание командир и добавил еще несколько слов — формулу, которая обычно сопутствует изгнанию со службы за дезертирство или преступление.

Как только они скрылись из виду, я побежал к ближайшему дому и стал колотить в ворота, но они рассыпались от моих ударов. Здания были покинуты, вся утварь запылилась и истлела. Дома пустовали. Несколько часов я бегал по городу и нигде не встретил ни одного живого существа. Временами мне казалось, что жители этой планеты невидимы или на ночь прячутся в пещеры. Но даже с помощью самого чувствительного детектора я никого не смог обнаружить. Ни в городе, ни за городом, ни под землей. Зачем бы, имея такие дома, им скрываться под землей? А может, это какой-то особый вид кротов? Сняв тонкий слой почвы, я обнаружил скелет. Человеческий скелет.

Сначала я подумал, что сошел с ума, что мне это мерешился. Как могли попасть сюда, на одну из самых отдаленных планет нашей Галактики, разумные люди? Может, это останки какой-нибудь экспедиции? А вдруг эта планета заселена уже давно? Но зачем тогда было посыпать нас на разведку? Я ничего не понимал. Мне пришло в голову включить астронавигационный детектор. В ответ послышалось: поблизости на ракетодроме должен быть склад горючего.

Ракетодром я нашел в нескольких метросекундах. Это было большое, совершенно заброшенное пространство без ракет, со стальным оборудованием времен первых галактических сражений, еще до основания сообщества. Я побежал к пульту управления. Двери передо мной рассыпались. Там стоял локатор. Невероятно примитивный. Но он указывал направление, в котором много веков назад уле-

тели отсюда ракеты,— восемнадцатый округ Галактики, наша станция. Возможно ли это? Неужели я открыл первую планету, откуда заселялась вся Галактика, безыменную планету, название которой было забыто в эпоху вековых распрай? Так это родина первых людей, легендарная Земля? И жители покинули ее потому, что их ученые предсказали распад звезды Альфа-4, этого солнца первых поэтов? Значит, они уже давно собственным умом, своим трудом, терпеливой борьбой против смерти нашли средство спасения от катастрофы, которая сейчас разразится?!

В локаторе мелькнул огонек. Откуда? Как он сюда попал? Огонек удалялся в направлении нашей планеты. Неужели одна из доисторических ракет? Нет, это наш корабль. Спасенный. На этот раз командир сказал правду. Зи тоже говорила правду. Жители этой планеты знали правду. Человечество знало правду.

Светает. Тени отступают, окружающие предметы ярко окрашиваются, небо становится светло-голубым — восход смерти. Через несколько часов подымаяющаяся на небосклоне звезда вспыхнет и сольется со своей планетой в единую гигантскую сверкающую массу. Сожжет все окружающее. Но только не правду, известную человечеству. Я не понял ее. И остался в одиночестве. Единственный человек, которому предстоит умереть на Земле.

Иван Фоустка

ПЛАМЕННЫЙ КОНТИНЕНТ

Это был могучий, слегка обрюзгший старик. Он стоял в дверях домика, который сохранился, видимо, еще со времен Первой экспедиции. Из темноты за его спиной раздавались бурные звуки симфонии Бетховена.

— Здравствуйте, профессор, — сказал Хольст. — Я привел вам гостя.

И он представил меня.

— Дефостé, — отозвался старик, как мне показалось, довольно неприветливо.

Мы вошли в домик. В плохо освещенном помещении, где была устроена лаборатория, царил страшный беспоря-

док. В углу стоял допотопный проигрыватель, на диске крутилась пластинка. Такие аппараты я видел на картинах, но никогда не слышал, как они звучат.

— Вот, приходится работать здесь, — с горечью сказал старики. — Там меня не ценят, смеются надо мной. Антигравитатор? Это, говорят, полная бессмыслица. А я его сделаю! Пусть потом кусают себе локти!

— Испокон веков всему передовому приходилось с боем завоевывать признание, — заметил Хольст. — Иначе, верно, не было бы прогресса.

Польщенный старики улыбнулся.

— Антигравитатор — совсем несложное дело... — продолжал он. — По крайней мере теоретически. Необходимо только достигнуть температуры абсолютного нуля... это значит, что нужно заморозить материю до минус двухсот семидесяти трех градусов. Но в том-то и загвоздка: на Земле это еще никому не удавалось, даже мне. Поэтому люди отказались от всяких попыток...

— И вы думаете, что здесь...

— Да! — патетически воскликнул он. — Настойчивость и упорство всегда облагораживали человека. Нужно упремо идти к своей цели через...

— Через все препятствия? А если тот, кто попытается сделать это, погибнет?

Профессор пожал плечами.

— Значит, одним героем, который пожертвует собой во имя науки, будет больше. Но он поможет другим избежать повторения ошибок. Будем ставить новые опыты. Исчезнет проблема горючего, радиус действия космолетов станет неограниченным. Путешествовать во Вселенной будет проще, чем сейчас обойти эту комнату...

— И удастся наконец заглянуть в другой конец нашей Галактики, да?

— О, это сущий пустяк. Мы отправимся дальше, гораздо дальше.

— Куда же?

— В антимиры.

Мне стало не по себе — так просто и уверенно он это сказал. Кому-кому, а мне-то известно, как невообразимы дали Вселенной.

— Не изумляйтесь, — продолжал стариk, в горле у него неприятно посвистывало. — При температуре абсолютно-го нуля не происходит взаимодействия вещества с антивеществом, не возникает аннигиляции...

— Конечно, конечно. Но послушайте, Дефосте, ведь человек тоже материален.

— Ну и что же? Разве я сказал, что материя будет разрушена? Знаю, знаю... вы мне не верите... Ну и не надо. Все равно я первым обгоню время. Я вернусь на Землю и еще посмеюсь на могилах тех вершителей судеб, кто сейчас ставит мне палки в колеса.

— Ну, знаете ли! Остановить время, пожалуй, можно, но обогнать? Едва ли!

— А почему, почему это невозможно? Только потому, что так говорится в наших идиотских учебниках?! Такое понятие засело в ваших слабоумных мозгах! А там, во Вселенной, — там все возможно! Все! — Его покрасневшие от гнева глаза почти светились в полутьме.

Немного успокоившись, стариk показал нам аппарат, в котором происходил процесс абсолютного охлаждения. На меня он не произвел особого впечатления. Вскоре мы откланялись. Дефосте пригласил нас зайти через несколько дней — тогда он нам кое-что покажет.

Мы вышли. Вслед нам вновь неслись звуки Патетической симфонии.

— Своеобразный тип, а? С этим своим морозильником! — усмехнулся Хольст.

— Мне он неприятен.

— Но в общем-то вреда от него нет, особенно здесь.

Вся беда, конечно, в его характере — это такое патологическое честолюбие!

Стоял теплый вечер. Вокруг раскинулся приветливый холмистый край, покрытый рощами гроздевидных деревьев. Только они и напоминали, что мы находимся на Тристане. Метровые гроздья торчали на фоне вечно серого неба.

Мы закурили и не спеша направились к базе, находившейся примерно в километре отсюда. Легкий ветерок шевелил волосы.

— Привычка, унаследованная от прадедов, — усмехнулся Хольст, задумчиво поглядев на свою сигарету. — Удивительное дело: несмотря на колossalный прогресс, человекое в чем продолжает оставаться ужасным ретротилем.

— Ты о... о нем?

— Да, о нем. И при всем том я говорю себе: что, если он прав? Что, если он действительно сделал величайшее открытие?

— Сама фамилия его мне не нравится. Дефостэ... поваряни De Faustus. Помнишь? Таинственный доктор Фауст, романтическая сказка о вечной молодости, о бессмертии...

— Видимо, у него фаустовская мания. Только теперь Фауст уже не продает душу дьяволу. Найдена современная преисподняя — антимиры.

Мы пересекли ручей, заросший диковинными, похожими на пузырьки цветами. Струи его никогда не отливали радугой: небо на этой планете постоянно было затянуто серыми тучами и лишь сейчас, в предзакатный час, чуть баగровело на западе.

Направо от нас холмистая местность переходила в побережье, на которое лениво набегали лиловатые волны океана. Где-то далеко на западе простирался другой континент, который мы временно обозначили как континент Б.

Знали мы о нем очень мало, как и вообще обо всей планете Тристан. Нам было известно только, что это ближайшая планета, жизненные условия которой сходны с земными, только формы жизни здесь примитивнее, а о разумных существах и речи быть не может. Не исключено, что на континенте Б другие условия и там есть какие-то разумные существа. Но там еще никто не был, для таких вылазок у нас просто не хватало времени: мы занимались строительством базы, наша экспедиция прибыла на Тристан всего полгода назад с заданием использовать идеальные условия этой планеты и создать здесь надежный форпост для дальнейших исследований Вселенной.

Мы шли неторопливо и молчали, это была наша обычая вечерняя прогулка. Я покосился на четкий профиль Хольста. Этот человек — один из тех энтузиастов, которые всю свою жизнь посвятили исследованию Вселенной. Сейчас ему лет сорок пять. Землю он покинул, когда ему исполнилось двадцать два года, и с тех пор изредка возвращается туда в отпуск, недельки на две, и, по-моему, всегда скучает, ждет не дождется, когда опять сядет за пульт управления космолета. Хольст старше меня; прежде я летал с ним вторым пилотом, потом меня перевели на самостоятельную работу и мы расстались. Я летал на трассе Земля — Луна, вел первый корабль к Юпитеру, участвовал в неудачной экспедиции на Меркурий. Хольсту доставались задания потруднее. Он единственный, кто уцелел после катастрофы «Надира-2», на пути к периферийным планетам. Почти год он провел отшельником на одном из спутников Сатурна, жил в уцелевшей части космолета, в этом отчаянном положении ухитрился не лишиться рассудка и наконец вернулся на Землю... чтобы через две недели вновь отправиться в космос!

Когда монтировали третью орбитальную станцию Земли и я работал простым линейным пилотом, возил материал туда и обратно, Хольст отправился в свой самый даль-

ний полет, за пределы солнечной системы. Тогда-то и была открыта эта планета. У нее оказалось два спутника — белый и желтый, — и это навело первооткрывателей на мысль назвать ее Тристаном, а спутников — Белокурой и Белорукой Изольдами.

Хольста оставили начальником космодрома — он встретил две ракеты с первыми колонистами и материалами для постройки базы. Третий корабль привел я. Так мы встретились после долгих лет разлуки.

Мы поднялись на небольшой холм. На крупные темные ягоды гроздевидных кустов ложился багровый отблеск заката. Показались блестящие крыши базы. За ними, на фоне скучного небосвода, торчал нос моей «Андромеды». Это был порядком устаревший драндулет, но мне он был дорог — дело привычки! Вот она, моя машина, тихая, послушная, ждет, когда мы отправимся в обратный путь.

— Когда ты летишь на Землю? — внезапно спросил Хольст, словно читая мои мысли.

— Дней через десять. — Мне стало немного грустно. — Это будет мой последний рейс.

— То есть как это — последний?

— Я свое отлетал, приятель. Меня назначили начальником космодрома в Индии. Жена с детьми уже там. Устрою себе уютный домашний очаг и наконец-то обрету покой. Если бы не эта авария с Гейне, я бы давно был там. Но не оставлять же вас голодать. Так или иначе, это мой последний рейс.

— Жена, дети, домашний очаг, — буркнул Хольст. — Самый тяжкий балласт для космонавта! Следовало бы обусловить в контракте, что космонавт не имеет права заводиться семьей.

Налево от нас в котловине трое монтажников работали у большого радиотелескопа. Они помахали нам.

— Ты, видно, воображаешь, что очень оригинален? —
поддел я Хольста.

— Вовсе нет! — отозвался он.— Просто стараюсь ре-
ально смотреть на вещи. Какие уж там оригинальные
взгляды! Они меня не привлекают. Думаешь, люди сильно
изменились за последние двести-триста лет?

— Ну, насколько я могу судить...

— По книгам, дорогой мой,— прервал Хольст,— только
по книгам. А из книг вряд ли узнаешь, как мыслили наши
предки. Что нам о них известно? Что они жили, разделив-
шись на государства и народы, говорили на разных язы-
ках, так что жители одной планеты не понимали друг дру-
га... воевали между собой... Что еще? Что у них были
какие-то очень сложные имена... Все это ерунда, самые по-
верхностные сведения! А каков был характер человека
двадцатого века?

— Соответствовал его образу жизни, милейший.

— Наконец-то ты понял! — воскликнул Хольст.— До-
пустим, что в целом люди стали лучше. Но ведь и по сей
день встречаются эгоисты, зависники, честолюбцы, просто
нечестные люди... Да возьми хоть бы этого...

Он кивнул в сторону домика профессора Дефосте.
Я оглянулся: домика уже не было видно.

— Представь себе,— сказал я,— что придет время,
когда все люди станут абсолютно честными, совершенны-
ми... Им будут неведомы злобные чувства...

— И любовь тоже,— прервал меня Хольст.— А чест-
ность станет настолько само собой разумеющейся, что ее
перестанут замечать... Вздор! Разве когда-нибудь челове-
чество обходилось без проблем? Никогда! Разумеется,
проблемы были разные. Каждому времени — свои пробле-
мы; то, что некогда возводилось в добродетель, перераста-
ет в свою противоположность. Прежде люди с легкостью
убивали друг друга, теперь они этого не делают. Уже про-
гресс, черт побери, колоссальный прогресс! Ну, а если

прежде люди лгали и теперь порой лгут, это меня не так уж беспокоит.

— Зато тебя беспокоит другое — то, что я хочу иметь свою семью. А мне обидно, что у меня ее до сих пор нет. Когда я женился, жена была гораздо моложе меня. А сейчас? Мы, космонавты, летаем на скоростях, близких к скорости света, и потому стареем медленнее. Еще несколько таких полетов — и мы с ней станем ровесниками.

— Тоже проблема, а? Проблема современного человека, — отозвался Хольст. — А все почему? Все из-за этой проклятой зависимости от Земли, никак нам от нее не избавиться, вот что меня бесит. Так что если ты еще не отказался от курения, то это сущий пустяк. Закурим? От пустяков ведь отказываются в последнюю очередь!

Смеркалось. Мы шли не торопясь, потом остановились и проводили взглядом стайку прелестных «стрекоз», крутивших над темными кустами.

Не знаю, кто из нас, я или Хольст, первым заметил темный шар, пролетевший по крутой баллистической траектории. Мы бросились ничком на землю и успели заметить, что шар упал где-то возле радиотелескопа. Послышался слабый взрыв, и мелькнула едва заметная розовая вспышка.

Мы вскочили и бросились в сторону, откуда раздался взрыв. Из кустов выбежало какое-то маленькое животное и исчезло.

Мы добежали до котлована. К счастью, ничего страшного не произошло. Радиотелескоп стоял на прежнем месте, а трое монтажников, сидя на корточках, пристально разглядывали что-то на дне котлована. Мы подбежали к ним.

— Что случилось?

Они пожали плечами. Почва в одном месте слегка покрыжела, и там валялись какие-то осколки,

— Никто не ранен?

— Нет.

— Тут что-то взорвалось?

— Если и взорвалось, не все ли равно? — безучастно произнес один из монтажников.

— Что ты имеешь в виду?

Он как-то странно поглядел на меня.

— Все равно нам отсюда не выбраться. На эту проклятую планету посыпают как на верную гибель.

Я смотрел на него в изумлении. И это тот самый космонавт, что всего несколько минут назад весело махал нам рукой! Сейчас он и двое его товарищей стояли рядом с нами, с виду живые и невредимые, и все же что-то с ними было неладно.

Врач нашей экспедиции несколько обленился без практики, но, как только в нем появилась надобность, вновь стал живым и энергичным. Пока монтажники раздевались, мы попытались выяснить у него, что с ними случилось.

— Доктор...

— Да погодите же, черт возьми, я и сам толком ничего не знаю!

Он стремительно шагал из угла в угол по блестящему полу врачебного кабинета. Мы решили, что мешаем ему, и направились в клуб. Из кибернетической лаборатории доносялся смех Елены, но мы прошли мимо — не было настроения.

Выскочивший из своего кабинета химик чуть не сбил нас с ног.

— Что это было? Говорят, вы видели?

— Да, — сказал я. — Эта штука специально остановилась перед самым нашим носом, чтобы мы могли рассмотреть ее со всех сторон.

Он обиделся.

— Уж и спросить нельзя!

Мы вошли в клуб. Кто-то хлопнул меня по спине так, что у меня перехватило дыхание. Я обернулся.

— Марлен! Бродяга! Привет самому главному кибернетику!

Он широко улыбнулся.

— Первыми, кого полностью вытеснят мои роботы, будут пилоты-космонавты! Удивляюсь, кому ты еще нужен!

И мы оглушительно захохотали. Таков уж был наш обычный обмен любезностями при встречах, заведенный много лет назад.

В дверях показался седовласый начальник экспедиции.

— Хольст, расскажи-ка, в чем дело.

Мы описали ему все, что видели. Собравшиеся внимательно слушали, даже Марлен перестал шутить. Потом все принялись наперебой расспрашивать о подробностях, особенно женщины. К счастью, нас выручил доктор.

— Никаких телесных повреждений у них нет, — хмуро сказал он. — Ни ожогов, ни следов радиоактивного облучения. Организм функционирует нормально.

— В чем же дело?

— Депрессия. Сначала появилось все нарастающее чувство отчаяния, оно сменилось глубокой апатией. Люди становятся буквально неузнаваемыми.

— Как это — неузнаваемыми?

— Психически, черт подери! Уж не знаю почему, но они больше не отчиваются, просто им все безразлично.

— А что сказал биолог?

— Ну, что он может сказать? Все трое живы, никаких видимых нарушений нет, надо полагать, они вне опасности... Но это уже не те люди, что прежде.

Мы притихли. Доктор стоял посреди комнаты, нервно потирал руки и шепотом чертился.

— Какой странный несчастный случай,— проронил наконец начальник экспедиции.

Хольст покачал головой.

— Это не несчастный случай. Это был снаряд.

— Ты имеешь в виду, что это умышленное нападение?

Хольст сжал губы и кивнул.

— Еще ни на одной планете человек не подвергался нападению... прямому,— возразила жена химика.

— А на скольких планетах вы побывали? — огрызнулся я.

Доктор ушел к пострадавшим, а мы, усевшись поудобнее, постарались трезво оценить обстановку. Хольст начал доказывать, что обследование континента Б больше откладывать нельзя.

— Я понимаю,— сказал он,— строительство базы важнее всего. Но как бы нам не просчитаться с этой «идиллией» на Тристане. Как бы нам не помешали достроить базу.

— Кто?

— На этот вопрос я смогу ответить, когда вернусь с континента Б.

Хольст, видимо, не сомневался, что начальник экспедиции поручит ему возглавить разведку континента. И он не ошибся.

— Даю тебе три дня,— сказал наконец начальник. Казалось, он был сильно озабочен всем случившимся, но вынужден признать, что в сложившейся обстановке предложение Хольста весьма разумно.

Хольст выбрал в спутники Марлена и меня. Я был рад. Четвертым он хотел взять доктора, но тот решительно воспротивился.

— С ума сошел! — сердито ответил он Хольсту по видеотелефону.— Разве ты не знаешь, что у меня трое пациентов на руках,— лезешь со всяким вздором.

Хольст рас прощался с нами в коридоре.

— Итак, друзья, решено, отправляемся завтра. Ты, Марлен, доктор и я.

— Доктор же отказался?

Хольст снисходительно усмехнулся.

— Я его знаю. Ему нужно все досконально обдумать. Подождем до десяти.

В четверть одиннадцатого появился доктор и деловито осведомился, когда и откуда мы завтра вылетаем.

Внизу под нами перекатывались белые гребешки лиловатых волн. Из-за сильного бокового ветра лететь пришлось на большой высоте.

Пора бы Хольсту сменить меня у штурвала дископлана, но он был занят беседой с доктором в глубине кабины, и я решил не прерывать их. Вести машину было скучновато, но не утомительно.

Вечерело. «Интересно, что мы будем делать, если ночь застанет нас над океаном», — подумал я. Не будь волн, дископлан мог бы опуститься на воду. Но даже с этой высоты видно, что океан неспокойен.

— До темноты мы достигнем сушки, — утешил меня Марлен. — На берегу нас ждет великолепная посадочная площадка и почетный караул из тристанцев в мундирах с надраенными пуговицами.

— А специально для тебя будет выстроен полк роботов, чтобы ты не скучал.

Я хотел сказать еще что-то, но моего плеча коснулась рука доктора.

— Что это? — Он показал вправо, палец его чуть дрожал.

— Это и есть континент Б, — негромко произнес Хольст.

На горизонте показалась синеватая полоска. Я слегка изменил направление полета, держа курс на загадочный

континент. Минут через десять уже не оставалось сомнений, что это суша.

Кверху поднималась струйка дыма.

— Вулкан, — заметил доктор.

— На равнине?

— А почему бы и нет?

— Ну, конечно, — укоризненно сказал Марлен. — Ведь мы на Тристане, а на Тристане все должно быть иначе, чем на Земле. Жители этой планеты ходят на голове, а уши у них на коленках.

По мере нашего приближения к берегу становилось все темнее. Сумерки здесь сгущались быстро, тьма наступала непроглядная, серое небо неумолимо поглощало свет. Континент под нами постепенно окутывала мгла.

Хольст поглядел на часы и сменил меня у штурвала.

— Прости, я и не заметил, что так поздно.

Я сел рядом с доктором. Только сейчас мне удалось как следует рассмотреть сушу, тянувшуюся далеко за горизонт. Явно это не остров. На мгновение мне показалось, будто я вижу внизу слабый свет, но в этот момент Хольст повел дископлан на снижение и отблески света исчезли.

— Напрасно ты поспешил, — сказал я.

— С чем?

— Со спуском. Там, вдали...

— Какой-то красноватый отблеск, да? — докончил доктор. — Я тоже заметил...

— Верно, вулкан, — отозвался Хольст.

Марлен занялся настройкой радарной установки: мы не знали, есть ли здесь горы и высоки ли, а Хольсту хотелось спуститься пониже.

Когда мы достигли побережья, было уже почти совсем темно. Впереди мелькали какие-то огни, но тут же погасли.

— Здесь есть разумные существа, — радостно шепнул доктор.

— И знают о нас, что уже не столь приятно,— добавил я.

— Если это они запустили к нам тот шар...

— А кто же еще?

Внизу была непроглядная тьма. И в этой тьме, видимо, жили какие-то неведомые существа, о которых мы знали только одно: они настроены к нам не слишком-то дружелюбно.

— Свет! — сказал доктор. — Опять внизу какой-то свет.

Где-то слева, в темноте, виднелись оранжевые отблески большого огня. От нашей недавней уверенности, что этот континент необитаем, что здесь, видимо, имеются лишь низшие формы жизни, почти ничего не осталось. Но почему же на континенте А, где обосновалась наша экспедиция, нет обитателей, а здесь...

— Около двухсот метров над уровнем моря,— сообщил Марлен.

— Мы?

— Суша. А мы находимся на высоте примерно тысячи метров.

Внизу ничего не было видно. Лишь там и сям вспыхивал алый огонек, словно старинный маяк на Земле,— то ли показывая нам дорогу, то ли передавая сигнал тревоги. А может, эти огоньки всего лишь ничего не значащее явление природы?

Внезапно под нами раскрылась целая огненная долина — длинная, с километр, вереница огней, крохотных, маяящих огоньков. Казалось, они совсем близко. Что же это такое?

— Доменные печи,— словно во сне, прошептал доктор. Линия огней была почти прямая.

— А может, это природное явление?

— Может быть,— убежденно сказал доктор.— Природа способна на все.

— Безусловно, если она создала тебя,— серьезно заметил Марлен.

Доктор сделал вид, что не слышит.

— Природа способна на все, и все же, я бы сказал...

Он не договорил и все глядел на линию огней, пока она не скрылась во тьме.

— Впереди горы,— объявил Марлен, склонившийся над радарной установкой.

Хольст набрал высоту. Местность под нами круто поднималась, у пас прямо-таки захватывало дух. Горный хребет вздымался до высоты почти двух километров, потом опять стал снижаться. Вдали блеснули огоньки и погасли.

— Это нам только кажется, что они погасли,— их просто закрывают горы,— объяснил Хольст.

— С чего это ты взял?

— Да похоже, будто кто-то умышленно гасит огни, стоит нам спуститься пониже, а на самом деле это оптический обман.

— И все-таки они знают о нас! — упрямо сказал доктор.

— Очень приятно, что ты нам об этом сказал,— расшаркался перед ним Марлен.— Это меня крайне успокоило.

Инфракрасные лучи локатора пронизывали тьму. Они показали какую-то обширную ровную поверхность, возможно, водную. Хольст решил спуститься.

— Не можем же мы лететь всю ночь.

— Ну, хорошо,— вздохнул Марлен.— У доктора уже заготовлена приветственная речь.

Мы стали снижаться. Несущие винты дископлана тихо гудели.

— Видно что-нибудь?

— Кромешная тьма!

— И больше ничего?

— Лучше не допытывайтесь, что мне там видится, иначе все вы умрете со страху,— припугнул нас Марлен.

Внизу под нами оказалось озеро. Мы спустились довольно низко, и Хольст включил прожекторы — издали они все равно не видны. Сноп света обшаривал берег, превращаясь то в круг, то в эллипс, вырывая из тьмы песчаную поверхность, скалы, валуны, деревца, кусты.

Мы опустились шагах в тридцати от воды. Дископлан мягко, как в пену, сел на песок, Хольст выключил двигатели.

— Надеюсь, оружие у вас наготове? — спросил он.

— А как же,— насмешливо отозвался доктор,— разве ты не видишь — нас окружили полчища страшных людоедов.

— Обман зрения! — тотчас поддел его Марлен.— Все это голубицы сизокрылые.

С доктором трудно было говорить на эту тему: он верил в миролюбие обитателей Вселенной. (Это не мешало ему на Земле быть страстным охотником на диких уток. Нам никак не удавалось втолковать ему, что, с точки зрения уток, он убийца.)

Взяв оружие и ручные фонари, мы осторожно вылезли из дископлана в надежде ознакомиться с местом предстоящего ночлега. Марлен вызвался охранять дископлан.

— Должен же кто-то жертвовать собой,— вздохнул он. Но никто из нас не принял всерьез его жалобного тона.

— Надеюсь, что через полчасика мы с вами увидимся,— сказал он на прощание.

— Если только ты не погибнешь, защищая дископлан,— в тон ему ответил я.

— Благодарю за утешение,— учтиво отозвался Марлен.— Я прихожу к выводу, что никто из вас не стоит подобной жертвы.

— Ну, потеря была бы не столь велика,— заметил Хольст, уже вышедший из машины. Мы с доктором последовали за ним.

Песок под ногами был очень мелкий, сыпучий, мы вяз-

ли в нем по щиколотку. Я тщетно пытался отыскать какие-нибудь следы.

— Ни намека на то, что здесь кто-нибудь есть, — сказал я.

Мои спутники молчали. Доктор нагнулся к воде, опустил руку и попробовал воду на вкус.

— Соленая, — с удивлением констатировал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Я говорю, вода соленая, как в море. И препротивная. — Он сплюнул.

— Не может этого быть, — возразил я, — я сам видел на экране локатора: это озеро площадью всего несколько квадратных километров.

Хольст возился со счетчиком Гейгера. Счетчик бездействовал, значит, радиоактивности нет. Но вода в озере действительно была очень соленой, гораздо солонее, чем в морях на Земле.

Мы прошли еще несколько шагов по берегу, потом свернули в сторону. Слева от нас тускло светились окна диско-плана.

— Вы ничего не слышите? — вдруг спросил доктор.

— Нет, а что?

— Словно бы... что-то плеснулось в озере.

Мы остановились и прислушались. Вдали и впрямь послышался слабый плеск, и опять воцарилось глубокое молчание ночи.

— Похоже, будто сонная утка захлопала крыльями в камыше, — сказал доктор. — Я-то хорошо знаю этот звук.

— Ну, если тут водятся дикие утки, миролюбию ко нец, — ухмыльнулся Хольст. — Доктор враз позабудет свои убеждения и откроет по ним истребительный огонь.

— Мне это и в голову не пришло, — недовольно возразил доктор.

Я взглянул на небо. Сквозь хмурый покров туч не было видно звезд. Мне сделалось жаль жителей Тристана — ни-

когда они не видят красот звездного неба. Нам так и не довелось увидеть двух спутников этой планеты, двух Изольд.

В сумерках простирали острые силуэты каких-то колючих растений. Овальные плоды (а может быть, цветы?) опущенились длинными шипами. Не очень-то они привлекательны с виду! Но доктор чувствовал себя, словно мальчуган в парке с аттракционами, и настаивал, чтобы мы прошли подальше. Он то и дело поводил фонариком в темноте и вдруг издал победный клич. Мы с Хольстом тут же направили наши фонарики в его сторону: впереди что-то белело. Мы подошли поближе. Метрах в тридцати от нас, среди колючего кустарника, виднелось диковинное сооружение — огромный шар на увитом зеленью постаменте. Прежде мы его не замечали, оно не выделялось на темном фоне, а сейчас лучи наших фонарей отразились от него, как от зеркала.

Подойти к шару было невозможно, по крайней мере в темноте, из-за густого колючего кустарника — нас не привлекала перспектива прорыться сквозь эти колючки. Правда, доктор уверял, будто к каждому порядочному дому должна вести дорожка, но это строение, видимо, не принадлежало к числу порядочных — дорожки не было. Нам только удалось обнаружить, что сферическое здание покоятся на массивном (очевидно, каменном), напоминающем шею цилиндрическом постаменте.

— Пошли-ка спать, — предложил Хольст.

Мы вернулись на дископлан. По дороге я дважды обворачивался, движимый каким-то безотчетным чувством... Но сзади не слышалось ни звука.

— Вы, видно, что-нибудь забыли? — ехидно приветствовал нас Марлен. — Не может быть, чтобы вы так скоро вернулись!

Мы опустили откидные койки, Хольст и Марлен в передней, а мы с доктором в задней части кабины. Я немного

простыл — на берегу было холодно и сырьо — и мечтал по-скорее забраться под одеяло.

— Послушай, — прошептал в темноте доктор, — где наше оружие?

— Тебе хочется, чтобы оно было под рукой?

— Наоборот, хочу спрятать его подальше. Не то они с утра затеют какую-нибудь глупость...

— Но ведь мы не знаем...

— В вас до сих пор сидит дух наших отсталых предков, — вполголоса сердито произнес доктор. — Только и думаете об оружии, опасности, засадах... А все почему? Потому что человек хоть и достиг далеких планет, а зверь в нем все-таки остался.

Я приподнялся на локтях.

— Дело не в этом, доктор. Дело в страхе.

— Откуда он в тебе? Нашей цивилизации страх небедом.

Мне захотелось высказать то, что было у меня на уме.

— А почему? Вовсе не потому, что наши люди не умеют бояться, а потому что им *нечего* бояться. Разумеется, на Земле. Наша цивилизация покончила не со страхом, а с угрозой опасности, — это не одно и то же.

— И поэтому исчезла отвага, — вмешался Хольст. — Уж я-то знаю, что это такое! Не желал бы я вам встретить столько проявлений отваги, сколько довелось видеть мне! Я видел мужчин, у которых слезы текли от страха, и все же они, полные решимости, устремлялись на раскаленную лаву, чтобы спасти товарища. Мне ли забыть, как пилоты стискивали зубы при виде глыб аммиака на спутниках Юпитера! Я помню расширенные от ужаса глаза людей на космолете, терпящем аварию... Все они боялись, чертовски боялись, но не отступали! Человек может бояться — и все же быть отважным. Но не на Земле, там нет причин бояться и нет повода проявить отвагу. Там можно быть слабым и существовать спокойно. А мы, космонавты, ана-

ем, что такое отвага и что такое страх. Вот почему мы, хоть и не собираемся никого убивать, возьмем с собой оружие. Твои наставления, доктор, пригодны для аудитории философского факультета на Земле. Здесь они ни к чему.

Он почти выкрикнул последние слова, и доктор не нашелся, что возразить. Я понимал, что гложет Хольста,— память о наших погибших товарищах, павших соратниках; многих мы видели в их смертный час, но не могли помочь им. А ныне человечество, утратившее представление о трагической гибели, не может справедливо, по заслугам оценить их жертву и мужество.

Через несколько минут все спали.

Но нам не суждено было спокойно выспаться. Вскоре всех разбудил встревоженный Марлен. Странная картина представала нашему взору.

Берег озера был умеренно крут, метрах в ста от диско-плана его прорезала неглубокая ложбинка, видимо, дорога. По дороге двигались какие-то существа. Поначалу нам показалось, будто каждый из них состоит из длинной шеи, заканчивающейся небольшой плоской головкой. Но там, где дорога поднималась вверх, мы увидели их во весь рост. Шея, длиной чуть больше метра, под прямым углом переходила в продолговатое тело, причем туловище выдавалось вперед. И туловище, и шея были чем-то покрыты, явно искусственного происхождения, возможно, одеждой. Тело кончалось тремя парами коротких, похожих на столбики, ног.

Существа шли медленно, вереницей, на небольшом расстоянии друг от друга, слегка наклонив головы. Доктор судорожно схватил бинокль.

— Глаза спереди на голове,— объявил он.— И передние конечности у них есть... руки или нечто вроде рук...

одна пара растет внизу, под шеей... они у них сложены на спине.

Но больше, чем эти подробности, нас заинтересовало другое обстоятельство. Существа, несомненно, заметили нас, некоторые даже слегка повернули головы, но ни одно не проявило при малейшего интереса. Казалось, они умышленно нас не замечают. Равнодушные ко всему, они двигались унылой вереницей, шли, шли, пока не прошли все до одного, и дорога снова опустела.

Мы только переглянулись, не находя слов от изумления. Мы уже привыкли, что на разных планетах природа создает различные формы жизни, различные общественные системы, различные отношения, и это шествие нисколько не удивило бы нас, если бы...

Никогда еще людям, покинувшим Землю и нашедшим приют на других планетах, не приходилось встречаться с таким полным отсутствием интереса к себе. Любое маломальски развитое существо, включая животных, всегда реагировало на человека. Встречались доверчивые животные, которые не убегали от людей (как и в не обжитых еще уголках Земли), встречались животные агрессивные или очень пугливые. Чем более развитыми были обитатели иных миров, тем живее реагировали они на встречу с человеком, проявляя испуг, любопытство, доверчивость или ласку. Но такого безразличия никогда не было...

— Как по-вашему, — медленно произнес Марлен, — это и есть тристанцы?

— Уж не ожидал ли ты встретить на Тристане жителей Урана или Венеры? — насмешливо спросил Хольст.

— У тебя спроси что-нибудь! — огрызнулся Марлен. — Даже с утра толкового ответа не добьешься.

— Не заметить нас они не могли, — упрямко сказал доктор, словно убеждая самого себя. — Существо, живущее в конкретной среде, должно обладать восприятием — сигнальной системой, приспособленной к этой среде.

— Может и не обладать, — возразил я. — Например, перед тобой совершенно конкретный завтрак, а ты его не замечаешь.

— Извини, — пробормотал доктор, словно очнувшись.

Во время завтрака мы разглядывали местность. Озеро тянулось вдаль, противоположного берега не было видно. Низкие берега как бы стискивали озеро. Все кругом было каким-то бесцветным — вода, небо, песок, растения, — словно в черно-белом фильме, который мне как-то довелось видеть в музее.

Свинцовая водная гладь была недвижна, берега поросли темной травой, похожей на высохший камыш; кое-где из воды торчали какие-то стволы, увенчанные овальными прозрачными плодами.

— Не следует называть эти растения камышом, хотя они и похожи на него, — с полным ртом сказал доктор.

— Разумеется! — взорвался Марлен. — Они, правда, растут в воде, у берега, и похожи на камыш, но, поскольку на Земле нет ничего подобного, придется придумать для них особое название. Предлагаю назвать их «брньфим-фалбедлуп»!

После завтрака, надев комбинезоны, мы прорубили в колючем кустарнике дорогу к загадочному зданию. У подножия цилиндрического постамента мы обнаружили вход, соответствующий росту тех странных существ, которых мы видели. Внутрь попасть не удалось: путь преграждала груда обломков. Видимо, в глубине здания произошел обвал.

Строить догадки не имело смысла. Вернувшись к диско-плану, мы вылетели в первый разведывательный полет.

Итак, день первый. Неподалеку от озера мы обнаружили долины с огоньками — почти не оставалось сомнений, что это домны или плавильни. Из высоких цилиндрических печей вверх вырывалось багровое пламя, кругом же все

было серым, синевато-зеленым или грязно-желтым. Нигде мы не увидели ярких красок, если не считать отсвета пламени. Видимо, поэтому этот странный мир производил столь безотрадное впечатление, и мы настолько поддались тягостному чувству, что все больше теряли чувство юмора.

Позже мы обнаружили некое подобие города. В центре стояло высокое прямоугольное здание, от которого лучами отходили ряды строений; сверху город имел форму много-конечной звезды. Мы решили не снижаться до тех пор, пока не осмотримся как следует, пообедали прямо в диско-плане, потом я пересел за штурвал и стал набирать высоту. Выяснилось, что мы находимся над южной оконечностью континента Б, по площади почти равного Апеннинскому полуострову. Мы поднялись еще выше, но попали в облака и сразу потеряли видимость. Континент тянулся к северу и, видимо, был очень невелик. Судя по ориентировочной карте Тристана, которую мы составили, его размеры не превышали четверти Европы. Материк А, на котором находилась наша база, был и того меньше, остальную поверхность планеты покрывал океан. Если учесть, что Тристан меньше Земли, не вызывало сомнения: воды здесь относительно гораздо больше, чем на нашей планете. Не исключено, что имеются также небольшие острова, возможно, архипелаг, но третьего материка наверняка нет.

Заночевали мы на плоскогорье. Было довольно холодно. Завернувшись в одеяла, мы негромко беседовали до поздней ночи. Неясных вопросов накопилось слишком много. Почему, например, континент Б почти необитаем? Или нам это только кажется? Если да, то что представляют собой его обитатели? У них есть какое-то подобие промышленности, они, несомненно, разумные существа. Чем же тогда можно объяснить тот факт, что они безразлично проходят мимо нас?

— Все дело в том, что показатели их разумности весьма противоречивы, — решил доктор. — С одной стороны, го-

род, домны, сложные постройки — я имею в виду тот сфероид, на берегу озера... с другой стороны, мы летаем у них над головами, а им хоть бы что!

— Лично меня вполне устраивает, чтобы так продолжалось и впредь, — буркнул из-под одеяла Марлен.

За окнами кабину лежала непроглядная ночь, черная ночь без звезд, загадочная и безмолвная, не дававшая ответа ни на один из вопросов, которыми были полны наши головы.

День второй. Рано утром в глубоком горном ущелье мы обнаружили остатки какой-то древней культуры, напоминающие памятники угасшей культуры инков и ацтеков в национальных парках Мексики и Южной Америки. Здесь, на Тристане, конечно, труднее определить, когда этот город превратился в развалины; правда, стены строений были сильно выщерблены, но это не могло служить надежным критерием, так как мы не знали ни прочности кладки, ни степени разрушительного влияния климатических условий. Высадившись, мы молча прошли по вымершему городу, где некогда кипела жизнь, видимо, в еще более отдаленные времена по сравнению с самыми древними культурами на Земле.

Хольст высказал предположение, что пути развития древней культуры на Тристане сходны с земными: здесь тоже заметна высокоразвитая архитектура и довольно низкий уровень техники. Преобладал сводчатый тип зданий — в разрезе все они имели форму полуцилиндра. В просторном здании без крыши, которое, видимо, служило местом общественных сборищ, сохранились кое-какие фрески, давшие нам ответ на главный вопрос: жителями города были предки тех самых существ, которых мы вчера видели.

Доктор полагал, что мы находимся в бывшем храме, — он был сторонником теории культов, согласно которой

культ в самых различных его проявлениях служит признаком определенной ступени развития общества. И в самом деле, ему удалось найти на фасаде интересную фреску, правда сильно выцветшую, но еще настолько сохранившуюся, что она чрезвычайно заинтересовала всех нас. На фреске было изображено существо, отдаленно напоминающее ската, с тюленьей головой, продолговатым телом и треугольными крыльями по бокам.

— Чем не ангел, — усмехнулся Марлен.

Доктор долго стоял у фрески и недоуменно покачивал головой.

— Ну, предположим, это какое-то божество, почему бы и нет? — ворчал он. — Одного не могу понять: мы, люди, в ходе истории знали немало всяких богов, но, изображая их, обычно придерживались собственного образа и подобия. Правда, иногда бога рисовали в виде животного, но и то обязательно хорошо знакомого; в большинстве же случаев это был человек, пусть с некоторыми отклонениями, но все-таки человек. Поэтому некоторые религии даже запрещают изображать бога, дабы не посягать на его величие, понимаете?

— Так что, ты ожидал на Тристане найти над алтарем бородатого старца? — ехидно осведомился Марлен.

— Кибернетики никогда не отличались богатой фантазией — себе же в ущерб, — парировал доктор. — Именно поэтому роботы до сих пор представляют собой бесформенные ящики. А у тристанцев, видимо, не было недостатка в фантазии. Но откуда они взяли этакое страшилище, черт подери?

В храме мы потратили почти четыре часа драгоценного времени. Когда мы возвращались, доктор вбил себе в голову, что он должен посмотреть на тристанцев вблизи.

— Религиозный культ знаменует собой известный этап в развитии общества; ясно одно — оно располагает средствами передачи информации. Представьте себе человека,

который вдруг увидел бы эти существа на Земле. Несомненно, он реагировал бы на их появление. Даже пещерный человек. А ведь существа эти по своему развитию гораздо выше первобытных людей.

— Запомни, мы не на Земле.

Это был слабый аргумент. Мы гадали и так и эдак, кто-то даже предположил, что группа тристанцев, которую мы вчера видели, состояла, ну, что ли, из слабоумных особей, живущих здесь свободно и без надзора. Но все эти догадки ничем нельзя было подкрепить, разве что нашим земным опытом, а Хольст правильно заметил, что здесь мы в ином мире.

— Но послушайте,— вдруг воскликнул Марлен,— разве тристанские дети обязательно должны быть маленькими? Может быть, тристанцы размножаются... каким-нибудь другим способом, уж не знаю каким... А что, если это были хорошо вышколенные ученики младших классов?

— Мне даже показалось, что они зубрят на ходу таблицу умножения,— согласился я.

Доктор только подивился тупоумию кибернетиков: разве им не известно, что любопытство — характернейшая особенность детей?

Дископлан поднялся в воздух, и загадочный город под нами скрылся вдали. Вскоре мы увидели какое-то крупное поселение на берегу реки, уже издали заметное по густым клубам черного дыма. Мы спустились неподалеку. Метрах в ста от нас, под открытым небом, стояла домна, около нее усердно работали несколько десятков тристанцев. Никто из них не повернулся в нашу сторону.

— Школьники, да? — укоризненно сказал Марлену доктор.— Подождем, пока ты классифицируешь их как роботов.

— Интеллигентные роботы заранее знали бы о нашем прибытии,— тотчас возразил кибернетик.

— По-моему, ты просто сторонник их эмансипации.

— Ну и что, разве они ее не заслуживают? — возразил Марлен, уязвленный в своих лучших чувствах.

Хольст велел нам вооружиться. Марлен снова вызвался охранять дископлан.

— Дело в том... я уже приспособился тут... — смущенно объяснил он. — К тому же тристанцы не роботы, следовательно, мне там делать нечего... А что передать на базу, если мне придется вернуться одному?

— Скажи, чтобы за нами послали кого-нибудь похрабрее, — безжалостно отрезал доктор. — Мы его тут подождем, живые и невредимые.

Мы приблизились к тристанцам, стараясь двигаться бесшумно, чтобы не испугать их. Но эта мера предосторожности была ни к чему — они не обращали на нас ни малейшего внимания.

Мы подошли к печи. Это был конус высотой метров пятьдесят, из которого валил густой черный дым. У его подножия было нестерпимо жарко. Несколько тристанцев неустанно подносили темные кубики из громадной кучи и подбрасывали их в огонь. Мы обошли сооружение кругом. С задней стороны печи тянулся длинный желоб, по которому раскаленная стекловидная масса стекала в глубокую яму. Несколько рабочих наполняли ею цилиндрические посудины и ставили их в ряд. Гуськом подходили другие тристанцы, на спинах у них были укреплены какие-то подставки, на которых они переносили порожние посудины. Двое или трое рабочих слабенькими передними конечностями поднимали полный сосуд, ставили его носильщику на подставку, и тот с явным напряжением тащился к большому зданию, что находилось метрах в двухстах от печи. Непрерывной вереницей тянулись рабочие туда и обратно.

Доктора уже невозможно было удержать. Он шагнул и преградил путь одному из тристанцев. Тот обошел его, не выразив никакого удивления. Удивлены были мы:

вереница носильщиков изогнулась, один за другим они молча обходили доктора и равнодушно тащились дальше.

Доктор протянул руку к одному из них. Хольст, стоявший рядом со мной, издал предостерегающий возглас. Но в этом не было необходимости. Тристанец не уклонился, стерпел прикосновение человека, вернее, вообще не обратил на него внимания, не остановился, как это сделала бы на Земле даже собака. Он продолжал следовать своим путем, словно доктора вовсе и не было рядом.

Доктор вернулся к нам совершенно обескураженный.

— Послушай, — сказал я, — они вообще видят?

— Глаз у каждого из них есть, — сказал доктор. — Вернее, глаза... возможно, даже несколько глаз в одном... Безусловно, это действующий орган у них на лице. А под глазом имеется выступ — это ноздри.

— Или рот.

— Нет, не рот. Они дышат посредством этого выступа, в определенном ритме. А знаете, где у них рот? На переднем конце корпуса. Черт возьми, если вдуматься, они очень похожи на нас.

— Гм, благодарю покорно, — поклонился я.

— Не благодари, а лучше сравни. Орган зрения у них, как и у нас, находится на лице, дышат они воздухом, и тем же воздухом, что и мы, принимают пищу — в общем, очень похожие на нас организмы. Но дело не в этом. Их поведение... должны же были они меня заметить!.. Они меня обошли, стало быть, видели препятствие...

— Вот именно, препятствие, — докончил я. — А что, если они приняли тебя за препятствие, за что-то неопределенное? Может, они просто очень близоруки?

— Как же в таком случае они работают?

— Ну, такую работу, по-моему, можно делать, даже если...

— Давай проверим.

Поведение этих существ совершенно нас заинтриговало.

Мы шагали вдоль вереницы носильщиков, совсем близко от них; одна группа рабочих двигалась рядом с нами, другая — навстречу.

Вот и здание.

— Машины! — воскликнули мы, очутившись на пороге.

Из темного помещения доносился равномерный шум и лязг. Около здания носильщики выливали жидкость в желоб, по которому она текла в цех. На стенах цеха торчали какие-то загнутые кверху трубки, из которых выходил газ, горевший тусклым, зеленоватым пламенем.

В этом жутком полумраке, в невыносимом смраде двигались десятки существ. Все это живо напомнило мне рабский труд, каким я представлял его себе в давно минувшие времена на Земле. То, что впоследствии принесло человечку облегчение и прогресс, сначала поработило его.

Мы вышли на свежий воздух. По обеим сторонам входа были укреплены полупрозрачные шары, похожие на фонари, но они не светились.

Мы двинулись вдоль здания, чувствуя себя чем-то вроде призраков: мы ходим, а нас не слышат и не видят.

Темнело. Контуры здания расплывались в густеющих сумерках. Мы дошли до конца цеха. Там тоже был широкий вход с двумя шарами по бокам. Доктор заинтересовался ими.

Из цеха то и дело выезжали какие-то грубо сколоченные тележки на валиках вместо колес. Каждую тележку толкали два тристанца. Они везли готовые изделия, а может, полуфабрикаты. Похоже, это завод пластмасс, только выпускаемые изделия отличались особой прочностью.

Доктор бесцеремонно протянул руку к одной тележке и, взяв изделие, подошел к нам. Рабочие не возражали.

Это был прозрачный и довольно эластичный цилиндрический сосуд литра на два с трубкой на дне.

— Ну, что? — спросил доктор.

— Где я мог его видеть? — вслух подумал я.

— Совершенно верно, — сказал доктор. — Точно такие штуки торчали в озере из камыши, там, где мы в первый раз заночевали.

— Верно, верно, стеклянные цветы...

— Думаю, что это были вовсе не цветы...

Здания давно превратились в темные силуэты, пламя печей над нашими головами бросало вниз мрачные отблески. Мы решили вернуться к дископлану. На сегодня разведка окончена.

— Опять придется в потемках искать место для ночевки, — с упреком сказал Марлен, как только мы подошли к аппарату.

— А ты собираешься сегодня лететь куда-то?

— Уж не хочешь ли ты сказать, что мы будем ночевать здесь? — встревожился Марлен.

— Разумеется!

Мы поужинали в темноте, не спуская глаз с загадочного завода. Алые отблески его огней казались особенно яркими во мраке.

«Как в аду», — подумал я. Во времена моего детства у меня была точно такая картинка в книжке.

Работа на заводе не прекращалась. На тускло освещенном фоне медленно двигались темные фигуры. Рабы... Мне снова пришло в голову это сравнение.

— Такой каторжный труд вряд ли может быть привычной, — сказал я доктору. — По-моему, это просто рабы. Но в таком случае где-то рядом с ними должны быть и рабовладельцы. А их здесь не видно, никто не сторожит рабочих, не погоняет...

— И никто не лодырничает, — прервал меня доктор. — Знаешь, у меня возникла идея... бывают же такие нелепые

ассоциации... есть что-то общее... эта апатия... Мне почему-то вспомнились наши монтажники там... на базе... Разумеется, чисто внешнее сходство, случайная аналогия, но, ты только подумай хорошенько, эта апатия... словно бы у них есть что-то общее...

— В таком случае предлагаю назвать их «равнодушниками», — усердно жуя, предложил Марлен.

Мы промолчали.

— И ты хочешь сказать... — начал я.

— Пока я ничего не хочу сказать. Поэтому-то я сижу здесь и жду. Жду, когда же появятся хозяева.

Время летело незаметно. Нас окружала тьма, пронизанная алыми всполохами огня. Из входа в здание струился слабый свет. Томясь в ожидании, мы попытались установить радиосвязь с базой, но тщетно — наши попытки не увенчались успехом. Пока мы возились с радио, сзади блеснула вспышка ало-синеватого света и тотчас погасла. Мы обернулись. На рабочей площадке было темно, отблески печей стали слабее, освещение в цеху погасло, воцарилась тишина и ночное спокойствие. Но когда наши глаза привыкли к темноте, мы заметили какое-то движение: вот на темном фоне промелькнули черные тени... Минута — и вновь ничего не видно. Тристанцы скрылись в загадочных зданиях.

Мы с опаской уставились в недвижную тьму. Около дискофона не видно было ни зги. Внезапно Хольст вскочил с места.

— Дайте свет!

В суматохе мы никак не могли вспомнить, куда делся фонарик, пока не оказалось, что он в руке у Марлена.

— Когда мне что-нибудь нужно, я не ору, — сказал тот в свою защиту. — В этом смысле тристанцы куда симпатичнее.

Сноп света рассек темноту, рассеиваясь и слабея вдали. Нам показалось, будто там, на площадке, что-то блеснуло

и метнулось в сторону... А может быть, это игра нашего воображения? Луч фонарика пошарил во мраке — вновь что-то блеснуло, и вновь пустота и кромешная тьма.

— Включить прожектор!

Ослепительный свет пронизал пространство, мы зажмурились, выжидая, пока привыкнут глаза. Постепенно мы различили стены зданий... заводскую площадку... Но там никого не было!

— Что это... черт подери!

— Это были не те тристанцы, которых мы видели! — Марлен от волнения забыл придуманное им прозвище «равнодушники».

— Откуда ты знаешь?

В отблесках света я увидел сосредоточенное лицо Хольста и встревоженное — Марлена. Но вот напряженность исчезла.

— Там уже никого нет, — сказал Марлен, проводя рукой по лбу.

Я перевел дыхание. Хольст оглянулся. Мы почувствовали себя спокойнее.

— Ну, так что, доктор? Переночуем здесь и подождем, когда они снова выйдут на работу?

Доктор сосредоточенно смотрел в темноту. Он все еще не мог прийти в себя, его словно подменили.

— Далеко отсюда до реки? — вдруг спросил он.

— Два шага.

— Тогда лучше перебраться подальше... Так будет спокойнее.

Мы переглянулись.

— Да что ты, доктор, ну не все ли равно?

— Садись за штурвал и не спорь, — резко приказал мне доктор.

Через несколько минут дископлан поднялся вверх.

Утром мы опустились прямо на берег реки. Доктор торопливо зашагал к воде.

— Соленая, — кратко объявил он, словно и не ждал ничего иного.

— Соленая вода в озере, соленая вода в реке... — вслух размышлял Хольст.

— В канале, — поправил я.

— Что-о?

— В канале. Погляди.

Я был рад, что мне удалось открыть то, чего не заметили мои товарищи: берега поросли какими-то сероватыми метелочками, а под водой дно было выложено каменными плитами.

Доктор пристально посмотрел на нас.

— Разгадка тайны здесь, — он кивнул в сторону канала.

Мы молча вернулись к дископлану.

— Сколько дней ты не высывал носа из кабины? — спросил я Марлена.

— Я же черчу для вас карту, — сердито возразил он.

Он и в самом деле набрасывал план города, который мы обнаружили в нескольких километрах отсюда. Судя по всему, это был уже не исторический памятник, а вполне современный город. Но без жителей.

Продолговатые, похожие на туннели здания обветшали. Необычной формы окна напоминали глаза слепца, обращенные к небу. Заглядывая внутрь, мы видели остатки домашней утвари, но не рискнули рассмотреть их повнимательнее — дома вот-вот могли обрушиться.

Еще одна загадка... Но доктор тогда не дал нам поразмыслить, он торопил Хольста к реке. А теперь, попробовав воду, казалось, успокоился, но стал еще неразговорчивее.

— Итак, что будем делать дальше?

— В нашем распоряжении только день, — решительно

сказал Хольст. — Вечером вылетаем обратно на базу. Во-первых, я дал обещание начальнику экспедиции, во-вторых, у нас на исходе горючее.

— Как же мы используем последний день? Доктор, что ты на это скажешь?

Доктор предложил спуститься пониже над территорией завода и внимательно приглядеться ко всему, что может хоть как-то навести нас на правильный след.

— Если мы сейчас не выясним, в чем здесь дело, то всем нашим догадкам грош цена.

Я сел за штурвал, доктор пристроился рядом. Диско-план повис метрах в двадцати — тридцати над заводским двором, где было полно тристанцев. Никто из них не поднял головы.

— Так и в самом деле можно поверить, что они работают без всякого принуждения, — заметил я.

— И без принуждения, добровольно, покинули свои города? — тут же отозвался доктор.

— А что, если весь секрет кроется в определенном ритме работы? — произнес сидевший позади Хольст. — У нас на Земле привычное чередование: четыре с половиной дня работаем, два с половиной дня отдыхаем. А здесь, возможно, работают... ну, скажем, полгода без перерыва, а потом на полгода отправляются отдыхать?

— А тем временем их жилища превращаются в развалины? — с иронией сказал доктор.

И эта гипотеза отпала.

Мы летели над каналом.

— Смотрите!

Сделав круг, мы спустились ниже. Прямо под нами двигались какие-то транспортеры, по шесть в ряд, и на них были установлены те самые прозрачные, словно из стекла, изделия, которые мы уже видели, и еще какие-то предметы, которые мы с ходу не успели рассмотреть. Нас заинтересовало другое: все транспортеры с берега вели прямо в

воду. Изделия медленно исчезали в ней, легкая зыбь... и все! По крайней мере нам так казалось.

— Бесцельный труд?

— А что еще? Видимо, общество находится на пороге полнейшего распада. По инерции производство все еще работает прежними темпами, хотя изделия уже никому не нужны, сбыта нет, продукты труда уничтожаются... и производятся новые.

— Но сколько все это может продолжаться? — спросил доктор.

— Кто знает.

— Бесцельная работа, говоришь? Но это нелепо! Труд не может быть бесцельным. И вообще маловероятно, чтобы мы подоспели именно к этой последней фазе кризиса тристанского общества.

— И все же... — начал Хольст.

— Ты хочешь сказать, у нас не хватает нити, которая... — продолжил я.

— Времени у нас не хватает, вот что! — возбужденно воскликнул доктор и встал. — Времени, черт подери! Хольст, дай мне еще два-три дня!

— Мы и так торчим тут уже трое суток! Если мы не найдем разгадки...

— Ты умышленно не желаешь ее замечать! — накинулся на него доктор. — Разгадка здесь, она у тебя под носом!

— М-да, что же делать? Не вернуться вовремя на базу — значит вызвать там переполох. Если они пошлют за нами спасательную экспедицию, совсем ненужную, это будет непростительной потерей времени...

С минуту мы молчали. Хольст обдумывал предложение доктора. Я вел дископлан вдоль канала. Для чего же все-таки нужен этот канал? На берегу виднелись какие-то продолговатые, похожие на ангары постройки, но сверху определить их назначение было невозможно. Я заметил

еще один транспортер, спускающийся в воду. Потом мы увидели канал, еще не заполненный водой, в котором, словно муравьи в муравейнике, копошились тристанцы. Новый канал прокладывали почти перпендикулярно тому, над которым мы летели.

— Попробую все-таки связаться с базой, — решил на конец Хольст и направился к рации. Доктор последовал за ним. Я бесцельно кружил над гигантским заводом, опасаясь спуститься пониже, чтобы не задеть провода.

Связь с базой не ладилась.

— А ну-ка, взгляни, в чем дело, — окликнул меня Хольст. — Ты знаешь этот приемник лучше.

— А я сяду за штурвал, — предложил Марлен.

Я уступил ему место и подошел к доктору и Хольсту. Рация работала исправно, но на экране были сплошные полосы помех. Сквозь шум и треск с трудом пробивался какой-то сигнал, по-видимому, позывные нашей базы, но такой слабый, что у нас не было в этом никакой уверенности.

— Нет, дело не в расстоянии. Похоже, кто-то умышленно глушит связь...

И мы снова склонились над приемником. Неожиданно дископлан резко качнуло и мы повалились друг на друга.

— Марлен, ты что, с ума сошел?!

— Извините, — сказал Марлен, — меня испугала эта вспышка.

Мы устремились к нему. Дископлан снова спокойно парил над местностью, внизу сновали группы тристанцев.

— Какая вспышка? О чем ты говоришь?

— Это были шары... — сказал Марлен, круто набирая высоту. — Те самые, которые у входа... Я загляделся на них, и вдруг они вспыхнули и снова погасли.

— Немедленно смените его! — неожиданно крикнул доктор и стащил Марлена с кресла пилота.

Я занял его место.

— Выше! — скомандовал доктор.
Я стал набирать высоту.

— Еще выше!

— Все равно уже поздно, — скучным голосом произнес Марлен.

— Что за чушь! О чём ты?

Марлен махнул рукой.

— Спускайтесь и сдайтесь на милость победителя, — без всякого выражения сказал он. — Не все ли равно? Рано или поздно...

Доктор снова стал самим собой. Живой, энергичный, он не выпускал Марлена из своих рук, быстро и деловито измеряя его давление, щупая пульс, проверяя нервные реакции. Марлен покорно подчинялся всем его требованиям.

Я почувствовал волнение. Что-то глухо гудело... это работали двигатели... Ах, да, ведь мы набираем высоту! Движимый смутным беспокойством, я поглядел вниз. Строения под нами становились все меньше, канал тянулся блестящей лентой, облачная завеса ширилась, контуры расплывались...

Хольст присел рядом, взглянул на альтиметр, затем на меня.

— Правильно, — строго сказал он. — Так держать!

Мы вышли из облачной завесы; стало светлее, материк внизу скрылся в облаках, куда ни глянь — только серое небо.

Хольст пристально смотрел вниз.

— Ты думаешь, это было нападение? — спросил я.

— Не сомневаюсь!

Я оглянулся. Марлен сидел в глубине кабины, вид у него был вполне нормальный, только взгляд, устремлённый в пространство, выражал полное безразличие.

— Марлен!

Он не отозвался.

— Эй, Марлен, начальник над роботами! Ну-ка, при-

знавайся, кого ты собираешься в первую очередь заменить своими знаменитыми машинами?

Он искоса взглянул на меня, попытался улыбнуться, но ничего не ответил и отвернулся к окну, глаза его снова угасли.

— Интересно, почему они начали атаку только сегодня? — спросил Хольст.

— Доктор, как по-твоему, что с ним? — спросил я.

Доктор пожал плечами.

— Случай не смертельный. Та же внезапная апатия, что и у наших монтажников. И у тех, кто работает там, внизу.

Картина прояснялась.

— Не могу понять, почему же они не трогали нас целих три дня? — твердил Хольст.

— Возможно, опасались, не знали, как подступиться.

— Вернее, не знали, что мы тут, — сказал доктор. — Ведь и мы сами только догадываемся об их существовании.

— Так ты думаешь, те, кто работает...

— Вспомни наш разговор о рабах. Рабовладельцы — это не те, кого мы видели за работой. Именно рабовладельцы пустили в ход против нас те шары у входов. Но поставлены эти шары не для нас.

— А для рабочих?

— Несомненно.

— А как объяснить случай с монтажниками на базе?

— Это был первый сигнал. Кто знает, как долго они готовили это нападение. Ясно одно: это был какой-то неизвестный нам снаряд, а излучение у него такое же, как у шаров. Но что это такое, я не представляю. Потом появились мы. У них в тылу. Возможно, они обнаружили это только вчера вечером. А возможно, просто ждали удобного случая.

— Трудно сказать, может, это вообще случайность: шар предназначался не для нас. Но, разумеется, падение

снаряда на континенте А не случайно. Интересно, как они сумели туда попасть?

— По воде, — ответил доктор и с отсутствующим видом повторил: — По океану.

Днем мы легли на обратный курс. Хольст сменил меня у штурвала и вел дископлан на большой высоте. Под нами мелькала унылая серая равнина, мы молчали, словно зловещая вспышка подействовала и на нас. В глубине кабины сидел безразличный ко всему Марлен, доктор поминутно справлялся, как он себя чувствует. С виду все было по-прежнему, но в нашем товарище словно угасла искра жизни.

Уже показалось побережье океана, когда доктор вдруг стал уговаривать Хольста опуститься еще разок. Надо во что бы то ни стало увидеть их!

— Должны же мы знать, с кем имеем дело. Вот увидишь, в воде... Вода — в ней вся разгадка. Как по-твоему, почему здесь всюду соленая вода?

— Ты считаешь, что это дело рук разумных существ?

— Безусловно! На мой взгляд, единственная серьезная опасность для нас — это шары-облучатели. А они имеются далеко не везде. Поэтому надо найти место, где нет этих... порабощенных тристанцев.

— А если их хозяева располагают другими средствами нападения?

— Ну, что ж! Разве ты впервые смотришь опасности в лицо?

Этот аргумент сразил Хольста. А если говорить начистоту, то и ему не хотелось возвращаться на базу, не выполнив задания.

Мы опустились в неглубокой ложбине, вблизи берега. Хольст продемонстрировал один из своих виртуозных приемов — он почти спикировал, чтобы спуск прошел как можно внезапнее для возможных наблюдателей. Мы увиде-

ли невысокую гряду, дальше берег полого спускался к океану.

Хольст встал.

— Идти всем троим нельзя! Ответственность за группу лежит на мне, поэтому я остаюсь. Если они появятся здесь... — он слегка усмехнулся. — Если это случится, я закрою глаза, сlyшишь, доктор?

Я почувствовал, как трудно Хольсту отказаться от активных действий, и представил себе, что произойдет, если невидимые враги отважатся напасть на дископлан, который он охраняет.

— Да, да, прежде всего закрой глаза, — кивнул доктор. — По-моему, именно действуя на зрение, таинственное излучение поражает организм.

— Ладно. А вы должны во что бы то ни стало вернуться. Непременно должны вернуться, понятно? Внушите это себе раз и навсегда. Во что бы то ни стало! Даже если вас... все равно вы должны вернуться!

Он посмотрел мне в глаза.

— Есть! — сказал я. — Есть вернуться во что бы то ни стало!

В эту минуту Хольст прежде всего был командиром.

— И запомните, нас еще в школе учили, внушали на каждом шагу, что мы летаем на другие планеты не затем, чтобы воевать. Мы не завоеватели, не колонизаторы. Но сейчас мы подверглись нападению, и это меняет дело. Поэтому возьми с собой оружие и обещай, что без колебаний пустишь его в ход, если в этом будет хоть малейшая необходимость.

— Обещаю! — сказал я и заметил, что стою навытяжку.

— Вспомни Марлена, и тебе будет нетрудно. Через три часа совсем стемнеет. Стало быть, в вашем распоряжении два с половиной часа. Если к этому времени вы не вернетесь, я полечу искать вас. Но ты, доктор, все-таки по-

глядывай на часы. Уж если я вынужден буду вылететь на поиски, то не пощажу никого. Не забудьте захватить фонарики. Все.

— Спасибо, Хольст, — как заправский штатский ответил доктор. — Я готов взять с собой даже газовый пистолет.

Хольст усмехнулся.

— Ну, твое дело — исследования.

Он знал, что в руках доктора оружие — бесполезный предмет, за исключением тех случаев, когда он на Земле охотится на уток.

— Я буду пай-мальчиком, — покорно обещал доктор.

Мы пожали друг другу руки, почему, сам не знаю — прежде мы этого не делали. Я и доктор вышли из диско-плана. Стоя в открытой двери кабины, Хольст смотрел нам вслед, пока мы не исчезли за холмом.

Мы приближались к гребню возвышенности. Я оглянулся: Хольст все еще смотрел нам вслед. Это придало мне уверенности. Хорошо, что в тылу у нас надежный товарищ. Ползком мы с доктором добрались до самого гребня.

Перед нами простиралась полоса побережья метров двести шириной. У самой воды виднелось невысокое строение полуцилиндрической формы, перерезанное полосой темных окон. Кое-где в берег вдавались прямоугольные каменные резервуары, напоминающие лодочные причалы; но лодок не было видно.

— Если обойти кругом, вон с той стороны, можно пробраться туда почти незаметно.

Я посмотрел в направлении, которое указал доктор.

— Не слишком ли большой крюк?

Я взглянул на часы: времени еще достаточно.

— Ладно, будь по-твоему, пожалуй, так действительно безопаснее.

Мы пробирались под прикрытием кустов. Приходилось пригибаться, а кое-где даже переползать на открытой местности. Доктор только сопел, но молчал и вел себя действительно молодцом. Минут через двадцать мы достигли цели.

От диковинного сооружения тянулась гигантская труба, наполовину врытая в песок и уходящая в океан. На одной стороне трубы под навесом был установлен огромный полый вал, внутри которого находились несколько тристанцев,— трудно было определить, сколько их: они стояли один за другим. Неустанно переступая на месте, они медленно вращали вал.

Лежа на песке, мы с изумлением глядели на это удивительное занятие, как бы символизирующее сизифов труд.

Не скоро отважились мы двинуться дальше. Начало смеркаться. Нигде не было ни души, только эти несчастные с тупой покорностью топтались в медленно вращавшемся валу. По мере приближения мы все отчетливее слышали равномерное постукивание и топот. У этой «галеры» был привод, а ее назначение мы поняли, только приблизившись почти вплотную,— это была турбина! Самая примитивная турбина, вращаемая живыми существами,— вещь непостижимая для нашей цивилизации! — и эта турбина нагнетала воду из океана в здание. Значит, там...

Здание, опоясанное лентой окон, стояло на самом берегу. С той стороны, что выходила к турбине, окна были расположены довольно высоко, а на другой стороне — значительно ниже. Там же к стене лепилась невысокая пристройка, взобравшись на которую наверняка можно было заглянуть внутрь.

— Минутку!

Я обо что-то споткнулся. Быстро темнело, но нам не хотелось включать карманные фонари, и, чтобы разгля-

деть валявшиеся на земле предметы, пришлось низко наклониться. Это оказались осколки каких-то огромных прозрачных сосудов (литров на пятьдесят), к которым был прикреплен треугольный мешок с двумя большими накладными карманами. Ткань пересохла и ломалась под руками...

У меня мелькнула неясная мысль, но я не решился высказать ее вслух и только выжидательно посмотрел на доктора. Доктор молчал; потом он вдруг выпрямился и быстро зашагал к зданию. Я последовал за ним.

Пригибаясь под окнами, мы добрались до пристройки. Это был тамбур, достаточно высокий, чтобы с его крыши заглянуть в окно.

То, что нам удалось увидеть, по крайней мере в первый момент, не прояснило картины. Просторное помещение было абсолютно пусто, и только напротив мы рассмотрели огромное окно, занимавшее всю стену. Контуры его были расплывчаты, словно перед ним что-то переливалось.

— Вода, — сказал доктор.

Я тоже увидел, что это вода, и удивился, хотя, если вспомнить турбину, этого следовало ожидать. Итак, здание было наполнено водой. Неожиданно перед нами возникла круглая голова с большими рыбьими глазами — некое подобие лица, но мы не успели толком рассмотреть его. Секунду существование в упор глядело на нас, потом быстро повернулось, плеснулось — точь-в-точь как рыба, — мелькнуло круглое, как у ската, тело, и видение исчезло. Через мгновение на фоне противоположного окна появилась тень — уж не знаю, того ли страшилища или другого, — большая тень, медленно шевелившая плавниками. Она поднялась вверх, словно отвратительный нетопырь, потом опустилась и исчезла.

Я схватил фонарь и посветил в окно. Но луч тускнел и рассеивался в воде, ничего не удалось рассмотреть, ничего... Доктор потянул меня за рукав.

— Пойдем, все ясно, скорее!
Он торопился и был прав: нас заметили. Мы соскочили с пристройки.

— А эти вещи там, это ведь скафандрсы, верно, доктор?

— Видимо, так.

— Но только не для погружения в воду...

— ...а наоборот! Пошли! Знаешь, где мы уже видели это страшилище? На стене древнего храма, там в горах. Помнишь его изображение?

Мы еще раз взглянули на здание. Мне показалось, будто я заметил в окне еще несколько пар неподвижных рыбьих глаз, но я не был в этом уверен... Кругом по-прежнему было пусто и уныло, только тихо шумела турбина и пять несчастных, поработленных существ топтались на своей бесконечной дороге внутри вала.

— Вернуться можно и напрямик, — сказал я.

— Да, верно, — рассеянно согласился доктор.

Неподалеку на отмели мы заметили какой-то темный предмет. Вдруг он взметнулся, что-то слабо блеснуло... это существо исчезло в воде.

— Ты видел? Это был их сторожевой. В скафандре. Пойдем отсюда, здесь опасно.

Как могли быстро, мы поднимались по косогору, стараясь не разговаривать, чтобы сберечь дыхание, и поминутно оглядываясь. Но позади ничего не было видно. Никто не преследовал нас, никакие полчища водяных чудовищ в скафандрах не появились на берегу; мы, однако, не убавляли шага, пока не достигли дископлана. До назначенного Хольстом срока оставалось десять минут.

— Летим, быстро, — скомандовал доктор.

— Что случилось?

— Я видел их. Глядел одному из них прямо в глаза. С меня хватит!

Напоследок я еще раз посмотрел вниз. Побережье ос-

талось позади, но огненные отблески вдалеке наглядно свидетельствовали о том, что все это не сон.

— Приготовь-ка ужин, Марлен, — сказал доктор.

А, это он испытывает Марлена! Тот вяло встал и машинально взялся за дело. Мне бросилось в глаза явное сходство его движений с движениями тристанцев там, внизу: тот же автоматизм, та же покорность.

— Мы летим на базу, слышишь, Марлен!

— Это вам только кажется.

Больше он не проронил ни слова. Мы поели и уселись возле Хольста. За окном была темная ночь, внизу под нами — невидимый и опасный океан. Время едва тянулось.

— О чём ты думаешь, доктор?

— О тех, кто поражен излучением.

— О наших монтажниках... или об этих?..

— О тех и о других. Всех их, видимо, можно излечить одним способом, но каким?

Мы рассказали Хольсту обо всем, что видели. По-моему, доктор говорил излишне уверенно.

— Существа, живущие в воде и достигшие высшей ступени развития, полностью подчинили себе живущих на суше, превратили их в своих рабов... Это, видимо, давняя история: вспомните храм в горах. Я представляю себе их историю так. Эти живущие на суше тристанцы, тогда еще первобытные, знали о существах, живущих в воде, и видели в них божество. Почему? Да потому, что, очевидно, чувствовали их превосходство. Ну-с, потом жители суши развивались, возникали культуры, приходили в упадок. Трудно сказать, какого уровня достигли эти культуры, но подводные жители, видимо, превзошли их в своем развитии. Кто знает, чего только не умеют эти существа! Им понадобилась суши, они, очевидно, поняли, какие возможности это сулит их цивилизации, и, хотя сами они не могли жить на суше, потребность в жизненном пространстве неумолимо толкала их туда. То же было и на

Земле, но там люди воевали между собой. А эти... Возможно, жители суши и обитатели морей на Тристане прежде общались... сотрудничали, даже вели торговлю. Все это, разумеется, лишь мои догадки. Потом существа, живущие в воде, изобрели средство для притупления воли, с его помощью не представляло труда превратить коренных жителей в рабов. Это страшное изобретение, пострашнее нашего пороха... Ну, и тогда началась их экспансия. Они покорили жителей суши... это было хуже физического истребления... заставили их построить особые здания, наполненные водой, а может, только перестроить имевшиеся. Обитатели планеты лишились своих жилищ, были порабощены, превращены в рабочий скот. Чудовищная победа!

— Почему же подводные жители не приспособились к жизни на суше? На Земле ведь жизнь тоже зародилась в воде.

— Да, но на гораздо более ранней стадии. У обитателей наших морей не было скафандров, вот в чем дело. А у этих существ скафандры были, и поэтому ничто не вынуждало их организмы приспособливаться к условиям суши. Понятно?

— Возможно, ты прав, — помолчав, сказал Хольст. — Разумеется, ты целиком исходишь из аналогии с земными условиями. А ведь здесь все могло быть иначе.

— Вспомни эволюцию обезьян, — вставил я. — Часть обезьян осталась в лесах, в привычной среде. Остальным же пришлось приспособливаться к новым, более трудным условиям. Потому-то они стали развиваться быстрее. Что, если здесь наблюдалась обратная картина: наиболее жизнеспособные особи переселились под воду, акклиматизировались там, а те, что остались на суше, регрессировали, отстали...

— Возможно, — согласился доктор. — Но посмотрите на Марлена: облучение, притупляющее волю, — разве это не неоспоримый признак насилия?

Да, объяснение доктора, пожалуй, весьма правдоподобно. Я взглянул на Марлена. Казалось, он спит, только внимательно присмотревшись, можно было увидеть, что глаза его открыты; весь он был олицетворением подавленности и безразличия. Я не выдержал:

— Его можно спасти, доктор?

Доктор словно и не слышал моего вопроса, но вот он вскочил, с досадой стукнул кулаком по спинке кресла и выругался с такой злостью, какой от него никто не мог ожидал.

Прилетев на базу, мы не спали всю ночь — там все было вверх ногами. За время нашего отсутствия произошли еще два нападения, прибавились новые жертвы — химик и профессор Дефостé. Около домика профессора заметили взрыв, но никто не рискнул разузнать подробно, что там произошло, а сам хозяин, разумеется, не появлялся на базе.

Доктор сгоряча напустился было на молодую женщины — врача, но, поостыв, попытался рассуждать здраво.

— Смертельного исхода можно не опасаться: их цель не истребить, а поработить обитателей суши. Вспомним шары-облучатели, размещенные у входа в заводские помещения. Несомненно, морским жителям приходится время от времени, возможно даже ежедневно, облучать своих рабочих. Не берусь утверждать, но, по-моему, это делается периодически. Значит, действие облучения кратковременное, его нужно возобновлять. Следовательно...

Он пожал плечами, еще взбудораженный всем происшедшем, но уже захваченный новой мыслью — взять вертолет и отправиться к профессору Дефостé. Надо непременно вытащить старика сюда, под врачебный надзор.

Дефостé приходил на базу только в случае крайней необходимости. Продукты и все нужное ему обычно достав-

ляли прямо в домик. Профессор был нелюдим, им владела навязчивая идея, что на Земле его жестоко обидели, и поэтому он отправился на Тристан, где в одиночестве продолжал свои изыскания. Он знал: здесь никто не станет им интересоваться и он избавится от вечного страха, что кто-нибудь присвоит его открытия. Он возненавидел людей, и, видимо, лишь потребность слышать иногда человеческий голос побудила его однажды принять меня и Хольста. Если он действительно подвергся нападению, ясно, что он предпочтет остаться в одиночестве и умереть, чем вернуться к людям.

Мы поднялись в воздух. Признаюсь, меня не очень привлекала перспектива встречи со стариком, который, очевидно, утратил всякий интерес к жизни.

Вертолет опустился возле самого домика. Из-за полуоткрытой двери вновь, как и в первое наше посещение, доносились приглушенные звуки музыки. Доктор выразительно поглядел на меня, а я подумал: мог ли когда-нибудь творец этой старинной симфонии предполагать, что она будет звучать на пустынных просторах Тристана?

Доктор окликнул профессора. Послышались тяжелые шаги, и в дверях появился старик, полный, обрюзгший, с красным, обветренным лицом.

— А-а, гости, — буркнул он, не здороваясь. — Я занят, приходите в другой раз.

— Но, профессор!.. — воскликнул я.

Он повернулся на ходу.

— Еще не готово! — крикнул он. — Не готово. Но будет! Будет назло всем, кто и здесь не дает мне покоя. Что это за дурацкие хлопушки вы выдумали?

Мы в один голос принялись успокаивать его. Доктор клялся, что к «хлопушкам» мы не имеем ровно никакого отношения. Он усиленно разглагольствовал, ловко вставляя наводящие вопросы в поток своего красноречия. Ему удалось урезонить старика, и тот показал нам место, где

произошел взрыв. По его словам, он стоял шагах в трех оттуда.

— Что это такое? На меня пахнуло какой-то вонью и совсем ослепило. Кто бы это ни сделал, передайте ему, что я не терплю подобных шуток.

Старик явно подобрел и уже не относился к нам с прежней настороженностью. Доктор, несомненно, искренне сочувствовал ему, интуитивно чувствуя, что именно здесь кроется важная для нас нить к разгадке.

— Вы спрашиваете, что было потом? — недовольно проворчал старый чудак. — Ну, конечно, я испугался. Я ведь уже не юноша. Этому идпоту удалась его выходка. Я испугался, мне даже сделалось дурно, несколько минут я был в какой-то прострации... Знаете, мне, старому ослу, вдруг стало ужасно обидно, что ко мне так несправедливо относятся... К чему все эти выпады, ведь я тут никому не мешаю, жить мне уже недолго... А они все-таки... Мне даже работа вдруг опостылела, я уже было на все рукой махнул, но потом сказал себе: столько лет жизни ты этому отдал, дуралей, а под конец позволишь обезоружить себя какой-то подлой выходкой?! Так нет же, не сдамся, люди злы, они всегда этим отличались, потому-то я и не уступлю! И я заставил себя пересилить неохоту и снова взялся за дело. В общем, что ни говорите, но если это была очередная шутка над стариком, то самая хулиганская!

Доктор пришел в восторг, он готов был расцеловать старика. Я уже понял, в чем дело: старый профессор был так маниакально честолюбив, что его напряженная воля преодолела эффект облучения. Он-то воображал, будто ему просто сделалось дурно с перепугу, будто он поддался приступу малодушия, а нам было ясно, что речь идет о загадочном облучении и той борьбе, в которую вступила с ним целеустремленная личность, борьбе, о которой сам Дефостэ и представления не имел. Для доктора его рассказ был крайне важен.

После этого нам, разумеется, ничего не оставалось, как зайти в лабораторию, взглянуть, как идут работы. Старик излагал нам фантасмагорические гипотезы о человечествах и культурах в безмерных глубинах Вселенной. Он даже заговорил (и это меня чрезвычайно удивило) о высокоразвитых обитателях подводного мира.

Когда он наконец кончил, уже смеркалось. Профессор вдруг заторопился: ему, мол, нужно проследить за процессом, который вот-вот завершится. Надо вовремя вмешаться, чтобы чудовищная энергия не вышла из повиновения.

Мне стало немного не по себе, сам не знаю почему, я никак не мог выкинуть из головы эти его нелепые гипотезы и все пытался осмыслить их. С чего это он выдумал подводную культуру, ведь о существовании ее на Тристане он и не подозревает. В самом деле не подозревает?

От доктора помощи ждать не приходилось, он не запомнил из высказываний старика ни слова.

— Какое это имеет значение, дружище, — сказал он, — когда теперь я понял, как нужно бороться с этой проклятой апатией. Теперь мне ясно, что она бессильна против нас, мы сумеем ее преодолеть! Просто петь хочется!

— Ну и пой себе на здоровье.

— А ты еще никогда не слышал, как я пою? — осторожно спросил доктор.

— Нет.

— Вот то-то и оно. Иначе ты так легкомысленно не предложил бы мне петь.

Когда наш вертолет поднялся, я еще раз поглядел вниз. Дефостé стоял на пороге и даже махал нам. Темнело, облака низко нависли, вечер был хмурый, унылый, и мне врезалась в память одинокая, почти трагическая фигура в темном проеме двери, хотя я и не подозревал, что вижу старика в последний раз...

Нападение произошло, когда мы меньше всего его ожидали, в два часа ночи, после нашего визита к профессору.

От страшного сотрясения я едва не свалился с постели. Послышалось металлическое дребезжание и пронзительный свист ветра, какого я здесь еще не слыхивал. Гулкий шум и грохот разнесся в ночи, но взрыва не было.

Я выбежал в коридор. Было темно — освещение вышло из строя, — слышались взволнованные голоса, всюду полно людей, мы беспомощно метались в темноте, и от этого казалось, что нас еще больше... Кто-то с криком повалился на меня, я едва успел подхватить падающего — это была Елена.

Наконец включили аварийное освещение. В слабом свете простирали очертания коридора, полного сонных, встревоженных людей.

— Это они! — крикнул мне Хольст. — Слышишь?

Через сорванную с петель дверь доносился рев океана, словно его громада устремилась на нас. Было жутко, мы не знали, в чем дело, и думали, что ливийский океан вышел из берегов и надвигается на нас вместе со своими страшными обитателями.

Понемногу, однако, люди стали успокаиваться, глаза привыкли к слабому освещению. Как только появится розовая вспышка, думал я, надо тотчас же кинуться на пол и закрыть глаза руками. Но вспышки не было. Послышался голос начальника экспедиции, он озабоченно спросил, кто в последние дни открывал склад с оружием: исчезло несколько излучателей.

Наконец мы отважились выйти из здания и огляделись. От окон и дверей не осталось и следа. Начальник снова спросил, кто брал оружие, но никто не отозвался.

Если это взрыв, думал я, он, видимо, был направлен вверх, иначе столь мощная воздушная волна не оставила бы и следа от базы. Но, очевидно, произошло иное: вокруг нас образовалась область резко пониженного давления, поэтому даже та скромная одна атмосфера, что была в домике, вырвала окна и двери и отбросила их неведомо

куда. Кроме выбитых окон и дверей, других повреждений не заметно. Неудачное нападение? Да и нападение ли это? Снова все стихло, быть может, ночь готовила нам новый сюрприз, о котором мы пока не подозревали...

Кое-как одевшись, мы собирались в клубе. Начальник роздал оставшееся оружие, и мы несколько часов в молчании ждали рассвета...

Холод ночи все больше охватывал нас, согреться ходьбой нельзя — надо соблюдать полную тишину, на случай если послышится какой-либо подозрительный шорох снаружи. Время тянулось убийственно медленно. Даже там, на континенте Б, не переживал я таких гнетущих минут — сейчас нашим главным врагом была непроглядная тьма.

Я слышал, как Хольст признался начальнику, что про павшие излучатели — на его совести: он потихоньку перенес их на дископлан, рассчитывая, что нападение произойдет днем. Он решил, не вступая ни в какие переговоры с морскими чудовищами, применить против них оружие. Но сейчас, ночью, дископлан был бесполезен, а кроме того, не известно, уцелел ли он после взрыва.

Наконец забрезжил бледный рассвет. Мы выключили аварийное освещение. Мрак постепенно редел, наступало пасмурное ветреное утро, но еще не скоро удалось разглядеть, что ничего подозрительного поблизости нет. Только после этого мы вышли из домика.

Ангар с вертолетами был поврежден, но незначительно, и оба аппарата годны к полету. Дископлан оказался в худшем положении: воздушная волна перевернула его. Как велики повреждения, с первого взгляда было невозможно установить.

Доктор, двое наших товарищей и я сели в один вертолет, начальник экспедиции, Хольст и еще двое — в другой, и поднялись в воздух, чтобы осмотреть окрестности.

Разумеется, прежде всего я направил вертолет к стартовой площадке, где стояла моя «Андромеда», и страшно

обрадовался, увидев ее невредимой на эстакаде. Воздушная волна, скользнув вдоль ее блестящего обтекаемого корпуса, не повредила его.

Сразу повеселев, я повернул аппарат к океану и увидел, что Хольст кружит над берегом и красивой спиралью спускается вниз. Издалека было видно, что местность в этом районе заметно изменилась: метров на пятьсот в сущу вдавался новый, узкий залив.

Мне стало не по себе.

— Вот видишь, доктор, — сказал я с укоризной. — Они пытались обрушить часть суши в этот свой проклятый океан! И нас вместе с ней!

Но доктор только улыбнулся легкой, чуть рассеянной улыбкой.

— Боюсь, что на сей раз все это не имеет к ним ровно никакого отношения.

Очень на него похоже: избегает всяких разговоров о вражде, недооценивает серьезности положения. Я промолчал.

Хольст кружил неподалеку от нас, прямо над устьем нового залива. Он летел так низко, что вертолет почти касался воды. Я приблизился к нему.

— Так сказать тебе, что здесь произошло? — послышался вдруг голос доктора.

— Что?

Внезапно я все понял. Новый залив образовался на том самом месте, где еще вчера находилась лаборатория профессора Дефостé. Вода прорвала перемычку между ложбинкой и побережьем и затопила ее.

— Бедняга, — сказал я. — Они его утопили.

— Не думаю, — загадочно произнес доктор. — Вряд ли он сейчас под водой.

Из вертолета Хольста кто-то махал нам. Они опустились на берег, и через несколько минут я посадил свой вертолет рядом с ними. Мы вылезли из кабины и подошли

к начальнику экспедиции и его спутникам, которые стояли на берегу нового залива, у самой воды, так что пена прибоя брызгала им на ноги. С океана дул холодный ветер, день выдался ненастный.

В устье залива виднелась небольшая отмель. Волны перекатывались через какие-то обломки, изогнутые, разорванные трубы, остатки аппаратуры; вода то заливалась, то открывала их.

Хольст кивнул мне.

— Можешь взглянуть на них поближе.

— И он показал на три темных продолговатых предмета, покачивавшихся на волнах.

Да, это были они, я узнал их: трое мертвых обитателей подводного мира лежали на отмели, метрах в двух от нас. Их большие рыбьи глаза померкли и остекленели, плавники мерно покачивались на воде.

— Готовили нам недурный сюрпризец, а? — усмехнулся Хольст и кивнул в ту сторону, где еще вчера стоял домик Дефостэ. — Ручаюсь, что это было просто неудачное нападение. С «хлопушками» у них ничего не вышло, вот они и попытались действовать иначе. Напрямик.

— Они ничего не взрывали, — прервал нас доктор. — А вот он, старик, нас спас.

Хольст вынужден был с ним согласиться. Повернувшись спиной к океану, мы смотрели на поверхность нового залива, подернутую мелкой зыбью.

— Если бы взрыв устроили они, — заговорил Хольст, — самая глубокая воронка была бы тут, у берега. А здесь, как видите, отмель. Зато там, подальше, — мы уже промежали — там порядочная глубина. Глубже всего около дома профессора.

— Этого я и боялся, — признался доктор. — Не скажу, конечно, что все, о чем он вчера разглагольствовал, истинная правда, но насчет антигравитатора... Этот человек посвятил ему полжизни, и никакой он не сумасшедший, нет,

нет! Подстегиваемый непомерным честолюбием, озлобленный на всех и вся, он второпях совершил в своей работе какую-то ошибку... роковую ошибку! Помнишь, он вчера говорил, что процесс надо вовремя прервать, чтобы энергия не вышла из повиновения? Он, видимо, считался с такой возможностью. Это ему не помогло. Опыт-то удался. но... — доктор горько усмехнулся. — Представляешь, какая чудовищная энергия вырвалась наружу?

— А эти монстры втихомолку что-то готовили под водой, вероятно, хотели сегодня же начать атаку на нас, — злорадно сказал Хольст. — И вдруг землетрясение, вода вышла из берегов, сорвались все их планы. Поделом!

— А профессор вместе со своей берлогой улетел неведомо куда... — Доктор почти благоговейно поглядел на небо.

— Верно, провалился в преисподнюю, — добавил бессердечный Хольст. — Еще бы, доктор Фауст! Видимо, кончился срок его уговора с чертом.

Я промолчал. Мне вдруг стало жаль старого отшельника, обуреваемого чувством обиды, человека, чья главная ошибка заключалась в том, что он отмежевался от людей. Жаль всех его несбыившихся замыслов, направленных на благо человечества, его стремлений и напряженного труда... и даже этой берлоги со старомодным проигрывателем и пластинкой Бетховена.

До моего отлета оставалось всего два дня. Мы провели их в напряженной работе, стремясь как можно скорее привести базу в порядок. При этом мы не забывали бдительно следить за океаном, который теперь заметно приблизился к нашим постройкам. Но ничто не указывало на готовящуюся агрессию. Видимо, подводные обитатели были напуганы, считая произошедшее нашей грозной контратакой, и поэтому отступили.

В конце второго дня я встретил Хольста, чумазого, но сияющего от радости: ему удалось наконец отремонтировать дископлан.

— Итак, завтра мы расстаемся, дружище, — сказал я.

— Надолго ли?

Я был озадачен.

— То есть как — надолго ли? До тех пор пока ты не приедешь повидаться со мной на Землю.

Мы взглянули друг другу в глаза, и Хольст усмехнулся.

— Конечно, конечно, тебя ждет семейная идиллия в Индии. Но я, приятель, слишком хорошо знаю космонавтов.

— Еще бы, ведь ты принадлежишь к их числу.

— Ты тоже, — с непоколебимой уверенностью заявил Хольст. — И ты отлично понимаешь, что нам придется на прячь все силы в борьбе, которая разгорится здесь.

— В борьбе? Что ты имеешь в виду? Морские обитатели нас больше не беспокоят.

— Ну, а те, порабощенные? — возмутился Хольст, словно уязвленный в своих лучших чувствах. — Уж не собираешься ли ты бросить их на произвол судьбы?

— Ага, восстановление справедливости, согласно земным представлениям и понятиям?

— Нет, нет. В этом я согласен с доктором. Мы покончили с колониализмом на Земле, покончим с ним и здесь. Наша миссия на этой планете мирная и дружественная, это факт. Но мир означает и защиту угнетенных. Защиту того, кто еще лишен благ мира. Отступление от этих принципов — не мир, а поражение.

— Да, Хольст, в этом я с тобой согласен, но, думается, лично я уже заслужил...

— Заслужил, заслужил, ты, старый космический бродяга! Но только ты ведь сам не дашь себе покоя, ясно? Хочешь пари?

— Не хочу.

— Не хочешь? Ну, значит, я выиграл!

Вечером мы собирались на прощальный ужин. Это было веселое расставание, не хотелось ни о чем размышлять и решать серьезные проблемы, мы просто предавались воспоминаниям о давних годах, о первых межпланетных полетах, о том, что мы вытворяли, будучи курсантами. На время мы стали прежними озорными парнями, которые тогда еще не знали, как много потребует от них жизнь. Даже начальник словно помолодел, и доктор тоже... Кому же не по душе снова почувствовать себя юным?

— Вот видите, друзья, — философски заметил Хольст. — Так можно обогнать время и вернуться назад. Только так, в кругу старых друзей. А старик Дефостэ этого не понимал.

— Вернусь на Землю — сразу присмотрю тебе невесту, — пообещал я. — Чтобы и ты наконец перешел к оседлому образу жизни.

— Не беспокойся, дружище. А впрочем... впрочем, ты прав, найди-ка мне невесту, тогда у твоей жены будет с кем поболтать, когда вы прилетите сюда.

— Ах, ты, старый негодник!

— Пари? Не хочешь? Считай, что ты проиграл.

Мы выпили вина, выкурили несколько сигарет и выслушали философские наставления доктора.

Однако вскоре начальник экспедиции разогнал нас.

— От сонного экипажа проку ни на грош!

Наутро я отправил свой багаж на «Андромеду», позавтракал и не спеша зашагал к стартовой площадке. Все уже собирались там — начальник экспедиции, Хольст, доктор и... Марлен. Я изумился.

— Марлен, вот молодец! Доктор тебя все-таки вылечил?

— Пришлось принять срочные меры, — сказал доктор. — Иначе он не выдержал бы перелета.

— Какого перелета?

— На Землю. Он летит с тобой. Все заболевшие летят. Им нужна перемена обстановки, понял?

— Вот здорово, — обрадовался я. — Ах ты, чертяка эта-
кий, самый главный сверхробот!

Марлен слабо усмехнулся, в глазах его мелькнула чуть
заметная искорка.

— Первыми, кого заменят мои роботы, будут межпла-
нетные пилоты, слышишь, ты, космический бродяга!

Он сказал это вяло, без всякого выражения, ему было
далеко до прежнего Марлена, но этот прежний Марлен
уже проглядывал в нем.

Мы с Хольстом обменялись рукопожатием.

— Итак, когда увидимся?

— На Земле, Хольст, — твердо сказал я.

— Ладно, идет! Но мне уже осточертело самому во-
дить космолеты, придется тебе отвезти меня домой. Ты
прилетишь сюда за мной, и я буду твоим пассажиром.

— Ну, — сказал я, — уж так и быть, прилечу.

Мгновение «Андромеда» стояла на эстакаде, я посте-
пенно включал двигатель. Легкое давление, блестящий
корпус ракеты дрогнул, приподнялся, скорость увеличи-
лась, на экране передо мной в последний раз мелькнула
база. Потом континент А провалился вниз, я увидел лило-
вый океан, который с высоты казался блекло-серым... Вско-
ре простутили контуры континента Б, этой роковой части
Тристана, где все еще царит жестокое рабство. «Ужасное
оружие, — вспомнились мне слова доктора. — Хуже, чем
смерть. Оно лишает воли, а без воли человек никогда не
стал бы человеком».

Я снова взглянул на экран. Очертания континента Б
бледнели и расплывались. Но я уже не прощался мыслен-
но с Тристаном, я твердо знал, что вернусь сюда.

Йозеф Талло

В МИНУТУ СЛАБОСТИ

И надо же было такому случиться! Ведь человечество с таким нетерпением ожидало этого полета, он уже готовился передать на Землю ликующее сообщение — триумф, победа, слава! — и вот из-за какой-то ерунды все попло наスマрку. Уму непостижимо!

Правда, в полете не обошлось без происшествий: неполадки с двигателями, утечка кислорода, отказал реактор... А однажды, когда экипаж совсем выбился из сил, кто-то нечаянно рассыпал едкий порошок. Глаза, рот, легкие — все наполнилось чудовищной болью. Отсасывающее

устройство, как на грех, не работало. Но и из этого отчаянного положения все-таки нашли выход.

А теперь... подумать только! Такого еще не бывало. Выйдя из кабины, он захлопнул за собой дверцу и сейчас не может ее открыть, не может вернуться в ракету.

Посадка прошла на редкость удачно, все было в полном порядке, казалось, победа в руках — и вдруг такое...

В космосе любая мелочь может иметь самые непредвиденные последствия. Малейшая неосторожность.

В первый момент он проклинал конструктора, придумавшего такую нелепую дверцу, — ракета явно была сделана наспех, — но потом вынужден был признать, что это несправедливо, виной всему была его собственная оплошность.

Он поднялся на холм и огляделся: пустынная местность, кое-где покрытая мхом, небольшие холмы, редкие деревья, почти лишенные растительности, — точно серые пальцы, устремленные в желтоватое небо.

А там, вдалеке, торчит какой-то темный язык — по всей вероятности, лес. Высохший невысокий лес, — но если на этой планете и есть что-нибудь живое, то, очевидно, лишь в этом лесу, и нигде больше.

И он направился к лесу.

По дороге он обнаружил, что холмы только издали кажутся небольшими арками, с боков они тонкие, будто вырезаны из бумаги, а за ними возвышаются острые зубчатые скалы, разделенные черным рвами, глубокими колодцами и ямами. Что же это — в одной местности сразу две, совершенно различные, и эта, чуть холмистая, почти ровная — только маскировка?

Атмосфера чужой планеты по своему составу напоминала атмосферу Земли. Идти было легко, но голод давал себя знать. Потом наступила усталость; хотелось отдохнуть, прилечь. Глаза слипались. К счастью, идти было недалеко.

Вблизи лес оказался гораздо темнее; он весь был наполнен какими-то странными звуками. Впереди обозначилась дорога, и космонавт увидел над собой солнце. Чужое солнце, вызывавшее в нем любопытство и страх. Деревья смыкались плотным кольцом, звуки становились все отчетливее. Округлый шлем скафандра, который он носил под мышкой, выглядел довольно внушительно, и это придавало ему уверенность. Следом за ним двигалась его большая тень. В чащце леса мелькали разноцветные огоньки, будто чьи-то глаза, — то появлялись, то исчезали.

За ним следили. Сомнений не было: здесь таится какая-то жизнь. С деревьев капала вода, дорога сужалась, лес становился все гуще, темнее, только сквозь ветви светился какой-то бледный диск. Дрожь пробежала по спине — это было не солнце. Скорее мертвое лицо, освещавшее планету. Дорога исчезла.

Внезапно он остановился как вкопанный. Перед ним открылась небольшая полянка, а между деревьями что-то темнело — какое-то зубчатое сооружение.

Нет, это не мираж. Там, за деревьями, высился... замок.

У ворот сидели два каких-то существа — и спали. Смотреть на них было жутко: косматая, как у медведя, шерсть, обезьяные головы и длинные диковинные хвосты.

Человек был безоружен; у него вообще ничего с собой не было, кроме губной гармоники. Но надо было на что-то решиться.

И он сделал несколько шагов вперед.

Но не прямо к главному входу, охраняемому двумя существами, а чуть в сторону. Кажется, они его не заметили. По крайней мере до этой минуты. Теперь он уже знал, что здание окружено невысокой стеной — через нее нетрудно перелезть, стоит только на что-нибудь встать. Он обогнул замок. Тут было пустынно, чернели круглые окна, стена заросла мхом.

Поблизости никого не было. Разбежавшись, он хотел прыгнуть, но споткнулся и упал возле самой стены. И тут же почувствовал резкий толчок. Стена была под напряжением.

Он потерял сознание.

Когда он очнулся, мертвенно-голубое светило уже скрылось за оранжевыми горами. Куда теперь идти? Скоро наступит ночь.

Повеяло холодом.

Отчаяние пробудило в нем решимость. Он снова обогнул стену и приблизился к входу. Чудовища сидели на прежних местах, только шерсть у них за это время стала как будто еще длиннее. Они сидели неподвижно, косматые и грозные.

Будь что будет. Космонавт вынул из кармана губную гармонику и заиграл в такт своим шагам.

Главное — ни о чем не думать.

Подойдя ближе, он увидел, что чудовища не спят, видимо, они проснулись уже тогда, когда он пытался обойти здание. Они проводили его глазами, даже слегка повернули головы, но с места не тронулись. Может, они прикованы? Или только выжидают удобной минуты, чтобы броситься на него? Почему они медлят?

Чудовища поворачивали свои бесформенные головы, при этом шеи у них скрипели, будто старые оконные рамы.

Теперь, вблизи, они казались ему огромными. Они сидели, выпрямившись, как древние статуи, передние лапы неподвижно лежали на коленях.

Они не шевельнулись и тогда, когда он вошел в ворота. Внезапный грохот заставил его вздрогнуть — это автоматически закрылись ворота. Он оказался пленником. Внизу, под ним, что-то громыхало — вероятно, механизм, опускающий ворота.

Здание было пусто — ничего, кроме тускло освещенных стен из матового стекла. Страшно было идти по бесконеч-

ным пустынным коридорам, которые становились все мрачнее, хотелось вернуться, но все пути были отрезаны. На миг ему показалось, что в том помещении, которое он уже прошел, было как будто уютнее, — там стояли какие-то вазы, лежали ковры из пахучей травы, — но и туда уже нельзя было вернуться. Его окружал холодный мрамор. Но все равно дальше он не пойдет.

Свет слабел; на расстоянии нескольких шагов ничего не было видно. Он с трудом различал на стенах какие-то неясные рисунки — изображения обезьяноподобных существ, похожих на тех, что он видел, но с более длинным туловищем. Что бы это могло значить? Угрозу? Предостережение? Его охватило отчаяние. Не помня себя он побежал, но поскользнулся на гладком полу и упал.

Силы покинули его. Он пытался преодолеть усталость, подняться — и внезапно уснул. К счастью, в помещении было тепло.

Его разбудил резкий свет. Он открыл глаза. На молочно-белой стене прыгали огненные буквы, из них складывались слова на его родном языке:

«Северо-запад... отверстие... спасение... в порядке...»
Обычный, крупный шрифт, будто в школьном букваре. Как дома, на Земле. Он не сразу сообразил, что ему нужно делать. Ага, он должен повернуть на северо-запад и там найти выход из замка.

Не так уж важно, кто посыпает ему это сообщение. Какое счастье, что есть компас! Какое счастье, что планета обладает магнитным полем! Он направился на северо-запад по бесконечному лабиринту коридоров. Должны же они когда-нибудь кончиться!

Но коридоры извивались и разветвлялись, коварно уводя его в сторону от нужного направления. Проплутав несколько часов, он очутился на том же месте, откуда начал свой путь.

Огненные буквы на стене исчезли. Все было как в сказ-

ке. Куда он попал? И все из-за какого-то одного неосторожного движения! Никогда ему не попасть в ракету, никогда не вернуться домой.

Им снова овладело отчаяние. Избавления ждать неоткуда. Лучше уж сразу с этим покончить... А те чудовища у ворот — возможно, они вообще неживые... Ему вспомнились надписи на стенах — ведь кто-то его предостерегал, но, видимо, это всего-навсего призрак, мираж.

Да, выход только один... Где-то невдалеке послышался неприятный хлюпающий звук... он опустил руку в карман. Ну, нет, живым они его не получат!

Он проглотил сразу несколько таблеток... Сознание начало покидать его, когда он вдруг понял, что слова на стенах относились не к замку, а к ракете. Это ракета находится на северо западе от него, да, ясно, им удалось ее открыть. Обитатели планеты — кто бы они ни были — ему помогли... Но слишком поздно. А ему так хочется жить!

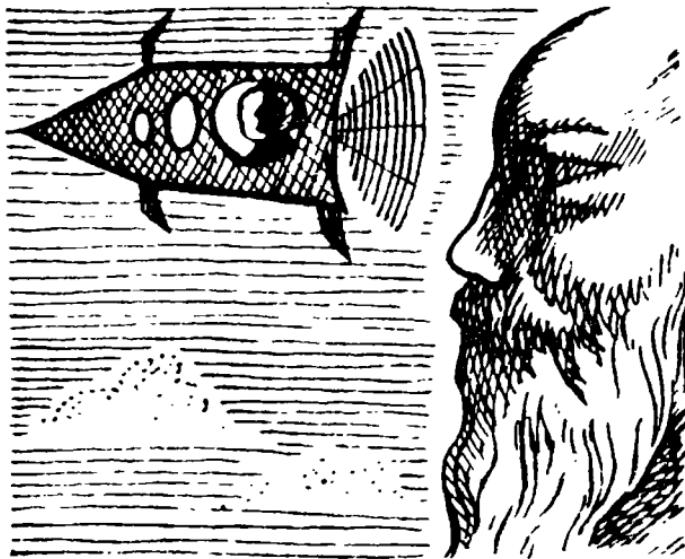
Сквозь забытье он внезапно почувствовал, как им завладели чьи-то уверенные руки. В последнюю минуту у него мелькнула надежда на спасение. Он поддался минутной слабости, перестал верить в собственные силы, но, раз уж эти существа смогли открыть ракету, они помогут ему...

Космонавт почувствовал чье-то бережное прикосновение. Кажется, ему сделали инъекцию. Мысли его путались, временами он впадал в глубокое забытье, — но он жил, жил! Совсем недавно он был на волосок от гибели, но все позади — теперь он непременно вернется домой.

На миг сознание прояснилось. Он сделал усилие — и открыл глаза.

Какие они некрасивые и неуклюжие! Верно, ему никогда к ним не привыкнуть. Но разве в этом дело? Он спасен, о нем подумали, он в добрых руках.

Эта мысль его успокоила, и он погрузился в здоровый, освежающий сон.

Душан Күжел

БЕГСТВО ИЗ РАЯ

На космодроме дул пронизывающий осенний ветер. Ева стояла с красными, заплаканными глазами, копна волос рассыпалась, и светлые пряди развевались над лбом. Он хотел сказать ей на прощание что-нибудь хорошее, ласковое, что-нибудь утешительное, но никак не мог вспомнить нужных слов. А тут еще эта стужа, чертовская стужа, и — он стыдился этого — ему не терпелось поскорее забраться в удобную кабину ракеты, где постоянно поддерживалась ровная комнатная температура.

— Пора, — он нежно отстранил Еву и погладил ее по щеке.

— Боже мой, — заплакала Ева и снова бросилась ему на шею. — Боже мой, не сердись, я ведь только глупая женщина и ужасно горжусь тобой, но мне страшно, мне так страшно... Я знаю, ты вернешься и не такая уж долгая разлука нам предстоит. Но что-то сжимает мне сердце, не дает вздохнуть...

«Страх, — подумал он. — Это мне надо бы бояться, перед таким дальним полетом в этом нет ничего удивительного — испытать хоть чуточку страха... Но сейчас мне просто очень холодно, и, если сию минуту меня не отправят в ракету, — как пить дать простужусь».

Подошли начальник космодрома, главный конструктор и проектировщик полета. Крепко, по-мужски пожали ему руку. Седовласый конструктор успокаивающе обнял Еву за плечи и отвел в сторонку.

В сознании промелькнуло: кто знает, может, все то хорошее, нежное, что он хотел сказать ей, так навсегда и останется невысказанным... Он попытался прогнать нелепую, дурную мысль, сосредоточиться на том, как быстрее надеть скафандр, включить микрофон и укрепить плексигласовый шлем. Но мысль неотступно преследовала его, точно назойливая муха, и, когда захлопнулась герметическая крышка люка, он понял, что теперь и мысль эта заперта с ним в тесной кабине и ему от нее не избавиться.

В наушниках гермошлема послышался треск.

— Все в порядке? — раздался хрипловатый голос начальника космодрома.

— Все в порядке.

— Ну, ни пуха ни пера!

И сразу из диктофона донеслось:

— До старта осталась одна минута! До старта осталась одна минута!

На космодроме завыли сирены, и уже никто не осмеливался высунуть нос из бункера или из скрытого наблюда-

тельного пункта. Нервы у всех напряжены до предела. И все это — из-за него.

Где-то в бункере, сжавшись в комок, Ева заплаканными глазами смотрит в телевизор, весь экран которого занимает его лицо. Растрепавшиеся на ветру волосы лезут ей в глаза, но ей и в голову не придет отбросить их рукой, она будет смешно и мило моргать, словно заспанный кстенок.

Только бы на минуту снова оказаться рядом с ней, откинуть ей волосы со лба — пусть не щекочут, не мешают смотреть, — еще разок поцеловать ее брови...

— Внимание! Старт через десять секунд! Старт через десять секунд! Отсчет: десять, девять, восемь, семь, шесть...

Еще не поздно нажать кнопку аварийной блокировки и выключить стартовое устройство. Потом можно сказать, будто ему показалось, что один из приборов не в порядке...

— ...три, два, один, старт!

Глухой взрыв — и гигантская сила вдавливает его в мягкое кресло. Заметались стрелки циферблатов. Уши заложило, глаза на миг заволокло туманом. Резкий удар, где-то звякнуло разбитое стекло — господи, что случилось? Это конец... кажется, конец... Ева, моя хорошая, почему ты не откинешь волосы со лба...

Но ничего не произошло. Ракета летела ровно, только по временам чуть вздрагивала — это отделялись отработавшие ступени ракетоносителя и включались новые. Потом на мгновение наступила гнетущая тишина и какая-то непривычная легкость приподняла его с сиденья. Он освободился от пристежных ремней. По кабине плавали осколки одного из запасных хронометров. Очевидно, он был плохо закреплен и в момент старта сорвался со стенки.

— Ну, как? — загудело в наушниках. — Все в порядке?

— Да, да... все в порядке.

Пришлось откашляться, голос почему-то сел.

— Сообщи свои параметры для корректировки полета.

— Ладно, сообщу, — буркнул он. А про себя подумал: «С чего это он мне «тыкает», ведь еще на космодроме мы с ним были на «вы»? Или теперь это не имеет значения, я для него уже не живой человек, а лишь исполнитель проекта, олицетворение его идеи, его мысль, выстреленная в космос? А со своей мыслью он имеет право быть на «ты»...»

И он раздраженно включил электронную машину. К чему все это? Ведь он же знал, что измерительные приборы передают параметры на Землю автоматически, просто его хотят чем-то занять. С ненавистью взглянул на дуги приборов, освещенные мертвенно-синим сиянием. И почувствовал себя среди них лишним: приборы все сделают сами, он здесь только наблюдатель.

Внезапно один из приборов предостерегающе загудел, потом раздалось сердитое попискивание, и вслед за этим что-то приглушенно зашипело. На миг его прижало к стенке кабины. К счастью, он понял, в чем дело: это включился дополнительный двигатель — ракета огибала рой метеоритов.

Он увидел их на экране локатора — несколько еле заметных точек, холодные камни, бесцельно блуждающие по Вселенной. И любой из них может стать причиной его конца... Только зазвенит, лопаясь, обшивка ракеты, и он превратится в такое же метеорное тело, мчащееся неизвестно откуда и куда...

Снова запищал прибор, фиксирующий появление метеоритов, — от страха у него засосало под ложечкой.

В этот миг он вдруг реально ощутил всю тяжесть космической пустоты и безграничное одиночество затерянных в мировом пространстве валунов. Почувствовал свою полнейшую беспомощность, ибо единственное, что он мог сделать, — это крепко сцепить пальцы и страстно пожелать себе избавления от грозящей опасности.

И вспомнилось близкое, доброе небо, под которым он лежал как-то в траве за домом, когда отец задал ему трепку за разбитый электрический фонарик. Тогда он твердо решил, что не вернется домой, потому что на самом деле фонарик разбила мама, да постеснялась признаться. Он так и заснул на мягкой лужайке, а когда проснулся, небо висело совсем низко... Мириады звезд мерцали, точно серебряные шары на рождественской елке, казалось, протяни руку — и срываем по одной. Он был голоден, от вечерней свежести был озяб, хотелось домой. Но он припомнил свою великую обиду, и так ему стало себя жалко — даже в носу защипало, а из глаз покатились слезы. Он встал на колени и начал молиться, чтобы его позвали домой, чтобы пришли уговаривать, — ибо только так он смог бы вернуться, гордым и удовлетворенным. Он молился с чувством, горячо, и ему казалось: раз небо так близко, бог неизменно услышит его и исполнит просьбу. Через минуту он и вправду услыхал, как мать, всхлипывая, зовет его. Она прижала мальчика к себе и сунула в руку клейкий леденец, купленный специально для него в лавке. Он отправил леденец в рот и задохнулся от счастья...

— Сообщи параметры, — послышалось в наушниках.

Ну, к чему вам эти параметры, дурни? Хотите точно знать место, где меня захлестнет море одиночества и космической пустоты? В газетах появится коротенькая заметка: в стольких-то километрах от Земли связь с космонавтом неожиданно прервалась...

Ева, бедная моя, светлая моя, такая молодая и такая несчастная... Руки мои беспомощны, не способны что-нибудь сделать, моя боль, словно крохотная, незаметная песчинка, канет в бесконечность, и, бессильный помочь самому себе, я не смогу даже никого разжалобить, мне не к кому воздеть руки, некого умолять.

Знать бы, что существует хоть какая-нибудь доля вероятности, что тебя услышат...

Что за чушь, ведь научно доказано... Но, с другой стороны, никогда не знаешь точно, на свете слишком много загадочного... А, была не была...

Оттолкнувшись от стенки кабины, он подплыл к креслу, опустился в него, просунул ноги в пристежные ремни, воздел руки, поднял глаза к потолку и медленно, слово за словом, стал припоминать обрывки давно забытых молитв. Он вспоминал их упорно, напряженно, отирая пот со лба, но каждое новое слово, найденное в закоулках памяти, приносило радость и утешение.

Не известно, долго ли предавался он этим молитвенным раздумьям. Неожиданно какой-то слабый стук заставил его очнуться. Стук доносился со стороны герметически закрытого люка.

«Так и есть — метеорит! — испугался он. — Локатор вышел из строя и вовремя не изменил траектории полета...»

Стук повторился, на этот раз чуть громче.

— Войдите! — невольно вырвалось у него, хотя он прекрасно понимал, что говорит чушь.

— Откройте, пожалуйста, эту дверцу, — послышался откуда-то снаружи тихий, но очень приятный, мелодичный голос.

Он провел рукой по лицу, протер глаза: черт побери, неужели начинаются галлюцинации?..

— Откройте, прошу вас. — И снова раздался стук.

— Минутку, — пробормотал он. — Только надену скайдар, ведь если я вам открою — весь воздух сразу выйдет.

Дрожащими от волнения пальцами он стал медленно и неуклюже открывать герметический люк. Воздух с громким шипением вырывался наружу. Один из приборов предостерегающе загудел и начал мигать.

— Спасибо, — произнес нежный голос. — Вам нетрудно подать мне руку?

В кабину проскользнуло прекрасное златокудрое,

синеокое существо в белом шелковом хитоне с большим вырезом сзади, из которого торчали лебяжьи крылья.

— Мир вам, — торжественно произнесло существо.

— Слава Иисусу, — учтиво отозвался космонавт.

Заметив, с каким изумлением смотрит он на белые крылья, существо улыбнулось.

— Это так... больше для проформы, в безвоздушном пространстве от них толку мало.

— Совершенно верно... — он растерянно кивнул, не зная, что отвечать.

Закинув ногу на ногу, белокрылое существо удобно устроилось в кресле.

— Меня послал наш старик. Велел привести вас к нему.

— К нему... то есть.. то есть куда?

— Ну, ясно же — в рай! — И существо звонко рассмеялось.

— В рай... — глуповато улыбнулся он и вдруг выкатил глаза. — То есть как в рай?

— Нет, вы неподражаемы, — существо захлебнулось смехом. — И старому тоже чем-то приглянулись... Впрочем, мы тут с вами лясы точим, а ведь наверху-то нас ждут! Понимаете, редко кому из наших удается перекинуться словечком с современным человеком. А уж там у нас тоска зеленая, чистый паноптикум, да вы и сами в этом убедитесь. Итак, прошу: захлопните, пожалуйста, ваше чудо, я покажу вам дорогу.

Когда минуту спустя космонавт выпрыгнул из ракеты, он упал на что-то белое, непонятное, мягко под ним спружинившее. «Видно, я совсем спятил, — подумал он, — но, пожалуй, это смахивает на облака».

Из того же странного белого вещества была и возвышавшаяся перед ними высокая стена с массивными деревянными воротами. Из окошка привратницкой выглянул лысый старец с белой бородой и усами. Завидев их, он вы-

тащил огромный золотой ключ и попытался отпереть ворота.

— Лихоманка их задери, эти ворота, — проворчал он после тщетных попыток сладить с ключом и впустил пришедших через боковую калитку. — Давненько мы их не отмыкали. Извольте пожаловать туды, в тронный.

За воротами толпились любопытные. Они были в самых различных стариных одеждах, по большей части средневекового покроя. Зрелище напоминало парад актеров-любителей или бал-маскарад. При виде космонавта костюмированная толпа залопотала:

- Это он и есть?
- Ой, да он весь в золоте! И осматривается...
- А где у него глаза? Неужто люди теперь безглазые?
- Значит, так теперь выглядят люди?
- Да нет, просто на нем такая одежда.
- Мама, можно его потрогать?

Когда космонавт стал снимать гермошлем, воодушевление толпы перешло в бурное ликование:

- Смотрите, смотрите, он откручивает голову!

К нему тут же подскочили детишки, пытаясь дотронуться до «открученной» головы. Но процесия уже подходила к тронному залу. Несколько крылатых существ затрубили в золотые трубы. Над входом в зал висел большой плакат: «Наша цель — полное и абсолютное счастье». Вдоль стен вытянулись шпалеры крылатых существ в белых хитонах вперемежку с фигурами в стариных одеяниях. А в самом конце зала, на помосте, стоял богато украшенный позолоченный трон, и на нем восседал почтенный старец с длинными белыми волосами и окладистой белой бородой. Нетрудно было догадаться, что это и есть сам Господь. Космонавту почему-то вспомнилось, как однажды в школе он допытывался у законоучителя, что будут делать счастливцы, попавшие в рай. Учитель ответил, что они будут глядеть на лик господен и славить господа бога.

Тогда он только рот скривил: вот еще, глазеть на чью-то физиономию и нудно тянуть псалмы — не больно велика награда за самоотречение, которого от них требовали. Но теперь, глядя в лицо Господа, он ощущал незнакомое, до той поры не испытанное блаженство, и сердце его бешено заколотилось от волнения и счастья. Он покраснел и опустил глаза. Господь понимающе усмехнулся, встал и энергично пожал ему руку.

— Приветствуя тебя, сын мой! — загремел его могучий бас. — Очень рад, что после длительного перерыва вновь могу приветствовать жителя Земли. Ибо мир погряз во грехах и отвернулся от своего Творца, утратив тем самым милость его благословения. Но, хотя сердце твое и подернулось хладом сомнения, ты нашел в себе силы смело сложить в молитве руки и поручить себя воле Господней. И тогда сказал я ангелу, служителю моему: «Ступай и приведи этого человека пред очи мои, ибо он достоин награды!» И стало слово мое делом, а ты, сын мой, коли будет на то твое соизволение, можешь остаться у нас, в единственном месте, где вечно пребывает полное и нерушимое счастье. Иди и вопрошай очи свои, и вопрошай уши свои, и напоследок спроси сердце свое, и коли скажет оно тебе — останься, внемли его гласу, ибо сердце никогда не лжет!

Договорив, Господь воздел руки, и по его знаку крылатые существа, а с ними и люди в старинных одеждах затянули многоголосый хорал. Их слаженное пение звучало чисто и нежно. Переливаясь на высоких нотах стеклянными колокольчиками, а на низких рокоча громовыми раскатами, оно заполняло весь зал, проникало в душу, космопавт чувствовал, как что-то распирает его сердце, давит грудь, щекочет в носу и выжимает из глаз слезы. Он никогда не пел, но тут рот его раскрылся сам собой, в горле возникли глубокие, мелодичные звуки и, переполненный неведомым дотоле чувством, он восславил Господа. Это

было прекрасно, наверное прекраснее, чем в тот раз, когда он впервые отправился с матерью под рождество к заутрене. Возле алтаря стояли свежесрубленные елочки — в то время еще не додумались делать елки из полистиэлена, — они были настоящие, неповторимо прекрасные в своем несовершенстве и так пахли, что даже в горле першило. Соседи с улыбкой здоровались друг с другом, распространяя запах вина, приготовленного с сахаром и кореньями, от их теплого дыхания растаял иней на окнах церкви. И все пели — в полную силу легких. Священник, тоже изрядно хлебнувший, споткнулся перед алтарем, но органист Шутей грязнул на органе во всю мощь и снова затянул припев «Спи, спи, Иисусе!», хотя он уже дважды повторялся, чем многих сбил с толку. Одни продолжали петь свое, другие присоединились к органисту... Это было замечательно! Получился такой потрясающий хорал, что сравниться с ним может лишь этот, исполняемый в раю.

— Благодарю вас, — поклонился Господь, когда пение кончилось. — А теперь пойдем, сын мой, я покажу тебе свое царство.

Они прогуливались с небольшой свитой. Господь часто останавливался, заговаривал то с одним, то с другим, для каждого находил ласковое слово, каждого спрашивал, может, ему чего не хватает для полного счастья.

— Счастье — наша главная задача, — повторял он. — И все, что ему препятствует, мы обязаны устранить.

Так, дружески беседуя, дошли они до небесной тверди.

— Взгляни, — Господь положил руку на плечо космонавта. — Отсюда чудесный вид на солнечную систему!

— В самом деле, великолепно...

Господь вздохнул.

— Знаешь, относительно этого места у меня свои планы. Хочется со временем снести все эти укрепления и построить большую открытую террасу с рестораном, в котором можно было бы спокойно посидеть, выпить чашечку

другую кофе, послушать хорошую музыку, ну, и все такое прочее... Словом, немного модернизировать этот уголок. Да разве тут меня понимают? Ты же сам видел, здешние обитатели все больше из средневековья — позднее приток праведных душ практически приостановился, — вот и приходится приспосабливаться к их вкусам, а то еще разочаруются... Эх, иной раз поглядишь — ну, паноптикум, да и только!

Господь оперся о небесную твердь и задумался, перебирая свою белую бороду.

— Ну, как, сынок, — спросил он вдруг, — счастлив ты тут?

— Думаю, что да...

— А останешься с нами?

— Не знаю... Пока еще не решил.

— Ну и ладненько, завтра надумаешь.

Спал космонавт в богато убранных средневековых покоях.

Утром его приветствовали трое мужей в рыцарском одеянии.

— Мы ваши соседи, — они низко поклонились. — Не соблаговолите ли вы принять участие в утренней репетиции хорала? Это было бы для нас величайшей честью.

— Буду весьма рад, — ответил он и тоже согнулся в поклоне. Потом вскочил с постели и стал быстро одеваться. Рыцари, переглядываясь, неуверенно топтались на месте.

— А это... эту штуку вы не наденете? — осведомился наконец один из них, показывая на скафандр. Космонавт сначала и вправду не собирался натягивать скафандр, но, заметив на их лицах разочарование, быстро надел его. Рыцари просияли. Они гордо выступали по бокам пришельца.

— Знаете, а мы с вами, кажется, земляки, — сказал самый высокий. — Я рыцарь Ян из Словян.

Двое остальных тоже представились, но их имен он не запомнил.

— Наша родина прекрасна,—продолжал рыцарь Ян.— С тех пор как я покинул ее, мне так недоставало густых лесов и чистых горных рек...

— Вы отправились воевать?

Рыцарь Ян пришел в замешательство.

— Не знаю... Очевидно, так... Помнится, там была тьма неверных, на головах у них были какие-то странные белые повязки... И было жарко, очень жарко... Мы сидели под пальмами, под прозрачно-голубым небом, нас без конца кусали муравьи... И я тосковал по дому...

— У вас оставалась дома семья?

— Семья? Гм... вот этого не могу вам сказать... Но как я стосковался по лесной землянике... Знаете, такие маленькие, сладкие, душистые ягоды. Они растут только у нас. Я все твердил себе, что, как только вернусь, съем целое ведро земляники! Да только...

— Только?..

— Не знаю... Кажется, я так и не вернулся.

— С вами что-нибудь случилось?

— Не знаю, не помню.

— Как же так, вы не помните, была ли у вас семья, вернулись ли вы на родину, случилось ли что с вами?

Рыцари поглядели на него с удивлением.

— Разумеется, — убежденно ответил рыцарь Ян. — А вы разве помните?

— Конечно, помню, ведь это свойственно каждому... то есть... гм... то есть...

Он остановился и сжал ладонями лоб.

— Что со мной? — воскликнул он. — Ради бога, что со мной? Ничего не помню... Только пустота, дыра, как от вырванного зуба, щупаешь ее и понимаешь: что-то там было, но что?.. Сарай с дырявой крышей, запах хвои, сладкий леденец, кто-то распевает коляды... Широкая бе-

тонированная площадка и осенний ветер... Все это как-то связано со мной, но как?.. Все куда-то ускользает, словно песок сквозь пальцы...

Рыцари низко поклонились. Мимо проходил Господь.

— Что со мной, Господи? Я не помню, ничего не помню...

— Воспоминания? — понимающе улыбнулся Господь. — Многие полагают, что в них — источник утешения и даже счастья. Но это не так. То, что мы, оценивая настоящее, сравниваем его с лучшими мгновениями прошлого, постоянно наполняет нас ощущением неудовлетворенности... и беспокойством. Чтобы добиться полного счастья, в коем видим мы главную цель, пришлось избавить всех и от прошлого, и от будущего. Ну, не огорчайся попусту!

Космонавт немного успокоился, а после окончания репетиции и вовсе забыл обо всем, что его тревожило. Но через некоторое время, бесцельно блуждая по небесным просторам, он поймал себя на том, что мысленно вновь и вновь возвращается к своему прошлому, пытается собрать воедино жалкие остатки воспоминаний.

Спал он необычайно долго — еле успел на предположенную репетицию хорала. Архангел-хормейстер уже стоял за дирижерским пультом. Незаметно заняв свое место, космонавт легким наклоном головы приветствовал рыцаря Яна и взял в руки ноты.

После репетиции, гуляя, забрел он к райским вратам. Прильнув к щелям между желтыми гладкими досками, которые вовсе и не пахли деревом, он с тоской глядел в пустоту. У самых врат, отливая серебром и, точно указующий перст, нацеливаясь в таинственные дали, стояло какое-то сооружение. И космонавт, волнуясь, чувствовал, что между ним и этим странным предметом когда-то была, а может, и сейчас существует таинственная связь. Точно дитя, радовался он этой найденной частице прошлого и твер-

до решил, что ни при каких обстоятельствах не должен ее утратить.

Неподалеку от райских врат стоял Господь.

- Счастлив ли ты, сын мой?
- Вроде бы... только...
- Что же препятствует твоему счастью?
- Иной раз самая малость... Мне нечего делать.
- Ну, если только это... — улыбнулся Господь и подхватил его под руку. — Пойдем-ка сыграем в шахматы!

Они вошли в огромный игорный зал. Там стояло великое множество шахматных столиков и — чего только не выдумают в раю! — какие-то удивительные шахматы-автоматы. И все же зал зиял пустотой. Маленькое крылатое существо услужливо принесло шахматные фигуры. Господь, поглаживая бороду, обдумывал первый ход.

— Видишь ли, сын мой, — произнес он после минутного раздумья, — я возлагаю на тебя великие надежды, ибо верю, если удастся мне овладеть твоей душой, то и души остальных обитателей Земли обращаются ко мне, и врата царства моего вновь будут постоянно разверсты.

Господь глубоко вздохнул и локтем смахнул на пол одного из слонов.

— Странные вы души, право, странные. Но, должен тебе заметить, напрасно вы полагаете, будто Господь бог уже отжил свое. Как мечтали вы о счастье тысячелетия назад, так и теперь мечтаете, и эта мечта вновь вернет вас в мое лоно.

Господь сбросил со столика шахматные фигуры.

— Все. Ничья. Еще партию?

Они сыграли еще три партии, и все вничью.

«В конце концов, ничья с самим Господом богом — не так уж плохо», — подумал космонавт, когда Господь собрался уходить.

- Ты остаешься?
- Попробую сыграть с автоматами...

— Желаю удачи.

У первого же автомата космонавт выиграл.

Радостно взволнованный, он перешел к другому автомата и, нажав украшенный станинной резьбой рычаг, подождал.

Снова выиграл.

Счастливый, подошел к следующему автомату.

И снова выиграл.

К следующему.

Опять выиграл!

И тут до него дошло, почему в зале никого нет. Истериически смеясь и утратив ко всему интерес, он выбежал вон.

В ту же ночь космонавт попытался бежать.

Подкравшись к вратам, он выглядел, пока сморенная сном голова лысого привратника упала на сложенные руки, отворил боковую калитку и юркнул за нее. Пригнувшись, добежал до ракеты и обеими руками обнял ее блестящее металлическое тело.

— Вижу тебя, сын мой, — прогудел могучий бас Господа. — Что не спишь?

— Не спится. Вышел проветриться.

— Вижу, вижу, сын мой. Не проветриться ты вышел.

И пал тогда космонавт на колени, и обнял ноги Господа, и просил его:

— Прости меня, Господи, не могу я остаться тут!

Помрачнел Господь и рек:

— Или не хватает тебе чего для полного счастья?

— Не знаю, — ответил космонавт. — Видимо, да.

Еще большие помрачнел Господь и молвил:

— Коли так — ступай.

Сел космонавт в ракету и включил двигатель.

А Господь глядел вслед удаляющемуся кораблю и почесывал могучую бороду, стараясь скрыть смущение. Потом медленно повернулся и побрел в зал, ибо близился

рассвет и пора было воссесть на позлащенный трон. Рыцари станут низко ему кланяться — эх, паноптикум, чистый паноптикум. «А твердь я все-таки снесу», — снова и снова повторял он с упрямой надеждой, ибо и Господу необходима надежда, пусть даже совсем крошечная.

А в ракете между тем гудели и щелкали электронные приборы, определяя координаты полета. Сверив их показания, космонавт направил корабль к Земле. Исчезли, словно бы провалились, райские кущи, и снова он был один-одинешенек во Вселенной. Он провел пальцем по рукояткам приборов, радуясь, что это не рычаги беспрограммных шахматных автоматов. Потом взглянул на хронометр, отмечавший земное время, и осталенел...

Он включил автоматическое управление и сжал голову ладонями.

Приборы ровно гудели, за пллюминатором мелькали звезды, крошечные мерцающие огоньки. Казалось, будто он едет в поезде, в допотопном поезде со смешным паровозиком, грохочущим на рельсах и оставляющим за собой сноп раскаленных искр. Проносится мимо полей с рождественскими елочками, под которыми притаились сладкие, душистые ягоды земляники. Поезд грохочет, и его перестук звучит, словно рождественский хорал, органист Шутей хватается за голову, отец бранит за разбитый фонарик, мама прячет под фартуком сладкий леденец, а волосы Евы, точно паровозный дымок, развеиваются по ветру. Поезд опаздывает — старомодные поезда всегда опаздывают, — и ягоды вянут, у елок вырастают новые полиэтиленовые ветви, а у Евы больше не развеиваются по ветру волосы...

Он сжимал руками тяжелую голову и захлебывался счастьем оттого, что можно быть таким несчастным.

Прэси Берковец

АУТОСОНИДО

Ключ загремел в замке, тяжелые кованые двери со скрипом открылись, и Педро вошел. В узкой сводчатой комнате было почти темно. Луис высек огонь; мерцающий свет озарил голые стены, сверкнул на струнах лютни, висевшей над убогим ложем, и упал на темные корешки книг, аккуратно расставленных в нише. Педро подошел к окну. Из патто доносился сильный пряный запах кампаниул, на угасающем кобальте горизонта заблистали первые звезды.

Тихий аккорд, прозвучавший навстречу спускающейся почки, задрожал и вылился в новую гармонию: звуки,

вначале еле слышные, постепенно усиливались, слетая со струн под волшебной рукой мастера. Только один человек во всей Таррагоне мог так исполнить «Фантазию» Сантильяны — Луис Агиляр. Педро оглянулся. Лютня висела на стене. В углу, у стола, Луис склонился над небольшой деревянной шкатулкой с круглой рифленой крышкой, из которой торчало диковинное приспособление, заканчивающееся пергаментной воронкой. Крышка медленно вращалась, и из аппарата неслись звуки лютни Агиляра.

Луис с улыбкой посмотрел на пораженного Педро. Затем нажал на какой-то рычажок, диск остановился, и музыка сразу оборвалась. Луис ловко снял диск, положил на его место другой, и тот, щелкнув, пришел в движение.

Педро застыл на месте. Ему казалось, что в мгновение ока комната наполнилась топотом и кашлем толпы. Следом зашумел ошеломляющий поток человеческих голосов. Педро зашатался, с трудом удержав крик ужаса. С широко раскрытыми глазами, почти теряя сознание, он дрожал, весь во власти необычного ощущения.

Лишь спустя несколько минут Педро осознал, что слышит пение; да, он уже разбирал слова «*Kyrie eleison*»¹. Голоса скрещивались и сливались, то приближаясь, то удаляясь, усиливались и ослабевали. Похоже на хорал в храме Тринидада, мелькнуло в голове Педро, ну, конечно, вот сложный переход басовой партии... да ведь это...

— Мистерия из Элхе, — вздохнул он облегченно.

— Рад, что ты узнал произведение и место, где оно появлялось, — сказал Луис, когда музыка отзвучала и в комнате стало удивительно тихо.

— Разумеется, это церковь в Элхе, помещение с прекрасной акустикой, где ясно слышны все слова песнопения. Поэтому-то я и решил испытать аппарат именно там. В Элхе я участвовал в хоре на пасхальном богослужении.

¹ Господи помилуй (греч.). — Прим. перев.

На репетициях мне удалось спрятать записывающий аппарат под кафедрой.

Только сейчас Педро пришел в себя.

— Открой же мне наконец, что это за чудесный аппарат, который может вбрать в себя и вновь издать звук лютни и человеческого пения?

— Это мое аутосонидо, — улыбнулся Агилляр, — плод давней мечты, долгих размышлений, попыток и трехлетнего упорного, пеустанного труда. Погляди! — Лупис развернул на столе чертежи и рисунки. — Вот механизм, который передает звук спиральным углублениям на вращающейся пластинке, покрытой особой древесной смолой... Вначале я крутил их вручную, но, когда дон Эстебан привез мне из Германии «el huevo de Norimberk»¹, карманные часы магистра Петра Геле, я использовал их скрученную стальную упругую пружинку как источник равномерного движения... видишь, заводится вот здесь этим ключом!

Педро с жадностью просматривал чертежи.

— Да, конечно... хитроумно... и при этом удивительно просто, воронка заканчивается пленкой с острым кончиком... Скажи на милость, как ты до этого додумался? Я имею в виду принцип устройства, понимаешь?

Агилляр вытащил откуда-то запыленную бутылку манзанильи.

— Это длинная история, — сказал он, когда друзья пригубили доброе вино из Санлукара, — она началась еще во времена моего ученичества в Альмерии. Однажды в саду дона Лопеса я увидел стройную девушку, которая рвала цветы такими изящными движениями, что я глаз от нее не мог отвести. Вскоре опа скрылась в лавровой беседке. На следующий день я увидел ее прелестное лицо у фонтана. Я ходил там с лютней, играл и пел. Она остановилась поодаль, печально мне улыбнулась и поспешно ушла. Я не

¹ Яйцо из Нюрнберга (*исп.*). — Прим. перев.

решился следовать за ней. Но как-то я застал ее врасплох, когда она перевязывала букеты. Я заговорил с ней, но она даже не подняла на меня глаз и, лишь когда моя тень легла на песок перед ней, испугалась и вскочила. Я извинился за свое вторжение, она пристально посмотрела на мои губы, задрожала, глаза ее увлажнились.

И тогда я понял, что она глухая. Меня захлестнула волна мучительного и одновременно нежного чувства. Я подошел к ней поближе, наклонился к ее устам — она инстинктивно закрыла их вуалью — и прошептал в ароматную гладкую кисею два слова... и в ответ именно эти слова отчетливо слетели с ее уст. «Любовь моя!» Она любила меня, как и я ее, что еще она могла сказать? Разве близкие существа не высказывают подчас мысли одними и темп же словами, в одно и то же время?

Уже тогда мне показалось, что вуаль, опущенная на уста девушки, уловила мое признание, словно звук моего голоса застрял в ней и снова ожила.

Много воды утекло с тех пор. Сейчас у нас тысяча пятьсот тридцатый год, а то было почти двадцать лет назад. И давняя-давняя мысль не давала мне покоя. Разумеется, путь от вуали к иллюзии был трудным и долгим. А все прочее...

Луис опорожнил бокал и поставил его на стол. За окном звенели цикады. Педро все еще изучал чертежи.

— Это великое дело, Луис, — медленно произнес он. — Даже представить себе не могу всего величия твоего изобретения. Неподражаемое исполнение инструментальных и вокальных произведений не исчезнет бесследно, когда кончат дни тех, кто услаждал ими слух своих современников. Подумай только... — Педро вскочил и начал расхаживать по комнате, — если бы наши предки знали нечто подобное в те времена, когда жил Хуан Руис, мы еще сегодня могли бы восхищаться его легендарной игрой на виоле! И не только музыка! — Педро остановился у камин-

на. — Слово тоже переживет века, слышишь, Луис? — обратился он к Агиляру, который возился у аппарата: поставил гладкий диск, повернул воронку в сторону говорящего и нажал на рычажок.

— ...мысль, высказанная вслух, единственное мертвого письма. Ты понимаешь, какое это будет оружие в борьбе с предрассудками, суевериями и невежеством, легче будет победить косность и мракобесие...

Громкий стук в дверь прервал рассуждения Педро. Агиляр удивленно посмотрел на друга. Вновь раздался стук, и чей-то голос произнес:

— Именем Высшего совета инквизиции, откройте!
Луис схватил Педро за руку.

— Беги! Сюда! Из окна прыгнешь на балкон, оттуда по крыше спустишься в винный погребок Мануэля, а там уже легко найдешь дорогу. А это, — он сунул Педро чертежи аппарата, — на всякий случай возьми с собой, я приду за ними. Поспеши!

Было самое время. Дверь затрещала под градом ударов. Педро вскочил на подоконник и исчез во тьме. В ту же минуту, сломав замок, в комнату ворвался алгвасил с пятью вооруженными стражниками. Они набросились на Агиляра, после короткой борьбы связали его и увезли.

В сгустившейся тьме из-за перевернутого стола в углу голос Педро шептал: мракобесие... мракобесие... мракобесие... мракобесие... мракобесие...

Желтоватый свет восковых свечей тщетно боролся с темнотой, рисуя резкие тени на бледных лицах мужчин и скользя по красному бархату знамени с вышитыми на нем оливковой ветвью, крестом и обнаженным мечом. Голос секретаря то поднимался, то угасал, подобно пламени свечей в серебряных канделябрах. Луис уже давно перестал

слушать, и до него доходили лишь несвязные обрывки фраз:

«...говорил с кем-то, кто не входил и не выходил... слышали пение хора, доносившееся по ночам из его комнаты... общался с демонами... одержим бесами...»

Обвинение было оглашено. Человек с лицом аскета, в лиловом облачении с белым восьмиконечным крестом подал знак Агиляру.

— Я простой музыкант и механик, — начал Луис. — За мной никакой вины нет. Обвинения не признаю. Мне было жаль, что искусство наших великих мастеров умрет вместе с ними. Я попытался спасти его и изобрел аппарат, который сохранит музыку, пение и голос для потомков. Не я первый пытаюсь сделать это. С давних пор люди стремились создавать механизмы, подражающие голосам птиц и человеческой речи. Двести пятьдесят лет назад английский монах Роджер Бэкон из Ильчестера смастерили говорящего карлика; знаменитый учитель Фомы Аквинского, регенсбургский епископ Альберт Великий водил своих гостей в уединенную мастерскую доминиканского монастыря, где скрытая за драпировкой искусственная женщина приветствовала входящих на латинском языке; воспитанник орильской школы Герберт, будущий папа Сильвестр Второй, пятьсот лет назад сделал искусственного человека, который пел и отвечал на вопросы...

— Погоди, — раздался холодный резкий голос инквизитора дона Карлоса Торквемады. — Ты говоришь, что изобрел аппарат, подражающий человеческому голосу и пению...

— Не подражающий, а... — возразил Луис.

— Молчи. Где этот аппарат?

— Вот он, ваша милость, — услужливо сказал следователь, — мы послали людей в дом подсудимого. Они привнесли, — он показал на стол, стоявший неподалеку от кресел инквизиторов, — еретические книги и этот аппарат.

— Итак, Агиляр, — Торквемада вновь обратился к Луису, — покажи нам, сравнится ли твое изобретение с искусственной женщины, созданной Альбертом Великим.

Пока таррагонский музыкант возился у стола, инквизитор наклонился к своему другу Гомесу и что-то вполголоса ему сказал.

— Я готов. — Луис слегка поклонился и отошел в сторону.

Секретари, чиновники и заседатели суда напряженно следили за медленно вращающимся диском. Неожиданно послышался слабый, характерный, чуть гнусавый голос: «Эти люди так же самозабвенно преданы своему делу, как мы — очищению догматов веры от заблуждений, быть может, они кое в чем и правы, но мы не должны этого признавать, не то...»

— Хватит! — прервал тот же голос, на этот раз исходивший из уст дона Карлоса Торквемады. Инквизитор стоял, выпрямившись, с искаженным, смертельно бледным лицом.

— Дьявольское наваждение! — завизжал он и сильным ударом посоха разбил аппарат. — Дьявола заставил говорить моим голосом! — Горящий взгляд инквизитора сверлил Луиса. — Ты сам — дьявол в человеческом образе! Бейте его, изгоните сатану, вздерните на дыбу, колесуйте! — Старик захлебывался от ярости; он ударил Агиляра в грудь в знак того, что передает его мирскому правосудию.

— Сжечь на костре, а дьявольский аппарат бросить в огонь вместе с ним!

Буковые поленья потрескивали и шипели, угольки постепенно распадались. Красные отблески плясали на потолке, мелькали на темной резной мебели, блуждали по открытым саквояжам, одежде, нотной бумаге, разбросанной по полу. Порой они скользили по струнам скрипки, ле-

жавшей на столе, и озаряли узкое, худое лицо человека, отдыхавшего в кресле возле каминна. Казалось, человек спит. Он даже не поднял глаз, когда в дверь постучали и в комнату вошел слуга с визитной карточкой на чеканном подносе.

— Господин маркиз... — произнес он.

— Никого не принимаю, — устало прошептал голос у камина.

В ту же минуту на пороге появилась рослая фигура в пурпурном плаще.

— Мне жаль, маэстро, нарушать ваш покой, — вошедший повелительным жестом выслал слугу из комнаты. — Но я уверен, вы с интересом выслушаете меня.

Он снял шляпу, положил на кресло и принялся расстегивать перчатки.

— Я пришел предложить вам бессмертие. Не волнуйтесь, — поспешил он добавить, — я не шарлатан и не изготавливаю чудодейственных снадобий. Я боготворю вашу игру, я слышал вас во Флоренции, Милане, Риме, Вене и Праге. Считаю вас величайшим скрипачом всех времен. Сейчас вы в расцвете сил. Ваше недосыпаемое искусство должно быть сохранено, пока... Мне известно, что вы больны. Вы, конечно, имеете право поступать по своему разумению. Однако ваше искусство принадлежит не только вам. Во имя всего человечества доверьтесь мне, маэстро! У меня есть средство сделать вашу игру независимой от времени, отпущеного вам.

Незнакомец умолк. В тусклом свете угасающего дня лицо его казалось прозрачным.

— Попимаю, что это звучит фантастично, — продолжал он после короткой паузы. — Но я докажу вам. Среди вещей одного из предков нашего рода я обнаружил чертежи и описание аппарата, записывающего звук. Мне удалось сделать такой аппарат. Позднее я его усовершенствовал, используя новые открытия моего друга Александра Вольта.

Я покажу вам аппарат. Внизу нас ждет карета. Едемте со мной!

Человек в кресле у камина не шевельнулся.

Странный посетитель сказал более решительно:

— Вы все еще мне не верите. Тогда я начну с другого конца. Мне хорошо известно ваше положение. Вы по уши в долгах, которые поглощают все ваши доходы... Бьянка, Ахиллино... Итак, приглашаю вас дать концерт в моем замке. Только для меня. Я расплачусь со всеми вашими кредиторами. Кроме того, вручу вам наличными... — И певзнакоомец назвал головокружительную сумму.

Узкие бледные губы растянулись в улыбке. Маэстро слегка покачал головой.

— Отказываетесь? — вспыхнул гость. — Тогда мне ничего не остается, как... — из складок плаща выглянуло узкое дуло пистолета, — принудить вас силой. Мне нужна ваша игра для моего опыта, понимаете, вы должны в нем участвовать!

— Отложите вашу штучку, — раздался тихий, спокойный голос, — человека, который глядит смерти в лицо, вы не запугаете. Я встречал немало авантюристов, хвастунов и фантазеров, но никто еще не предлагал мне ничего подобного. В ваших словах звучат печаль и горечь. Понимаю вас, ибо я... тоже несчастен. Мне кажется, я могу хоть на минуту осчастливить других. Поэтому, — Паганини поднялся, — я еду с вами!

Стальной трос дрожал от напряжения, мощные моторы ревели, бульдозер вгрызлся в низкий откос, зубья дробили и поглощали грунт. Вдруг они наткнулись на что-то твердое, заскрежетали по каменным плитам, бульдозер взвыл, со всей силой уперся в обнажившуюся стену, повалил ее и остановился. Белый конус луча прожектора вступил в

борьбу с поднявшейся пылью, затем осветил темное отверстие со ступенями, ведущими вниз.

Спустя шесть часов в кабинете Бенвенуто Кассини, профессора Римской академии Святой Цицилии, зазвонил телефон. В трубке телефона не сразу послышалось раздраженное «алло». Последовал разговор, в ходе которого старый ученый сердито заметил, что не любит шуток, затем выразил удивление, быстро задал несколько вопросов, положил трубку, пометил время отлета «Каравеллы» и стал спешно одеваться.

Шел дождь, когда черный ситроен ДС-19 остановился у восточной трассы обширной строительной площадки. Из машины вышли три человека, опи поздоровались с высоким брюнетом лет тридцати в непромокаемом плаще и последовали за ним по разъезжей лесной дороге к просеке, заваленной свежесрубленными деревьями, с множеством транспортеров, скреперов и гусеничных тракторов. На склоне холма чернел вход в подземелье, из которого тянулся толстый кабель.

Верзила в плаще военного покроя — инженер Вожирар — взял большой электрический фонарь, и все четверо стали осторожно спускаться по узким каменным ступеням. Вскоре они оказались в низком квадратном помещении с полом, покрытым мелким песком. Посредине возвышался мраморный саркофаг. На узком карнизе, выступавшем с одной стены, виднелись небольшие ящички, а у другой стены на гранитной подставке стоял какой-то металлический сундучок. Возле него жужжал трансформатор, несколько монтажных ламп освещали помещение.

— Господа, — взял слово архиварий Парижской консерватории Клод Аллегре, — мы находимся в подземной гробнице, сооруженной около ста тридцати лет назад. Как выяснилось, единственный вход сюда, которым мы воспользовались, был замурован, когда гробница выполнила свое назначение. По-видимому, такова была воля человека, прак-

коего ныне покоится здесь. — Аллегре осветил надпись на боковине гроба. «20 мая 1832 года скончался дон Фернандо Бадахос, последний потомок древнего испанского рода Урреага». — Позднее нам любезно расскажет о нем подробнее сеньор Торквемада, — архивариус поклонился седеющему культатташе испанского посольства, — а пока я только доведу до вашего сведения, что дон Фернандо умер в изгнании, где гордые Урреаги продержались в течение трех столетий, с той поры, как дон Педро Бадахос, приговоренный инквизицией к смерти, покинул отчизну. Это мы узнали из завещания Фернандо. — Аллегре поднял тоненький томик в кожаном переплете. — Затем еще кое-что — нечто невероятное, ради чего мы вас сюда пригласили.

Он открыл крышку сундучка. Показалась пластиинка с несколькими рычажками и металлическими катушками. Инженер Вожирар откашлялся и произнес тихо и торжественно:

— Господа, перед вами — первый в истории человечества батарейный звукозаписывающий аппарат, сделанный за восемьдесят лет до телеграфона Поульсена и за сто лет до того, как фирма «И. Г. Фарбениндустрі» начала изготавливать ленту для магнитофонов.

Он наклонился над аппаратом и с воодушевлением принялся сообщать технические данные.

— Урреага был, бесспорно, гениальным электротехником, — тактично прервал его архивариус, — но, кроме того, он обожал музыку. Однако область его интересов была до странности ограничена. Он восхищался и боготворил только творения и виртуозную игру Никколо Паганини. Думаю, что вы уже поняли, к чему я клоню, — сказал Аллегре и снял с карниза ящичек. — Да, господа, здесь, в этих ящичках, сохранились вплоть до наших дней единственны в своем роде культурные памятники — звукозаписи игры величайшего скрипача всех времен.

Воцарившуюся тишину разорвал град вопросов. Инженер отчаянно жестикулировал.

— Аппарат действует! Перед самым вашим приездом мы заменили давно разряженные звенья новым источником питания.

Пока Аллегре осторожно разворачивал катушку с серой сантиметровой лентой, неугомонный Вожирар пояснял:

— Активный ферромагнитный слой, нанесенный на твердую подкладку из бумажной массы... коэрцитивная сила 6,5 ампервитков на метр... интервал модуляционного напряжения.... скорость 25 сантиметров в секунду.

— Доказательства! Где доказательства, что все это не мистификация?! — воскликнул профессор Кассини.

— Пожалуйста, — усмехнулся Вожирар, — вчера мы подвергли аппарат бомбардировке лямбда-лучами. Получасовой спад металлических элементов точно соответствует времени, упомянутому в завещании Урреага.

— А запись?

Аллегре подал ленту профессору.

— Прошу вас, господин профессор, тщательно осмотреть оборотную сторону первых тридцати сантиметров ленты. Вот лупа, она может пригодиться. Единственный, кто может авторитетно подтвердить, что перед нами действительно запись великого итальянца, так это вы, крупнейший знаток жизни и творчества Паганини.

Кассини всмотрелся в ленту под сильным светом рефлектора и затем медленно прочел:

«Я, Никколо Паганини, сыграл это капричио для дона Фернандо Бадахоса Урреага сегодня, 22 ноября 1830 года».

Профессор долго изучал расплывчатые строчки своеобразного почерка и наконец, подняв голову, сказал:

— Синьоры, на ленте — почерк Никколо Паганини. Ручаюсь честью ученого.

Вожирар осторожно взял катушку из рук профессора, вставил ее в аппарат, просунул ленту в щель и укрепил на другой катушке. Затем повернул небольшой красный рычажок.

Из аппарата послышалось шипение, оно усилилось, ослабло и тут же прекратилось, еле слышный сиплый гортанный голос четко произнес по-итальянски: «Я, Никколо Паганини, сыграю свое капричио для дона Фернандо Бадахоса Урреага сегодня, 22 ноября 1830 года».

Оцепеневшие слушатели ахнули. Голос Никколо Паганини! И тут же запела скрипка. Пятое капричио C-dur.

Головокружительный темп. Кристально чистый звук. Непрерывные виртуозные пассажи.

Музыка умолкла. Кассини схватился за голову, Аллегре опирался о саркофаг, Вожирар, сидя на корточках возле аппарата, не спускал с него глаз. Торквемада, закрыв глаза, стоял у выхода из гробницы.

Последние звуки. Хроматический бег вверх, затем вниз. Мгновенная тишина. Затем глубокий звучный голос заговорил по-французски: «Вы слышали величайшего скрипача мира Никколо Паганини. Он играл для меня. Маэстро пожелал, чтобы перед смертью я уничтожил запись. Но у меня не поднялась рука. Однако я принял меры...»

Дальнейшие слова потонули в нарастающем шуме. В аппарате что-то треснуло, страшный взрыв разнес гробницу, разметал предметы и людей, похоронив их рядом с доном Фернандо Бадахосом Урреага. Детонатор разбросал обломки по просеке. Тонкая полоска серой бумаги взмыла ввысь и повисла на ветви искривленной сосны с красноватой корой.

Владимир Бабула

КАК Я БЫЛ ВЕЛИКАНОМ

Уже месяц, как я отшельничал в Татрах, в домике моего друга Гавелки, известного кибернетика. Маленькая, вполне пригодная для жилья хибарка, прилепившаяся на краешке скалы, над Криваньским озером, дала мне возможность в тишине кончить работу над циклом фантастических рассказов, за которые я уже получил в качестве аванса небольшой туристский вертолет. Слуги-роботы готовили еду и следили за помещением — это избавило меня от хлопот и позволило свободно путешествовать в царстве фантазии.

Татрская весна была в самом разгаре. Правда, озеро еще было сковано набухшим ноздреватым льдом, но в воз-

духе запахло цветочной пыльцой и лесными смолами. Автоматические нагреватели превосходно регулировали температуру в комнате, поэтому я целыми днями мог работать при открытых окнах. Я сидел в углу комнаты, слева от окна, а кругом — на письменном столе и маленьких столиках — грудами были навалены словари, научные трактаты, журналы, кипы исписанной и чистой бумаги.

Но наступил день, который надолго спугнул мой покой и творческую настроенность. Солнце клонилось к Праге, словно спеша украсить ее вечерним закатом. Я зажег настольную лампу. Вдруг что-то зашумело над моей головой. Орленок, подумал я. Он уже однажды залетел в мой кабинет, испытывая свои неокрепшие крылья. Я тогда не сразу его выпустил — хотелось получше рассмотреть отважного летуна. Он так безрассудно кидался на оконное стекло, что я в конце концов решил его отпустить. Неясный шум перешел в тихое жужжание, и на разложенные бумаги — перед самым моим носом — опустился диковинный крошечный самолетик. Жужжание смолкло, и я, застыв от удивления, уставился на невиданный аппарат. «Верно, у какого-то конструктора улетела модель», — первое, о чем я подумал. Но как она могла залететь в такую высоту? Я протянул было руку к диковинной игрушке, чтобы рассмотреть ее получше, но в этот момент дверца самолета открылась и оттуда плавно опустилась на стол какая-то пузатая фигурка в скафандре — ни дать ни взять лягушка: две линзы на вдавленной в плечи голове и кривые ножки. Фигурка принялась прыгать по рукописи, но, увидев меня, замерла, будто я гипнотизировал ее своим взглядом. Она даже не пискнула, но внезапно я почувствовал, что она что-то говорит. Да-да, теперь я уже отчетливо различал отдельные слова.

— Сжалься над нами, человек, — беззвучно говорил странный пришелец. — Мы не игра природы и не игрушка, сделанная человеком. Мы такие же люди, как ты.

Я громко засмеялся, и созданьице испугалось.

— Как же ты со мной разговариваешь? — удивился я.

— Ведь я ничего не слышу, а все же понимаю тебя.

Человечек оживился и, осмелев, шагнул вперед.

— Мы, жители планеты Минускула, в техническом прогрессе превзошли людей. Посредством особых приборов, передающих мысли на расстояние, мы получили возможность общаться не только друг с другом, но и с обитателями иных миров. Это лучше, чем ваша крикливая речь, к тому же мы понимаем друг друга, певизирая на различие языков.

— Но у меня нет этого вашего прибора, я говорю вслух, а ты все равно меня понимаешь, — по-прежнему недоумевал я.

— Твой громовий скрипучий голос только мешает мне воспринимать электрические импульсы твоего мозга. Лучше говори со мной мысленно, так мы легче поймем друг друга.

— Можно я буду хотя бы шептать — поначалу? — взмолился я. — Я не привык разговаривать мысленно. И свои повести я всегда сначала говорю вслух и только потом записываю.

Минускулус благосклонно согласился.

— Нет, нет, прошу тебя, не делай этого, — остановил он вдруг стремительный поток моих мыслей. — Никому не сообщай о нашем посещении. Нам просто хотелось посмотреть на ваш мир как бы инкогнито; вы, люди, — довольно примитивные создания, а воображаете, будто вся Вселенная создана только для вас. Я знаю, о чем говорю, — ты не первый землянин, с которым мы встретились. Мы ведь паткнулись па тебя случайно, скрываясь от людей в далеких горах. Видишь, моя товарищи все еще не решаются выйти из самолета: у нас уже есть горький опыт общения с людьми.

— Ну, если бы человек был таким злым, каким ты его

рисуешь, вас не спас бы никакой самолетик. Такую игрушку я мог бы раздавить пальцем.

— Вот видишь, какое самонадеянное создание человек, — возмутился минускулус. — Ни этот разведочный аппарат, ни наш звездолет не сможет уничтожить никто на вашей негостеприимной планете. И ты не способен причинить ни малейшего ущерба даже мне, безоружному, хоть ты и великан. Мой скафандр выдерживает огромное давление, мощный удар и любую температуру.

— Не бойся, человечек, зачем же мне тебя обижать, — шептал я нежно. («Тебе и скафандр не поможет, если я схвачу тебя и суну в карман», — мелькнуло у меня в голове.)

Минускулус тут же отреагировал на эту мою мысль:

— И это мы уже пережили; именно так встретила нас Земля, — произнес он беззвучно. — Мы приземлились на территории, которую вы называете Южной Чехией, на море (он имел в виду пруд), неподалеку от Тршебоня. Эта местность так походила на нашу планету, что мы отважились продвинуться в глубь континента. Оставив звездолет на берегу, мы сели в разведочные самолеты и двинулись в путь. Я был в первом самолете. Вскоре мы очутились над прекрасным цветущим лесом, так похожим на девственные леса у пас на Минускуле.

И вдруг перед пами возникло какое-то страшилище. Глаза его сверкали, усы топорчились, а голова торчала над лесом на уровне нашего самолета. Увидев нас, великан поднял с земли огромный шест с какой-то сетью, распрямился, став при этом втрое выше, и кинулся на нас. «Такой бабочки я еще не видывал па наших лугах, — вопил он, и голос его разносился по лесу свистящим вихрем. — Как жаль, что я забыл дома очки». Мы быстро опустились на маленькую лужайку, пытаясь скрыться, по он вскоре нас обнаружил. Еле ускользнув от него, мы поднялись в небо, но там пас ждала новая западня — мы патолкину-

лись на огромного змея, запущенного мальчишками. Наш нилот растерялся и повел самолет прямо в костер, у которого грелось несколько мальчиков. Они едва выгребли нас из угольков и никак не могли понять, что это свалилось к ним с неба. Самолет перешел из рук в руки. «По-моему, эта игрушка открывается», — сказал самый сообразительный из них, вынул нож и попытался проникнуть в кабину. Разумеется, он только сломал острье. Тогда, сунув нож в необъятный карман, мальчик попытался заглянуть в окна самолета. Сказать по правде, не так уж приятно было смотреть в его изумленные глазищи, хотя это были всегопавшие глаза ребенка. «Ой, ребята, в самолете сидят куколки! Как они туда попали? — закричал он вдруг. — Верно, самолетик открывающийся!» Наш летательный аппарат подвергся суровым испытаниям: положив его на большой камень, мальчишки что есть силы начали колотить по нему другим камнем. «Эти копсервы нам не открыть, — пришел к заключению тот мальчик, что был похитрее. — Пойдем-ка завтра в Врхлаби, к Франтику, он там на фабрике учеником слесаря работает. Для него разобраться в такой игрушке — пара пустяков». Но и Франтик не справился. И мастер не справился, и даже главный инженер. Мы делали вид, будто мы и впрямь игрушки, и с интересом наблюдали, как о крышку самолета ломаются стальные сверла и отлетают зубья пил. Чем только его не испытывали — и автогеном, и ультразвуком, — все безуспешно. Тогда решили отправить нас в Прагу, в исследовательский институт. Тут же набежали репортеры, о нас заговорили по телевидению, писали во всех газетах. И никому даже в голову не пришло, что мы не игрушка. Правда, какой-то газетчик предположил, что мы — пришельцы с другой планеты, но его только подняли на смех и обозвали горе-фантастом. Потом нас тщательно упаковали — уж не знаю зачем, — сунули в какое-то чудище и повезли в Прагу. Едва мы остались одни, как мгновенно разорвали упаковку.

ковку и вылетели из темницы. Мы нашли убежище на одной из вершин Крконош и только после этого с величайшими предосторожностями стали налаживать связь со звездолетом. Мы тогда еще не предполагали, что у вас совершенно иная система связи и поэтому вы не можете нас подслушивать. Мы установили, что все самолеты благополучно вернулись на базу, но корабль постигло несчастье: скрываясь от великанов в глубь моря, он вместе с морскими обитателями — рыбами — попал в огромные сети. Рыбаки его долго рассматривали и, решив, что это занятная игрушка, отдали детям. Командир экспедиции Минор ночью неосмотрительно покинул звездолет, желая разведать пути к бегству. Но далеко уйти ему не пришлось: его схватил огромный зверь, похожий на кошку, и бедняга вынужден был долго играть с котятами, прежде чем ему удалось бежать.

Наконец весь экипаж собрался в Крконошских горах. Мы нашли прекрасную пещеру и решили там обосноваться. На разведочные полеты отваживались только ночью. Пришла зима, выпал снег, и мы надеялись, что превосходно здесь перезимуем. И вдруг в Крконоших хлынула шумная толпа людей. Нам ничего не оставалось, как перебраться в более отдаленное место, куда еще не ступала нога человека. Мы уже радовались, что нашли наконец такое месечко и сможем по-настоящему познакомиться с чудесной Чехословакией...

— И тут вы наткнулись на меня, — засмеялся я. — Не огорчайся, дружище. Считай, что тебе повезло. Я-то как раз могу вам помочь. На крыше этой хижины находится туристский вертолет, возможно, ты его уже заметил. Я погружу всех вас вместе с вашим «звездолетом» — места там достаточно, — и вы осмотрите самую прекрасную страну на этой планете. Не бойтесь, никто не узнает, какие редкостные гости путешествуют в моем вертолете.

— Твое предложение заманчиво, оно мне нравится, ве-

ликан, — благосклонно сказал минускулус. — Но ты еще не заслужил полного доверия. Покажи свою страну сначала мне одному; я рискну — хотя бы в интересах науки, — а в случае несчастья моя гибель не будет большой потерей для экспедиции. А я уж буду передавать товарищам подробный репортаж о нашем путешествии.

Минускулус махнул крошечной ручонкой — и самолетик улетел, а сам он растянулся на кипе бумаг и сразу уснул. Я перенес его в коробочку, предварительно положив туда ваты, и тоже улегся. Всю ночь я не сомкнул глаз, боясь, что минускулус меня обманет и скроется; но тот спокойно спал до утра. На рассвете я переложил его в коробочку побольше, вырезав в ней несколько окошек, и мы отправились навстречу сияющему утру. Вертолет быстро переносил нас с места на место. С человечком в коробке я пробирался по Деменовским пещерам, лазил по горам, разгуливал по городам и прославленным курортам. Минускулуса я прятал от людей, словно драгоценность. Он целыми днями молчал и только слушал мои торопливые объяснения. А однажды вечером — дело было в Карлштейне — он удрал. Просто исчез вместе с коробкой.

Опечаленный, вернулся я в свою высокогорную обитель. На рабочем столе около пресс-папье лежала открытка.

«Милый Веноуш, — прочел я. — Ты исколесил изрядный кусок Земли и прилежащую часть Вселенной. Ты проносился над кратерами Луны и каналами Марса, спускался в морские глубины и поднимался в заоблачные высоты. Только об одном уголке нашей планеты ты всегда забывал, великан, — о своей собственной стране. Ты пел ей хвалебные гимны, но мало о ней знал. Поэтому не сердись, что я сыграл с тобой эту маленькую кибернетическую шутку, а заодно испытал наше новое открытие — передачу мыслей на расстояние с помощью гравитационного поля.

Твой Карел Гавелка».

Прэсси Брабенец, Зденек Веселы

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ЗАЛИВЕ ДУХОВ

Украденная у влюбленных

— Майор Родин? Очень приятно, здравствуйте. Прошу садиться.

— Спасибо.

Майор внимательно рассматривал своего собеседника. Директор — человек, которому подведомственна Вселенная, для него Луна — объект повседневных запятых. Глядя на него, этого не скажешь. А какие у него руки!.. По субботам он, верно, играет в кегли.

— Вы уже в курсе дела? Случай загадочный, па первый взгляд невероятный. Трагедия на одной из лунных

баз. Но, думаю, лучше поговорить... — Директор нажал кнопку селектора. «Прошу доктора Гольберга». — Лучше поговорить со специалистом.

Молча взяв из предложенного директором портсигара сигарету, Родин закурил и выжидавше посмотрел на дверь.

— Доктор Эрза Гольберг из клиники космической медицины — майор Леопольд Родин.

— Очень приятно. — Медик с интересом всматривался в лицо следователя.

Директор подошел к рельефному глобусу Луны, испещренной таинственными знаками и флагжками пяти цветов.

— Как вам известно, вся исследовательская работа на Луне проводится на наших базах. О них столько писали, ими так восхищались и так часто критиковали, что, вероятно, не стоит что-либо добавлять. Может, лишь самое основное. Экипаж базы в Заливе Духов — а речь пойдет именно о нем — состоит из девяти человек. Четверо научных работников и пять человек технического персонала. К последним относился и радист Михаль Шмидт. Теперь уже не относится... Он умер при обстоятельствах, которые до сих пор не удалось выяснить.

Суть дела сводится к следующему. В 10.59 над радиотелескопом была выпущена красная ракета — призыв к помощи, своего рода SOS лунных морей. И не только морей... Контрольная система отреагировала на сигнал и объявила тревогу. Ровно через три минуты, то есть в 11.02, весь экипаж базы, в скафандрах, сосредоточился на сборном пункте у входа в базу.

— За исключением Ирмы Дари, — напомнил доктор Гольберг.

— Правильно. Отсутствовала радиостанция Ирма Дари. У нее в это время была связь с Землей. По телетайпу.

— Понятно.

— Как только все сотрудники собрались, они устремились к холму. Им открылась невеселая картина. Шмидт, раскинув ноги, лежал на спине, у правой руки валялся сигнальный пистолет, из которого были произведены три выстрела. Установлено, что из шести патронов в обойме не доставало именно трех. Один выстрел лишь оцарапал Шмидта. Но об этом вам подробнее может рассказать доктор...

Майор Родин молча повернулся к Гольбергу.

— В субботу после полудня специальным рейсом тело Шмидта было доставлено на Землю. Предварительно мы получили медицинское заключение от врача базы Реи Сан-тос. Одним выстрелом Шмидту легко оцарапало плечо и задело стольную мышцу, не повредив кости. Другой попал прямо в сердце.

— Итак, первая рана легкая, вторая в сердце. — Родин задумчиво смотрел на лунный глобус. — Так вы говорите, выстрел, поранивший плечо, пробил защитную одежду? Я имею в виду скафандр.

— Ну, конечно.

— Что за человек был Шмидт? Не было ли у него каких-нибудь неприятностей, осложнений?

— Вы имеете в виду, не известны ли какие-нибудь симптомы, указывавшие, что Шмидт подумывал о самоубийстве? Нет, ни о чем подобном мы не знаем. Я связался с командиром экипажа. Он сказал лишь, что Шмидт в последние дни казался задумчивым, замкнутым. Согласитесь, что это не повод для беспокойства, тем более для каких-либо предупредительных мер.

— Да, вы правы, — сказал майор. — Но непосредственный повод к самоубийству может и не играть главной роли в жизни человека, покончившего с собой. Психически здоровому человеку подчас трудно в это поверить. Но разве мало случаев, когда истерик совершил самоубийство

лишь кому-то в отместку или безумец вскрывал себе вены, только чтобы увидеть, как из них хлынет кровь?

Гольберг кивнул.

— Конечно, и такие случаи бывали. И даже еще более непонятные. Но на Земле! Вы не должны забывать, что на лунные базы людей отбирают очень тщательно. Из тысячи кандидатов, майор! Туда не попадет человек с какими-нибудь отклонениями от нормы. А уж о сумасшедшем поговорить не приходится.

— Да, это так, — подтвердил директор. — На Луне сумасшедших нет. За это можно ручаться головой.

— Допустим. А что вы скажете об экипажах других баз?

— Мы проверили. Ни с одной базы в субботу не поднимался ракетоплан и не выезжал вездеход.

— А кратковременные экспедиции?

— Ни одной из них сейчас на Луне нет.

— Итак, остаются два варианта: несчастный случай или самоубийство?

— Несчастный случай я бы исключил, — сказал Гольберг. — Его не могло быть. Не забывайте, что некоторые рефлексы благодаря постоянному повторению приобретают безусловный характер, они становятся как бы динамическими стереотипами, инстинктивной реакцией на определенные комплексы раздражений. Например, в каком бы расположении духа вы ни были, если внезапно загорится свет, вы автоматически зажмуритесь. А у членов экипажа базы в Заливе Духов все манипуляции с пистолетом относятся также к автоматическим реакциям. Шмидта долго тренировали выхватывать пистолет из кобуры и стрелять. Вверх, только вверх и никогда — в плечо или в сердце... В любом случае, даже если бы его способность рассуждать была ослаблена или ограничена, он целился бы только вверх. Разве что внезапные судороги... Нет, — доктор энер-

тично тряхнул головой, — Шмидт не мог застрелиться нечаянно.

— Не забудьте, — добавил директор, — что человеку, одетому в скафандр, довольно трудно прицелиться в сердце. Следовательно, Шмидт действовал сознательно. Первый раз он ранил себя в плечо и поэтому вынужден был повторить попытку.

Майор задумчиво покачал головой.

— Итак, несчастный случай исключается... Скажите, из какого положения были произведены выстрелы?

— Спереди, чуть-чуть справа и сверху вниз. — Гольберг отвечал так, будто его только что разбудили. — Видимо, он держал оружие в правой руке...

— И еще один вопрос: как скоро после первого выстрела Шмидт потерял сознание?

— Через две-три десятых секунды после того, как был пробит скафандр... — врач почти шептал, и директор был вынужден наклониться, чтобы услышать, что он говорит.

— Кое-что начинает проясняться... Дальше!

— Подождите... дальше... — директор ладонью потер лоб. — Мне начинает казаться...

— Предчувствие вас не обманывает. Судя по всему, в Заливе Духов не могло произойти самоубийства или несчастного случая. Шмидт был застрелен, точнее, преднамеренно убит.

— Убит?!

— Да. Факты неопровергимо свидетельствуют об этом. Не так ли? — Майор взглянул на доктора.

— Выходит, что так, — согласился Гольберг. — Это же ясно. Одного не могу понять... как мы не догадались об этом сразу?..

— Убийство... — взгляд директора остановился на лунном глобусе. — Убийство на Луне! Преступление в Заливе Духов! Но ведь это парадоксально, бессмысленно! В наши дни! Кто мог решиться, кто только...»

— Это покажет следствие, — майор Родин сухо прервал поток его восклицаний, — но я сомневаюсь, чтобы это удалось определить отсюда, с Земли.

— Сегодня же ночью вы отправитесь на Луну. Завтра после обеда вы будете в Заливе Духов, — директор щелкнул пальцем по глобусу, — я все устрою. Вы получите сопровождающего. Но кого же? — Он потянулся к телефону, но в последний момент раздумал и посмотрел на Гольберга. — А как вы бы к этому отнеслись, доктор?

— Я собирался завтра на рыбалку, — не очень уверенно начал Гольберг, — но, если майор считает, что я хоть чем-то могу быть ему полезен, я не возражаю.

Оставшуюся часть дня Родин провел в медицинских кабинетах, в баро- и термокамерах, на центрифуге. Когда перегрузки достигли восьми g , он решил, что убийца — сам директор института, который стремится любыми средствами заставить его отказаться от полета на Луну. Врачам не понравилось его слишком низкое кровяное давление, но протокол они все же подписали и около полуночи следователь начал собираться в дорогу.

Недоработанный сценарий

Ракета специальной службы, оставив в небе оранжевый след, исчезла где-то над Морем Дождей. За окном была тихая, загадочная ночь. Тихая, как мысль, и загадочная, как сфинкс. Синус иридуум — Залив Духов.

— Меня чем-то влечет к себе этот пейзаж.

Молчание.

Родин оглянулся: он был один. Ну, конечно, кого же интересуют впечатления новичка, впервые очутившегося на Луне и таращащего глаза на мир кратеров и равнин, покрытых валами крутых гор, окаймленных необозримыми лунными морями, над которыми плавали иззкий, темный небосвод!

Майор отошел от окна, пересек кабину и неслышно, словно следопыт из старинных детских книжек, зашагал назад, туда, где находился командный пост.

— Насмотрелись? — Улыбка покрыла морщинками лицо командира экспедиции Глаца. — Сначала вам все будет в новинку, потом пообыкните, но не берусь утверждать, что полностью.

Раздался негромкий стук в дверь, и вошла стройная брюнетка лет под тридцать.

Родин встал и неловко поклонился — он еще не привык к скафандру.

— Майор Родин, — представил его командир экипажа, — следователь. Он прилетел, чтобы выяснить причину, которая толкнула Шмидта на этот... неожиданный шаг. Врач базы Рея Сантос.

— Следователь на Луне... — Врач подала майору руку. Маленькую смуглую руку с тонкими пальцами хирурга. — Кто бы мог подумать! Вероятно, для вас самого это неожиданность!

— Признаться, такое даже не снилось.

Родин заметил, как Рея Сантос пригладила непослушную прядь и оправила белый халат. Женщины везде одинаковы — и на Земле, и на Луне. Так почему бы здесь не возникнуть таким же конфликтам, как на родной планете?

— Я вам мешаю? — вдруг спохватилась она.

— Ну что вы, — голос Глаца звучал не очень убедительно. — Майор лишь хочет узнать кое-какие подробности об этом печальном происшествии. Ничего больше...

— Ну что ж, тогда до свидания. Увидимся за ужином.

Глац подпял на майора глаза.

— Пожалуй, можно приступать к делу.

— Вы правы. О том, что произошло в ту субботу, я уже в общих чертах информирован. Если разрешите, несколько дополнительных вопросов.

— Пожалуйста.

— Не могли бы вы нам подробнее рассказать о членах вашего экипажа? Чем каждый из них занимается и тому подобное...

— Хорошо. По-видимому, скромнее было бы рассказать о себе в конце, но для вашего удобства я поступлю наоборот. Как вам уже известно, я командир экипажа.

Родин кивнул.

— В случае необходимости меня заменяет Уго Нейман. Ему около сорока. Это опытный пилот, человек очень выдержаный, даже флегматик.

— Скорее стоик, — заметил Гольберг.

— Стоик так стоик. Затем инженер Борис Мельхиад, тридцати четырех лет, самый молодой мужчина в Заливе Духов. По характеру — прямая противоположность Нейману. Несколько вспыльчив, все хочет иметь сразу, но превосходный специалист, феномен в своей области. Затем...

— Извините, что я вас перебиваю, — вмешался Гольберг, — но вспыльчивость эта весьма относительна. Вы же понимаете, майор, настоящих холериков мы сюда не посылаем.

— Верно, — согласился Глац. — Затем радистка Ирма Дари. Недавно ей исполнилось двадцать девять лет. Ну, что сказать о ней? Интересная блондинка. Надежный работник... Перейдем к научным сотрудникам. У нас прямо филиал Академии наук, — Глац слегка улыбнулся. — Врача Рею Сантос вы уже знаете. Она печется о нашем здоровье. Относится к этому серьезно и столь неукоснительно, что это иногда даже действует на нервы. Кроме того, Рея сотрудничает с биологом Кристианом Маккентом. Маккенту около сорока. Они занимаются гидропоникой, ставят опыты на крысах, морских свинках и так далее. Я в этом не очень-то разбираюсь, ведь по профессии я авиаконструктор.

— Итак, шестеро. Остаются еще двое.

— Один из них — астроном Феликс Ланге. Ему под пятьдесят, но на вид он гораздо моложе. Добрый человек, каждому греху найдет оправдание, не любит из мухи делать слона. Его невозможно вывести из себя. Лишь в том, что касается его науки, он немного... — Глац на минуту запнулся, — недотрога. Ланге придерживается довольно своеобразных взглядов, и его теория — табу для всех. Никто не имеет права ее касаться. Ну, а так как за завтраком не очень-то принято говорить о турбулентности звездной материи, то с ним все ладят.

— Кто же у нас остается?

— Океде Юрамото, пятидесяти шести лет от роду. Он старше всех, даже странно, что медицинская комиссия его пропустила. Известный селенолог, это вы знаете. Его родина — Полинезия. Это заметно и по его внешнему виду, и по акценту.

— Ну, а что вы можете сказать о Шмидте? Кстати, нет ли у вас его фотографии?

— Что-нибудь найдем, — Глац вынул пачку цветных фотографий. — Здесь масса снимков — Маккент без аппарата шагу не сделает.

Майор Родин внимательно всмотрелся в снимок.

— Красивый мужчина. Он знал об этом?

— Да, — командир искоса взглянул на фотографию, — что касается женщин, Шмидт не отличался особой скромностью. Я бы даже сказал, что он был весьма легкомысленным.

— И к тому же пользовался успехом.

— Вот именно! Тут-то мы и подошли к тому, что меня крайне удивляет. И в работе, и в личной жизни Шмидту очень везло. Уж если бы мне пришлось составлять список потенциальных самоубийц, поверьте, Шмидт был бы последним, о ком я подумал бы. И тем не менее он покончил с собой. Как странно. Именно Шмидт. Шмидт, — повторил Глац.

— Скажите, Глац, члены экипажа были знакомы друг с другом на Земле?

— Насколько я знаю, в основном нет.

— Вы не могли бы рассказать подробнее, как все это произошло?

— Не так уж долго придется рассказывать. Ничего, собственно, не произошло. Обычный день. Ничто не предвещало трагедии. Утром, как заведено, все разошлись по своим местам.

— Вы говорите, утром...

— Да, в девять утра. Мы с Нейманом остались здесь. Диктовали Ирме Дари радиограмму. Такие сообщения, подводящие итог за неделю, мы посылаем на Землю каждую субботу. Обычно на это уходит все дообеденное время. Но на этот раз мы закончили раньше — в 10.49.

— Время вы назвали наугад?

— Нет, абсолютно точно. Дело в том, что в конце радиограммы отмечается час и минута окончания диктовки.

— Что было дальше?

— Ирма Дари вернулась к себе в радиоузел, а Нейман, одетый в скафандр, направился к ракетоплану. После обеда ему предстояло произвести аэрофотосъемку Альп.

— Вы хотите сказать — Лунных Альп?

Глац с усмешкой взглянул на следователя.

— Разумеется, Лунных... Я вышел в коридор, увидел идущего навстречу Ланге — он направлялся к выходу. Следом появился Мельхиад и начал мне что-то толковать насчет коаксиального кабеля. Мы поговорили минуту-две, издали поздоровались с врачом и разошлись. Инженер вернулся к себе, в механическую мастерскую, а я хотел прибрать на столе. И только начал перебирать бумаги, как зазвучал сигнал тревоги. Остальное вы знаете.

— Да, но если вам нетрудно...

— Пожалуйста. Я взглянул на схему местности, — Глац показал на карту, — в случае тревоги световая стрел-

ка на этой схеме покажет направление, откуда раздался зов о помощи, — и выбежал из комнаты. Меня догнал Мельхиад. У выхода мы натянули скафандры, прошли через шлюзовую камеру и вышли наружу. У входа в базу мы оказались в 11.01, ровно через две минуты после того, как был подан сигнал тревоги. Он прозвучал в 10.59, как об этом свидетельствует лента контрольного устройства.

— Сколько же времени вам понадобилось, чтобы добраться до радиотелескопа?

— Не знаю, по-моему, около двенадцати минут. Там довольно крутой подъем и много поворотов. Когда мы добежали, Шмидт был мертв. Помощь уже не понадобилась. В первый момент мы решили, что это несчастный случай — кому могла прийти мысль о самоубийстве! Но потом, по зрелом размышлении, вынуждены были признать одно — о несчастном случае не может быть и речи. Шмидт застрелился умышленно...

— Вы полагаете, ответ на этот вопрос нужно искать только у Шмидта?

— Ну, конечно. А где же еще?

— Да, — взгляд Родина был устремлен куда-то вдаль, — Шмидт — человек, от которого никто не мог ожидать подобного поступка. Вы же сами назвали его наименее вероятным кандидатом в самоубийцы. И именно Шмидт мертв. Где же логика?.. Ну, хорошо, а что вы можете сказать о поведении Шмидта, помимо легкомысленного отношения к женщинам?

— Как работнику я ему могу дать наилучшую характеристику. Он отвечал за радиосвязь с Землей и другими базами на Луне. Кроме того, он увлекался радиоастрономией, которая для него была не только второй профессией, но подлинной страстью. Чего только он не знал в этой области! Его статьи печатались в научных журналах, он читал лекции, встречался со студентами. Короче, это был

дельный, самоотверженный работник, влюбленный в свое дело. Но у каждого из нас, помимо работы, существуют другие интересы. Его увлечением были женщины.

— Не так-то их много здесь, — заметил Родин.

Чувствовалось, что Глац чего-то не договаривает.

— Вы правы, — неохотно согласился он. — Шмидт — ведь вас это интересует? — сосредоточил свое внимание на Ирме Дари.

— А теперь скажите — это для нас особенно важно, — не замечали ли вы за Шмидтом какой-либо странности в последнее время? Не бросилось ли вам в глаза что-нибудь необычное в его поведении?

— Он выглядел задумчивым, рассеянным. Я иногда ловил его взгляд — он смотрел так, как с Земли смотрят на звезды. Казалось, он не слышит того, о чем говорят вокруг. Могло ли мне прийти в голову, что...

— Вы полагаете, его что-то беспокоило?

— Да. Мне казалось — чисто интуитивно, разумеется, — что он решает какую-то головоломку, мучается над какой-то проблемой.

— Ну, хорошо, мы еще не раз вернемся к этому.

— Всегда к вашим услугам. — Глац поднялся. — Вы, верно, устали; сотни тысяч километров в космосе — это не шутка, — добавил он, улыбнувшись, — хотя и не так противно, как какой-нибудь десяток километров по паршивой дороге. Отдохните — комнаты для вас готовы. Это не самые роскошные апартаменты, но уверяю вас, майор, здесь не хуже, чем в гостинице, вы сами в этом убедитесь. Есть все необходимое, даже ванна. Сейчас трудно себе представить, что каждую каплю воды мы привезли сюда с Земли! Но здесь, на Луне, вода, как вы, очевидно, знаете, совершает рациональный круговорот.

В комнате следователя Гольберг оседлал стул, положив на спинку скрещенные руки.

— Если бы мы не писали летопись наших дней, я бы

сказал, что Шмидт ухаживал за Ирмой Дари, но получил от ворот поворот. Самолюбие покорителя женских сердец было задето, и он почел за благо покончить с собой.

— Да, и такое бывает. Увы, чувства человеческие не зависят от бега времени, — заметил Родин, стягивая скакфандр, — к сожалению, это так.

— Что вы намерены делать?

— Теперь? — майор весело взглянул на Гольберга. — Пополошусь немного в той драгоценной жидкости, которую привезли с Земли, потом отдохну и займусь делом.

— То есть?

— Постараюсь уяснить, что в этом случае кажется мне странным. Меня интересует другое. Ну, хотя бы — почему столь умный преступник придерживался такого непродуманного сценария? Собственно, дело даже не в сценарии. Но вот распределение ролей... Разве не ясно, что роль самоубийцы Шмидту не подходит?

Лишний серпантин

Родин повернулся на другой бок.

Первая ночь на Луне.

В ленивые мысли Родина вплелась еле слышная мелодия. Он напряг слух. Что это? Кажется, Моцарт. Моцарт на Луне!

Мог ли когда-нибудь композитор допустить мысль, что его «Маленькая ночная серенада» прозвучит на Луне!

Интересно, кто бы это мог перед сном слушать Моцарта? Майор мысленно перебрал всех членов экипажа — в том порядке, как его познакомили с ними за ужином.

«С врачом Рейй Сантос вы уже знакомы» — молодая женщина едва заметно кивнула.

«Ирма Дари, сменщица Шмидта на узле связи» —

в глазах под белокурой прядью мелькнула неуверенность.

«Океде Юрамото, селенолог» — изборожденное морщинами лицо было непроницаемо. Глаза, в которых как бы застыла синь океана, неподвижно, но приветливо смотрели на следователя.

«Астроном Феликс Ланге» — это уже были не спокойные и молчаливые глаза Юрамото, но взгляд, который свидетельствовал о сознании собственного достоинства.

«Кристиан Маккент, биолог» — что у него на лице? Любопытство. И какая-то нерешительность, неуверенность в самом себе, но кто знает, не маска ли это.

«Мой заместитель, пилот Уго Нейман» — спокойная улыбка.

«Душа обсерватории, инженер Борис Мельхиад» — энергичное рукопожатие.

«Вот и все. Все мы — из Залива Духов. Восемь человек — теперь».

Восемь человек. И один из вас убийца. Может, именно убийца включил «Маленькую ночную серенаду» и старается музыкой заглушить нечистую совесть, забыть о том спектакле, где он призван быть премьером, забыть маску, которую будет носить до смерти. Если не...

Музыка стихла. Майор посмотрел на часы. Итак, акустические отверстия перегородок перекрыли. Наступил час ночного отдыха. Для него это означает, что пора вставать.

Родин не успел подняться, как кто-то повернул деревянную ручку. Это пунктуальный Гольберг. В скафандре, со шлемом в руке — вылитый портрет конквистадора кисти старого мастера.

— В коридорах никого нет. Мы можем побродить по Луне, и никому ничего не придет в голову.

— Этого мы пока не знаем... Но я хотел вас спросить... Снаружи мы должны как-то переговариваться, не можем же

мы объясняться на пальцах. А говорить можно лишь по радиотелефону. Значит, нас кто угодно может подслушать.

— Конструкторы предусмотрели эту возможность, хотя руководствовались не столь конспиративными побуждениями, а просто стремлением лишний раз не беспокоить людей. Можно вести передачу на произвольно выбранной волне...

— Итак, в 10.59 над Шмидтом выстрелили из ракетницы, — майор еще раз тщательно проверил скафандр, — в 11.02 все стояли у входа в базу. Это как раз те критические три минуты, над которыми я ломаю голову. Мог ли преступник за три минуты добраться с холма, где совершено преступление, к базе? Это надо проверить.

Майор внимательно огляделся. Залив Духов слепой улочкой врезался в холмистую местность, образовав долину, очергания которой напоминали бутыль с широким горлышком. Родин стоял как бы на дне этой бутыли, спиной к склону, где находилась главная база. С левой стороны склон освещался отраженным светом Земли, справа была тьма — черная, густая, непроницаемая. Лишь по зеленым точкам внизу и по звездам наверху можно было угадать, где кончается холм и начинается черное небо. Можно ли разглядеть в этой тьме человека, который бежит в тени?

— Где же этот радиотелескоп?

Доктор поднял руку и указал в сторону, где обрывалась черная тень.

— Вдоль склона у самого выхода из долины.

— Вы не возражаете против небольшой прогулки?

Гольберг ничего не ответил, и они шагнули в лунную ночь.

— По этой дороге тот «некто» не бежал, — тихо донесся голос доктора.

— Я тоже так думаю. — Родин огляделся. — Преступник предпочитает тень. Это звучит драматично, не правда ли?

— Идти здесь вполне можно, можно даже бежать. Местность очень ровная.

Родин внезапно остановился у края плоской вершины. Он словно окаменел. Замер и его спутник.

В холодно мерцающем свете на них двигалось какое-то чудовище. Это был черный квадрат па четырех паучьих ногах и с четырьмя щупальцами наверху. Два были подняты к небу, два протянуты вперед, точно руки слепца.

У майора было такое чувство, будто одно из щупалец погладило его по спине.

— Уф, — выдохнул доктор, — с ума можно сойти! Это же манипуляторы. Они вечно здесь бродят. Помогают, если нужно, что-нибудь исправить, убрать или ведут поиски. Ими управляют с базы по заранее заданной программе.

— Хорошенькая встреча, — проворчал Родин. — Тот, у кого слабое сердце... А что они сейчас здесь делают? Управляют ими кто-нибудь?

Механические руки остановились, одно из передних щупалец коснулось почвы, подняло какой-то темный предмет, видимо камень, и положило его в ящик на передней стороне квадрата.

— Вот видите! — закричал доктор, словно сделал важнейшее открытие. — Они собирают камни, вероятнее всего для Юрамото.

Манипуляторы медленно двинулись дальше, а Родин и Гольберг направились к радиотелескопу.

— Это произошло здесь, — доктор остановился у котышка с оранжевым флагжком и включил фонарек в гермошлеме.

В свете фонаря заблестели три гильзы.

Следователь подобрал их и тщательно осмотрел все вокруг.

— Мне очень жаль, доктор, но вам придется пробежаться. Я сейчас сойду вниз, к входу в базу, а когда мигну вам фонариком, принимайте старт.

Майор вернулся в долину, вытащил секундомер, неуклюжими пальцами в толстых перчатках нажал на спуск и мигнул фонариком.

«А что, если за нами следят? Правда, Гольберг побежит в тени, но, возможно, этот «некто» пользуется инфракрасными очками».

В наушниках он ясно услышал сопение доктора. Интересно — здесь, на Луне, он весит так мало, всего каких-нибудь килограммов двадцать пять вместе со скафандром, а так тяжело дышит. Видимо, бежит изо всех сил. Наконец доктор вынырнул из тени.

— Ну, что? — с трудом выговорил он.

— Шесть минут двенадцать секунд.

— Шесть минут! А я так мчался! Уверяю вас, майор, никто не смог бы пробежать это расстояние за три минуты. Ис-клю-че-но!

— Но Шмидта не могли застрелить издали. Три гильзы валялись у радиотелескопа. И именно трех патронов недоставало в пистолете убитого радиста! Нет! Издали его не могли убить!

— Это верно, но ведь кто-то стрелял! Кстати, в указанное Глацем время здесь собрались не все. Отсутствовала Ирма Дари. Она утверждает, что в этот момент у нее была радиосвязь с Землей.

— Да, Ирма Дари... Взгляните-ка, доктор, а здесь, оказывается, людно!

С холма спускалась фигура в скафандре. За ней тянулась тень, прыгающая по скалам.

— Переключитесь-ка на общую волну, — сказал Гольберг.

Майор нажал на кнопку.

— Алло, вы двое, вы меня слышите? Говорит Юрамото!

— Слушаем вас. Говорит Гольберг. Со мной майор Роддил.

— Кто же еще здесь сейчас может быть? Птицу узна-

ют по оперению, человека — по делам. Любопытный новичок не успокоится даже ночью.

— Еще бы, — в голосе майора чувствовалась усмешка, — я буду жалеть о каждой минуте, которую потерял на сон. Когда-то мне удастся еще раз побывать на Луне? А что вы делаете здесь, профессор? Мне казалось, что вы видите второй сон.

— Дорогой мой майор, сон с возрастом уходит. Петухи и старики поднимаются затемно.

— Говорят, профессор, что сложные с виду задачи иногда решаются очень просто. И в математике, и в человеческой жизни, — заметил Родин.

— От души желаю, чтобы это подтвердилось и в вашей работе здесь.

— Вы имеете в виду дело Шмидта... Честно говоря, пока мы бродим в потемках. Я все пытаюсь представить себе, что могло вывести его из равновесия? Не отразилась ли на нем здешняя обстановка?

— Глаза видят сказку, разум постигает истину. — Океде Юрамото улыбнулся. — Может быть, да, а может быть, и нет.

— Я действительно здесь впервые. И, верно, вам мои вопросы покажутся наивными, но скажите, отличается ли это место от других районов Луны? Есть ли здесь что-нибудь особенное...

— Что вы имеете в виду, майор? Нечто необычное по отношению к будничному? Здесь — все особенное с земной точки зрения. Но если подходить с «лунным стандартом», ничего необычного вы здесь не найдете. Короче, вы должны научиться на все смотреть глазами обитателя Луны. Даже когда бегаете.

— Что вы хотите этим сказать, профессор? — Родин тщетно старался рассмотреть выражение лица селенолога. В отблеске света лицо Юрамото за защитным стеклом казалось неясным и невыразительным.

— Я говорю то, что думаю. Слово — посланец мысли. Добавлю только, что, если человек поймет это, он может сэкономить время, не тратя его на бег по серпантинам.

Наступила тишина. Абсолютная тишина, какую по-настоящему ощущаешь лишь во Вселенной. Но до слуха следователя дошло чье-то учащенное дыхание. Чье — Юрамото или Гольберга?

— Почему именно по серпантинным дорогам, можете вы спросить? Да потому, что вы на Луне. Спокойной ночи, друзья.

Лишь после того, как за селенологом закрылись стальные двери шлюзовой камеры, две фигуры в скафандрах повернулись друг к другу и нажали на кнопки на панелях.

Первым заговорил доктор.

— Он следил за нами. С какой целью? Он смотрел, как я бегаю. И что, черт побери, должны означать его слова? Как же бежать, как не по серпантину! Да и то, что мы находимся на Луне, — это мы тоже без него знаем!

— А что, если спрыгнуть вниз? Какова высота этого склона?

— Сматря где. Метров тридцать — сорок. Не хотите же вы, чтобы я сломал... Постойте, мы же действительно на Луне! Я понял. Вшестero меньшая сила тяжести, следовательно, и замедленное свободное падение — такое же, как на Земле с высоты четырех-пяти метров.

— А выдержит ли скафандр? Может, он не приспособлен для подобных акробатических прыжков?

— Он выдержит и более грубое обращение. Я скорее опасаюсь за собственные ноги.

— Если вы боитесь...

— Кто говорит о страхе?

Гольберг прошел по равнине до самого «горлышка» и внимательно оглядел место под обрывом, над которым торчал радиотелескоп. Ровное место, без камней и углубле-

ний. Поднявшись наверх по извилистой дорожке, он остановился в ожидании сигнала, а затем прыгнул вниз и по ровному месту добежал до базы.

— Неплохо, — одобрительно сказал Родин. — Две минуты пятьдесят семь секунд — меньше трех минут.

— Вот видите! Мог кто-нибудь это сделать? Мог!

— По крайней мере те трое, что прибежали в субботу последними...

— Вы имеете в виду...

— Последними прибежали селенолог Юрамото, пилот Нейман и астроном Ланге. «На это ушла еще минута, в 11.02 все были в сборе», — так, кажется, говорил Глац.

— Значит, и этот проклятый бег, и этот дьявольский прыжок — я еле дохромал, думал, у меня будет кровоизлияние — имели какой-то смысл?

— А по-вашему, я заставлял вас бегать ради собственного удовольствия?

Фотоальбом

— Я хотел вас кое о чем спросить, — Родин бесцеремонно сел и посмотрел на Глаца.

— К вашим услугам.

— Скажите, пожалуйста, если бы вы, не будучи на базе, узнали вдруг, что здесь кто-то покончил жизнь самоубийством, о ком вы прежде всего подумали бы?

Глаза командира, суженные в две щели, неподвижно смотрели на пресс-папье.

— На этот вопрос не так легко ответить. Видимо, о Ланге.

— О Ланге?

— Да, мне кажется, он мог бы попытаться разрешить какую-нибудь трагическую проблему именно таким путем. Я имею в виду — трагическую с его точки зрения. Да, Ланге, может быть, смог бы. Повторяю, может быть. Но

чтобы Шмидт — никогда бы о нем не подумал! Вот видите, майор, чего на самом деле стоят подобные предположения.

— По-вашему, Ланге не так дорожит жизнью, как остальные?

— Нет-нет, вы меня плохо поняли. Я убежден, что Ланге очень дорожит своей жизнью, это жизнь завидная. Он — один из известных астрономов, создатель особой астробиологической школы, кумир многих молодых учених. У него есть все основания быть довольным жизнью, именно поэтому он ею дорожит. Но попробуйте понять меня. Доведись ему испытать потрясение, которое пошатнуло бы основы его существования, — я, правда, не представляю, что бы это могло быть, — жизнь для него потеряла бы всякий смысл.

— Благодарю вас. Но вернемся к Шмидту.

Тщательный осмотр комнаты покойного радиста занял немногого времени. Встроенная мебель, одежда, белье. Слишком мало, чтобы составить представление о личности Шмидта. Звездный атлас, логарифмические таблицы, несколько научных книг, всякая мелочь, которую нередко увидишь в комнате мужчины, пресс-папье, игрушечная обезьянка, фотография собаки, портативный магнитофон. Внимание майора привлекла записная книжка Шмидта. В ней были заметки, относящиеся к его работе. И все же в комнате оказалось нечто необычное. Фотоальбом. На каждой странице портрет — фотография молодой красивой женщины. Блондинки и брюнетки, улыбающиеся и серьезные, — тридцать, сорок снимков. Ни имени, ни инициалов. Лишь дата — день, месяц, год.

— Так, значит, Шмидт все-таки был психически неполноценным человеком, — Родин машинально перелистывал альбом.

— Психически он абсолютно здоров, — сказал доктор Гольберг. — Не станете же вы утверждать, что каждый,

кто коллекционирует фотографии своих любовниц, — патологическая личность?

— Если он женат, — сухо ответил майор, — то наверняка.

Захватив записную книжку, магнитофон и фотоальбом, они перешли в рабочее помещение радиоста, напоминавшее не то станцию дальней радиосвязи, не то радиотехническую мастерскую. Здесь внимание Родина привлекли лишь несколько катушек с магнитофонной пленкой, датированных предыдущей неделей. Той неделей, которая окончилась убийством.

Майор Родин начал перелистывать записную книжку. Обычные отметки о качестве приема, короткие заметки, запись о том, что какой-то Бен Талеб прав, критикуя интерферометры за известную неточность. «Вернуть Анне письма!!!» Три восклицательных знака! Тут же — «считают — значит мыслят», «высокую частоту поглотит вода», «черта с два что-нибудь поймаешь». На другой странице отметки о любительских радиопередачах, принятых большим радиотелескопом Луны. В скобках — «Магда, отпуск в августе».

Ничего достойного внимания... Но вот на одной из последних исписанных страниц ряд чисел: 23, 29, 31, 37, 41, 43, 47, 53, 59, 61, 67, 71, 73, 79, 83, 89, 97, 101...

— Что бы это могло означать? — Гольберг наморщил лоб. — Код? Но какой? Единицы измерения? Какие? Даты? Исключено. Волны? Бессмыслица. Если это ключ к шифру, то вряд ли он хранился бы так небрежно в записной книжке, которая валяется на столе. Вам ничего не бросилось в глаза, майор?

— Все числа нечетные?

— Вот именно — нечетные. Как по-вашему, что бы это могло означать?

— Представьте себе, не знаю. В радиосвязи я не разбираюсь, да и в математике никогда не был силен. Может,

Ирме Дари что-нибудь об этом известно? Впрочем, увидим. Послушаем-ка магнитофонные записи.

Но ничего интересного они не услышали, лишь неясный шум, треск, шипение, вой, будто кто-то включил испорченный радиоприемник. Гольберг безнадежно пожал плечами.

— Что будем делать?

— А вот что — отыщите блондинку и приведите ее сюда.

Немного позднее майор предложил Ирме Дари кресло.

— Всего лишь несколько вопросов, если, конечно, у вас есть время.

— Вы хотите спросить о Михале?

— Да. Где вы с ним познакомились?

— Здесь. Точнее, на сборах, недели за две до отлета. Но ближе, конечно, уже здесь. Мы ведь с ним коллеги.

— Да, верно, вы сменяли друг друга на радиоузле. Нам об этом говорил Глац. Расскажите, что за человек был Шмидт.

Ирма беспомощно вскинула руки.

Могли ли они кого-нибудь убить, эти тонкие руки? Майор быстро отвел взгляд.

— Ну, что вам сказать? — нерешительно начала радиостанция. — Он был легкомысленным, это вам уже говорили, так о нем думает каждый. Но это не значит, что он скользил по верхам. Во всяком случае, в работе он был другим. С профессиональной точки зрения Михаль был намного квалифицированнее меня и, безусловно, гораздо опытнее.

— А каким он был вне работы?

— Остроумный человек, приятный в компании. Даже милый. Любил пошутить, иногда в нем проскальзывало что-то мальчишеское.

— Скажите, когда вы видели Шмидта в последний раз, я хочу сказать — живого Шмидта?

— Утром того дня. В субботу. Мы позавтракали и

вместе пошли в узел связи. Михаль занялся открытками для радиолюбителей...

— Открытками?

— Да, так у нас принято. Михаль часто ориентировал радиотелескоп на Землю и ловил передачи радиолюбителей. А потом сообщал им об этом. Для них это была огромная радость, что их слышали на Луне.

— Значит, это было после завтрака...

— Да, около девяти утра он направился к большому радиотелескопу, и больше я его не видела.

— И не слышали? — добавил Родин.

— Нет, слышала. Мы связались в десять часов. Каждый, кто находится вне базы, должен ежечасно давать о себе знать.

— Значит, в десять вы с ним разговаривали?

— Да, точно в десять. Он сказал лишь: «Все в порядке» — больше ничего.

— Вы в этот момент находились в радиоузле?

— Нет, с девяти часов я на командном пункте записывала еженедельный отчет. Но я переключила туда телефон.

— Еще вопрос. Не замечали ли вы в последнее время, что Шмидт как-то изменился? Скажем, не был ли он чем-то подавлен?

— Меня уже об этом спрашивал командир. В последние дни Михаль действительно казался каким-то странным. Чересчур молчаливым. Но это была не грусть и уж никак не депрессия. Скорее замкнутость, углубленность в себя. Пожалуй, так вел бы себя тот, кто занят решением какой-то сложнейшей задачи.

Родин некоторое время колебался, а потом посмотрел девушке прямо в глаза.

— Не считите за праздное любопытство, я должен об этом спросить. Вы нравились Шмидту?

— Видимо, да. То есть ему нравились почти все женщины...

— Как вы думаете, не мог ли Шмидт страдать из-за какой-нибудь женщины, скажем из-за вас?

Ирма слегка улыбнулась.

— Понимаю — Шмидт воспыпал любовью, положил к ногам Ирмы Дари сердце, но та его отвергла и он с горя решил покончить счеты с жизнью...

— Но...

— Бросьте, майор, нельзя же всерьез принимать эту версию. Можете спокойно ее отвергнуть.

— Я бы не стал утверждать этого столь категорически. Не он первый, не он последний...

— В принципе вы правы, мужчины иногда ведут себя как дети, у которых отобрали любимую игрушку. Упрямятся и бьются головой о стенку. Но Михаль не был упрямым ребенком, а я — не игрушка.

— Прошу прощения, — нерешительно начал майор, — но, чтобы прояснить положение... вы с кем-нибудь находитесь в более близких отношениях?

— Вы, верно, слышали о Мельхиаде. Я и Борис знаем друг друга еще с Земли.

Доктор Гольберг виновато посмотрел на радиостанцию.

— Не сердитесь, Ирма, что мы так назойливо лезем вам в душу. Можете поверить — нам крайне неприятно выспрашивать об этих подробностях, которые на первый взгляд касаются лишь вас двоих. Но только на первый взгляд.

— Я понимаю, доктор. Все совершенно нормально. Ведь обо мне и Борисе знают все. Мы знакомы давно, прекрасно подходим друг другу. Мы хотели пожениться.

— Хотели?.. — Майор слегка поднял брови. — А теперь уже не хотите?

— Да нет же, конечно, хотим. Но перед самой свадьбой мне предложили принять участие в этой экспедиции. И мы решили подождать возвращения. Право же, Море

Дождей — не самое лучшее море для свадебного путешествия.

Майор взял в руки альбом Шмидта, словно взвешивая его.

— Мы просматривали вещи, которые остались после Шмидта. Вам знаком этот альбом?

— Нет.

— Взгляните.

Ирма Дари открыла альбом, перевернула несколько страниц, подняла глаза и молча взглянула на следователя. Потом снова посмотрела на коллекцию женских портретов, которая в этой обстановке казалась попросту неуместной. Она переворачивала страницу за страницей, задержалась на последней фотографии и перевернула следующую, пустую страницу.

— Я знаю, о чём вы думаете, — сказала она спокойно. — На этой странице должна быть моя фотография.

Дверь за радиостройкой давно закрылась, но в комнате по-прежнему царила тишина.

— Вы удивлены? — прервал молчание доктор.

— Немного.

Родин заклопнул альбом, который машинально перелистывал.

— Извечный треугольник.

— Даже на Луне.

— Да, даже на Луне. Здешняя жизнь не меняет человека физически, почему же она должна менять его психику? В Заливе Духов люди остаются людьми... Но дело не в этом.

— В Ирме Дари?

— И не только в ней. В треугольнике, в классическом треугольнике — он, она и еще один он. Его связывают с ней длительная симпатия и любовь, но вот на сцене появляется другой, который мимоходом соблазняет ее. Предположим, что их отношения не перейдут в более глубокое

чувство. Если дело дойдет до конфликта, кто из них способен совершить преступление? Естественно, что не тот, другой, так как с его стороны этот поступок был бы бессмыленным. Остается пара, связанная любовью. Кто из них, по-вашему вызывает большие подозрения?

Доктор вопросительно посмотрел на майора.

— Какую эпоху вы имеете в виду? — помолчав, спросил Родпн.

— Так, — в голосе доктора почувствовалось разочарование, — значит, и вы над этим думали.

— Да. Такие случаи бывали, и нередко. В создавшейся ситуации жертвой иногда становился человек, случайно проникший в чью-то тайну. Поводом для преступления служил страх оказаться высмеянным или униженным.

— Вот видите, значит, у нее могли быть веские причины, чтобы совершить убийство. Страх, что будет раскрыта ее тайна, боязнь шантажа, опасение потерять его любовь, ненависть к тому, другому, который, возможно, воспользовался ее слабостью. И еще с десяток самых различных, часто ложно истолкованных факторов. Вам понятна моя мысль?

— Как всегда.

Доктор подозрительно посмотрел на майора, но капитулировал перед невинным выражением серых глаз.

— А теперь давайте наполним этот треугольник конкретным содержанием. Она — это Ирма Дари, он — Борис Мельхиад, еще один он — Михаль Шмидт. А у Ирмы Дари для критического момента нет алиби!

— Пока нет. — Майор встал и положил альбом на полку.

— Вы намерены связаться с Землей относительно Ирмы?

— Разумеется.

— Ну да, необходимо уточнить детали субботней радиосвязи. А почему бы вам заодно не поинтересоваться

спортивными увлечениями радиистки, скажем прыжками в воду? Возможно, она участвовала в соревнованиях по этому виду спорта.

— Вы никак не можете забыть своего прыжка со скалы!

— Вот именно.

— Что ж, неплохая идея, — заметил майор, снял трубку радиофона, набрал нужный номер.

— Залив Духов. Директора института, пожалуйста. Это Родни. — Майор нахмурился и посмотрел на доктора. — Не отвечает... Алло! Да, я. Что? Я помешал?.. Снова тихо... Что? Не понял.

Доктор прикрыл ладонью микрофон.

— Так вы никогда не договоритесь. Задав вопрос, следует немножко подождать. Ведь вы говорите с Луны, радиосигнал вначале летит на Землю, ответ придет не раньше чем через несколько секунд.

Майор улыбнулся, и на лице его появилось добродушно-мальчишеское выражение.

— Простите... Да, я уже понял. Я хотел вас кое о чем спросить. Во-первых, свяжитесь с человеком, который в субботу принял радиограмму из Залива Духов... Во-вторых, меня интересует, не увлекается ли Ирма Дари каким-либо видом спорта. Например, прыжками в воду, альпинизмом, парашютизмом... Да, я подожду... Так. Спасибо.

Прикрыв микрофон рукой, следователь повернулся к Гольбергу.

— У вас хороший нюх, доктор, — Ирма Дари действительно увлекается... но художественной гимнастикой. Бояюсь, что этот вид спорта вас не заинтересует. Зато я узнал, что кое-кто из экипажа парашютную подготовку прошел... Да, да, понимаю. Но мне необходимо связаться с этим Кроницким. Пожалуйста... Соедините меня с ним по обычному каналу. В Вене? Тогда дайте Вену... Сами? Хорошо, я подожду...

— Так кто прошел подготовку? — спросил доктор.

— Нейман, Мельхиад, Маккент.

— Вот оно что!

— Алло! Алло! Не прерывайте... Нет, не положу... Алло! Это Кроницкий? Добрый день. Говорит Родин. Я говорю из Залива Духов, меня послали, чтобы расследовать смерть Шмидта. Мне хотелось бы уточнить кое-какие подробности относительно субботней радиосвязи. Вы сами были у аппарата? Хорошо. По словам радиостки Ирмы Дари, все было в порядке. Да? Очень рад. А вы уверены, что приняли всю радиограмму? Можете ли вы утверждать, что на другом конце провода, то есть, конечно, не провода... что там была Ирма? Я понимаю... разумеется, все останется между нами... Так, понятно. Благодарю вас. Этого достаточно. Простите за беспокойство. А этой девушке на станции скажите... Впрочем, ничего не говорите. Еще раз спасибо.

Родин повесил трубку и повернулся к Гольбергу.

— Милый доктор, мне жаль, но я вынужден вас огорчить. Приготовьтесь к самому худшему. Нет никаких сомнений, что Ирма Дари лично передавала радиограмму.

— А как вы можете это доказать?

— Во избежание ошибок текст радиограммы передается дважды. После того как текст передан первый раз, лента перематывается и аппарат не работает примерно полминуты. Кроницкий лично знает Ирму Дари, и под конец он отстукал ей комплимент. Вот, оказывается, для каких целей служит межпланетная радиосвязь. Не мешало бы об этом знать начальству. Ирма Дари ответила Кроницкому, и якобы довольно язвительно.

Гольберг возбужденно зашагал по комнате.

— Неужели это все-таки обманутый возлюбленный?

Убийство на почве ревности?

Родин с беспокойством следил за Гольбергом, который раскачивался на стуле.

— Нужен лист бумаги, — доктор стал выворачивать карманы, — у нас накопилось довольно много материала, и чем дальше, тем больше данных. В этом обилии фактов от нашего внимания может ускользнуть какая-нибудь важная деталь, скрытая зависимость. Значит, все нужно записать. Так, запишем сначала имена восьми членов экипажа. Будем вычеркивать их по мере установления алиби.

— Понятно.

— Начнем с радиостанции. «Дари Ирма», — записал он и перечеркнул это имя жирной волнистой линией. — Остальных я запишу столбиком. Так, следующий, конечно, Борис Мельхиад, — вполголоса диктовал доктор, тщательно, почти каллиграфически выписывая буквы, — это ясно. Убийство на почве ревности.

— Допустим, вы правы. Убил Мельхиад. Но как?

— Как? Да, — Гольберг забарабанил записной книжкой по руке, — в этом вся трудность. Если позволите, я постараюсь исходить из тех фактов, которые нам уже известны.

— Не возражаю.

— Мы знаем, что Мельхиад в 10.50 находился в коридоре перед кабинетом Глаца. В момент объявления тревоги, то есть через девять минут, он снова оказался там. И оба раза без скафандра. Следовательно, у инженера процентное алиби. Он не мог одновременно находиться здесь, в доме, и у радиотелескопа. — Гольберг выжидающе посмотрел на следователя.

— Вы правы, физически — не мог. Но принимая во внимание еще один вариант...

У доктора от разочарования вытянулось лицо. Трудно

даже себе представить, что бы это могло быть... И все же Родин попытался.

...Шмидт работает у подножия радиотелескопа. На бугристую почву падает тень гигантской конструкции. В пепельном свете — прямые и изогнутые линии проводов и контуры траверса. Внезапно по этой паутине начал красться отвратительный, гигантский паук, словно выползший из царства чудовищ. Шмидт увидел тень, но лишь слегка повернул голову, она не могла его испугать, он столько раз видел, как работают манипуляторы. Шагающие диоды, триоды, реле остановились за его спиной.

На этот раз механизм подчинялся убийце.

— Знаете, доктор, — сказал Родин, — я понимаю, что вас смущает. Я тоже склонен предполагать, что ответ должен быть менее сложным. Убийство при помощи манипуляторов — это слишком фантастично.

— Да, но вправе ли мы исключить эту версию?

— Ну, что ж, попытаемся воссоздать картину преступления. Манипуляторы приблизились к Шмидту и выжидали, пока он повернется к ним лицом, — пуля в спине исключала бы версию самоубийства. Когда радиостартер повернулся, раздался выстрел, другой. Затем, подняв пистолет вверх, манипуляторы дали сигнал тревоги. Так вы себе это представляете, доктор?

— Именно так.

— Но в таком случае — к чему вообще эта тревога? Кому выгодно, чтобы ракета взлетела к небу? Ведь это только усложнило дело и запутало то, что без сигнала тревоги казалось совершенно ясным. Каждому, естественно, пришла в голову одна и та же мысль: почему Шмидт сначала позвал на помощь, а потом застрелился? Если убийца пошел на это, то какую цель он преследовал?

— Алиби.

— Для этого не было необходимости объявлять тревогу. О гибели Шмидта так или иначе стало бы известно

ровно через две минуты. Помните — Ирма говорила, что каждый член экипажа, находясь вне базы, должен сообщать о себе. Шмидт в одиннадцать не сообщил бы о себе, его стали бы искать...

— Верно, — доктор задумчиво забарабанил блокнотом по столу. Неожиданно он встрепенулся. — И все-таки — алиби! Если бы о смерти Шмидта стало известно лишь после контрольного вызова в одиннадцать часов, убийце потребовалось бы алиби на все время между десятью и одиннадцатью.

— Да, в этом что-то есть, — помедлив, произнес Родин.

— В таком случае Мельхиада надо поставить на второе место в нашем списке подозрительных лиц.

— Будь по-вашему. Кто же тогда будет третьим?

— Разумеется, Ланге. — И доктор написал: «Ланге Феликс». — Вам интересно, почему именно Ланге?

— Не скрою, интересно.

— Мне кажется, это человек, который при определенных обстоятельствах вполне мог покончить жизнь самоубийством, а значит, и оказаться убийцей Шмидта. Но мотив преступления?..

— Что вас смущает?

— Не знаю, как обосновать — из-за чего он мог совершить преступление? Хотя... Помните, Глац утверждал, что, когда дело касается науки, Ланге противоречить опасно. Допустим, у него со Шмидтом вспыхнул научный спор. Предположим — я, правда, в этом не очень-то разбираюсь, — что речь шла о какой-нибудь сверхновой звезде, имеющей большое научное значение. Допустим, что, прежде чем астроном обнаружил ее с помощью телескопа, радиостасек какие-то сигналы своим блюдечком.

— Допустим. Переходим к следующим.

— Осталось еще пять человек. Двое из них — Юрамото и Неймап — могли пробежать от радиотелескопа до базы за три минуты. Мы не знаем, какие счеты у них могли

быть с Шмидтом, но сейчас не это важно. Итак, начнем с Юрамото, — доктор тщательно вывел на листке имя селепиолога. — Это он посоветовал нам не тратить время на серпантинную дорогу. И я вас спрашиваю, с какой целью? Чего он хотел этим достигнуть? Избежать подозрения и указать на то, что рано или поздно нам все равно стало бы известно?

— Пока оставим его и займемся Нейманом.

— Да, — доктор записал: «Уго Нейман». — Один из троих, кто прошел парашютную тренировку. А также один из троих, кто прибежал последним и мог успеть пробежать расстояние между радиотелескопом и входом в базу. Единственный, кто отвечает сразу двум этим условиям. Может, поменять их местами с Юрамото? Ну, ладно, пусть будет, как записано. Остаются трое. Пожалуй, я бы отдал предпочтение Рее Сантос. Ее можно подозревать по тем же причинам, что и Ирму Дари, но как бы отраженным в зеркале. Ревность, оскорбленное чувство, озлобление. Отвергнутые женщины могут быть жестокими... Теперь биолог, — Гольберг неразборчиво написал: «Маккент Кр.». — И, наконец, — он нацарапал какую-то закорючку, — командир экипажа Глац. Вот мы всех и собрали...

...Постучав в дверь механической мастерской, доктор пропустил следователя вперед.

Человека, занимавшего в списке подозреваемых второе место, они нашли у светящегося телевизора со щитом управления, на котором было множество различных выключателей и кнопок. Мельхиад вращал две рукоятки и сосредоточенно смотрел на экран. Металлические щупальца манипуляторов закрывали какое-то круглое отверстие.

— Так вот они, эти знаменитые манипуляторы! — сказал Родин.

— Да, — Мельхиад отложил в сторону поляризационные очки, — я проверял атомный реактор.

— Величайшее изобретение! Что бы вы без них... Кстати, мы наткнулись на них вчера вечером у входа в базу.

— У входа?.. Позвольте, я освобожу стул. Ошибаетесь, очевидно, вы видели их на холме, на верхнем плато.

— Совершенно верно, это было наверху. Сначала я испугался, но потом они меня привели в восторг. По словам доктора, они могут вдеть нитку в игольное ушко. Но он явно преувеличивает.

— Нет, отчего же? — Инженер наконец освободил стул. — Однако, я полагаю, цель вашего визита — не восхищение манипуляторами. Вы пришли из-за...

— Из-за Шмидта. Вы правы. Не могли бы вы нам рассказать что-нибудь, что пролило бы свет на его смерть. Странную смерть.

— Вряд ли. У нас не было ничего общего, и мы не очень-то дружили.

— Знаю. Но ведь вы неделями жили вместе. Когда вы видели его в последний раз?

— В субботу утром. За завтраком. Больше я его не видел, так как возился с телесистемой.

— Глац говорил о какой-то поломке.

— Да, повреждение коаксиального кабеля.

— Долго вам пришлось с этим повозиться?

— До 10.45. Исправив повреждение, я доложил командиру, что все в порядке, потом снова вернулся сюда, и, когда готовил запасные элементы к солнечным батареям, прозвучал сигнал тревоги. Я все бросил, выскочил в коридор, чуть было не сбил Глаца, и мы вместе побежали к выходу. Надели скафандры — и в шлюзовую камеру. Это все. О Шмидте я ничего не знаю.

Майор подошел к пульте дистанционного управления.

— Скажите, а почему Шмидт не воспользовался этими манипуляторами для ремонта радиотелескопа? И что, собственно, там было за повреждение?

— Какая-то мелочь. Что-то с входным кабелем. А что

касается манипуляторов — то все очень просто: Шмидт не умел с ними обращаться.

— Не знаете ли вы, что могло угнетать его в последнее время? Он с вами не делился?

— Если бы я знал, то уже сказал бы вам. — Мельхиад тоскливо взглянул на полуразобранный детектор. — Кто знает, что его угнетало. Он не сказал об этом даже Ирме, я спрашивал ее.

— Нам говорили, что в отношении женщин он вел себя... несколько легкомысленно.

Лицо Мельхиада застыло.

— Это он умел. Но что касается Ирмы — тут нашла коса на камень. Знаете, она не из тех женщин.

Поблагодарив инженера за информацию, майор заглянул к Глацу.

— Маленькая деталь, командир. Нам вчера повстречались манипуляторы. И я подумал — в них же есть телекамера! Если в субботу с ними кто-то работал, возможно, он видел...

— Никто ничего не мог видеть. Манипуляторы целый день торчали у входа. Я чуть не упал, споткнувшись о них.

Доктор Гольберг с мрачным видом вошел за майором в его комнату и тяжело опустился на стул. Вытащив свой листок, он перечеркнул фамилию под номером два: имя Мельхиада исчезло под жирной волнистой линией.

— Остается еще шесть имен, — буркнул он. — Немного...

— Точнее — лишь пять, — сказал следователь.

— Что вы имеете в виду?

— Мельхиад подтвердил алиби командира. Во время тревоги Глац был в помещении. Это не вызывает сомнения.

— Правильно, — Гольберг провел третью черту и задумался над оставшимися фамилиями.

Трамплин во Вселенную

Ланге отложил в сторону таблицу кривых Планка и откинулся в кресле.

— Мое мнение о Шмидте? — Астроном на мгновение задумался. — Великолепный специалист в области связи. Это и понятно, иначе его бы сюда не послали.

— Конечно, конечно, но сейчас для меня важнее его поведение в быту, какие-нибудь черточки характера. Мы пытаемся понять — чем можно объяснить его трагическую кончину?

— Личная жизнь... Что вам сказать? Это не так просто. Меня не интересует личная жизнь других. У меня для этого нет ни времени, ни желания.

— Вы часто сталкивались с ним по работе?

— Часто. Здесь у каждого со всеми установлены тесные контакты. Иначе нельзя проводить исследования.

— А было ли что-нибудь такое, что бы вас особенно сблизило? Общие знакомые, например, или проблемы, над которыми вам обоим приходилось работать?

— Нет, ничего такого. Шмидт скорее был техником, чем ученым.

— А ваша работа... — начал майор.

— Чисто научная. Астрономическая обсерватория — главный объект базы. И не только здесь, в Заливе Духов, но и на всех лунных станциях. И это понятно.

— Ну да, Луна — это трамплин во Вселенную.

— Совершенно верно. Луна — это трамплин во Вселенную. Первый шаг человека во Вселенную ознаменовал начало новой эры человечества. Через Луну проходит путь разума в космос.

— Разума обитателей Земли, — уточнил Родин.

— Конечно. Никакого другого разума быть не может. — Голос Ланге стал ледяным.

— Вы так думаете? — Следователь в нерешительности погладил подбородок.

Доктор Гольберг заерзal на стуле.

— Я не астроном, это область науки, в которой вы, разумеется, чувствуете себя как рыба в воде, но подобная категоричность меня удивляет.

— Не вижу в этом ничего удивительного.

— Если я вас правильно понял, вы утверждаете, что никаких разумных существ с интеллектом хотя бы так же развитым, как у человека, во Вселенной не существует?

— Хотя бы как у человека... — иронически усмехнулся астроном. — Это значит, я должен допустить, что есть существа, по умственному развитию приближающиеся к человеку. Но это не так. Истина заключается в том, что во Вселенной нет никаких разумных существ, которые по уму, чувствам, поведению и техническому развитию могли бы сравниться с человеком даже эпохи неолита.

Доктор Гольберг решительно выпрямился.

— Значит, вы предполагаете, что нигде во Вселенной мы не встретим существ, находящихся на той же стадии развития, что и мы, и никогда не сможем найти с ними общего языка?

— Я не предполагаю, я твердо знаю это. Человек — единственное, исключительное явление во всей Вселенной. Он высший продукт ее развития и полновластный хозяин. Сегодня он уже находится на пороге своего господства. Он подчинит себе другие миры во Вселенной, выберет самые лучшие, и придет время, когда он будет управлять планетарными системами многих сотен ближайших звезд!

— Любопытная теория, — вежливо сказал Гольберг и посмотрел на Родина, словно ища у него поддержки, — но мне кажется, что она противоречит общепринятым взглядам.

— Я понимаю, что вы хотите сказать: Фламмарион,

множество обитаемых миров и тому подобное. Чушь, сказки, спекуляция на человеческом невежестве и чувстве одиночества во Вселенной. Бредни фантастов и неучей. В древности считали, что небо поддерживает всемогущий бог, но путешественники никакого божества не нашли. Общепринятое мнение оказалось ложным. Вспомните, было время — Землю называли плоской. Но нашелся португальец, объехавший вокруг Земли, и он доказал, что Земля — шар. И этот взгляд оказался опровергнутым. Кстати, сколько лет прошло с того времени, когда верили, что на Луне обитают какие-то удивительные существа? Когда астрономия сделала еще один шаг вперед и этой небылице нельзя было дальше верить, разумные существа были переселены на ближайшие планеты. Ну, да — смуглые, златоглазые марсиане и прочие вымыслы. А когда и из этого ничего не вышло, предсказатели взялись за планетарные системы звезд нашей Галактики и еще дальше во Вселенной! Бред, чепуха! Фламмарион и ему подобные — либо злостные обманщики, либо неисправимые мечтатели. На самом же деле разумные обитатели Вселенной — такие же сказочные существа, как циклопы на Земле. Космическое пространство принадлежит и всегда будет принадлежать лишь человеку. Нам, людям.

Куда девалось хладнокровие Ланге! Страстная речь, в глазах фанатизм, весь он словно одержимый.

Следователь посмотрел на Гольберга. На щеках доктора от возбуждения выступили красные пятна. Превосходно! Чем жарче спор, тем хуже человек владеет собой, тем легче узнать его подлинные мысли.

— По-моему, вы потеряли всякое чувство меры, — застальчиво произнес доктор, — я еще не слышал, чтобы кто-нибудь высказывал антропоцентристическую теорию в столь категоричной форме! Если встать на вашу точку зрения, человек во Вселенной — явление унпкальное. И вся Вселенная существует лишь для того, чтобы служить нам,

людям. И нигде в природе, в бесчисленных и далеких мирах, нет существ, могущих хотя бы приблизиться к нам по своему интеллекту. Вы это хотите сказать?

— Вот именно. — Ланге уже взял себя в руки.

— Но позвольте, — казалось, доктор испытывает почти физическую боль, — вы же лучше меня знаете, что Млечный Путь состоит из ста пятидесяти — или около этого — миллиардов звезд. И у этих звезд не знаю сколько уж там миллиардов планет! Неужели ни на одной из них не могла развиться жизнь, как на Земле? Невероятно, немыслимо, антинаучно! Вы не имеете права отстаивать подобную чепуху!

— Прошу вас, — Ланге улыбнулся холодной, высокомерной улыбкой человека, имеющего неоспоримое преимущество перед своим противником и знающего об этом, — не станем же мы ссориться, как дети. Мне тоже кажется невероятной гипотеза, что где-то, помимо Земли, развилась жизнь. И тем более в таких формах, как на Земле. Что там есть разумные существа, обладающие интеллектом, подобно человеку.

— Если подойти к вашей теории с позиций математики... — начал было доктор.

— Именно математика подтверждает мою правоту. Допустим, что при определенных условиях жизнь на нескольких планетах действительно начала бы развиваться в направлении усовершенствования интеллекта. Представим себе для сравнения, что длительность существования планеты Земля соответствует длительности нашей жизни. Чему, по-вашему, равнялся бы в этом случае «период существования» интеллигентного человека? Образно говоря — примерно секунде, одному мигу. А теперь представьте, какова вероятность, что два человека, каждый из которых моргнет лишь раз в жизни, сделают это одновременно! Примерно такова же вероятность, что жизнь разовьется одновременно на Земле и на планете X. Выраженная

математически, эта величина настолько ничтожна, что практически равняется нулю. Вам ясно?

Гольберг с удивлением взглянул на Родина.

— Интересно, — сказал следователь, — это что же, ваша теория, ваша точка зрения?

— В самых общих чертах и с оговорками, касающимися аргументации. Будь это научный симпозиум, я, разумеется, говорил бы иначе. Человек родился на Земле, но его миссия не жить в колыбели, а покорить Вселенную. Поэтому нигде во Вселенной не может быть разума, противостоящего нам. Мы можем лишь встретить средства, способствующие человеческому прогрессу.

— Скажите, у вас... — Родин пытался найти нужное слово, — у этой вашей теории много последователей?

— Вы хотите оценить ее по внешнему эффекту? В науке шумиха не имеет значения. Кто когда-то верил, что Земля круглая и что она вертится вокруг Солнца, а не наоборот!

— Это верно, — заметил Родин, — но мне кажется, мы уклонились от основной темы нашей беседы. Я хотел бы вернуться к мертвому радиству. Нас, как вы понимаете, интересует время, непосредственно предшествовавшее его смерти. Вам пришлось разговаривать в этот день со Шмидтом?

— В субботу? Не помню. Возможно... впрочем, кажется, не пришлось. А если и говорил, то о чем-нибудь незначительном. Хотя да, вспомнил, мы говорили о солнечном шуме. Обменялись парой фраз.

— Это имело отношение к вашей или к его работе?

— К его. В обязанности Шмидта входила связь с Землей, лунными станциями, а также с космическими кораблями и искусственными спутниками. Качество приема, как известно, зависит от солнечной активности. Кроме того, Шмидт проводил и радиоастрономическое наблюдение.

— Ну, конечно, он не смотрел во Вселенную, он ее слушал.

Ланге улыбнулся — не насмешливо или саркастически, как прежде, а непосредственно, почти как ребенок.

— Можно и так сказать.

— Во время разговора с радиостом не бросилось ли вам в глаза что-либо особенное?

— Насколько мне помнится, нет.

— Не вспомните ли, где и когда вы с ним говорили?

— Постойте, когда же это было? Во время завтрака... вспомнил — в шлюзовой камере.

— И после вы уже его не видели?

— Лишь издали. По дороге к обсерватории я заметил его внизу у базы, но он тут же погрузился в тень. Номера на скафандре, мне, разумеется, различить не удалось, да я и не пытался. Но это должен был быть он, никто, кроме него, в ту сторону не шел.

— А потом?

— Я работал наверху, в куполе большого рефлектора. Изучал Кастор С.

— Кастор С?

— Это одна из переменных звезд. Но вряд ли это вас может заинтересовать. Закончив наблюдение, я спустился вниз, в фотолаборатории проявил снимки...

— Когда это было, вы не помните?

— Не помню. Спросите нашего врача, она в тот момент была в лаборатории, может быть, она вспомнит. Я обработал негативы и направился в обсерваторию. По дороге меня застала тревога.

— Вы видели ракету?

— Видел, хотя и не смотрел в ту сторону. Но красный отблеск был таким интенсивным и длительным, что его просто нельзя было не заметить. К тому же в наушниках гермошлема раздался сигнал тревоги.

— Вниз бежать нетрудно. Вы пришли вовремя.

— Как сказать. Я оказался последним. Глац и другие уже собирались. Но быстрее добраться я не мог, обрыв довольно крут, дорога едва намечена, а последнее восхождение на Матерхорн я совершил четверть столетия назад.

Родин отыскал в записной книжке радиста страничку с загадочными числами и показал ее астроному.

— Вот это мы нашли в блокноте Шмидта. Не знаете, что бы это могло означать? Как астроному, вам математика должна быть близка.

Ланге внимательно разглядывал пометки Шмидта.

— Нечетные числа. Но не только. Это простые числа. Что это может значить? Не представляю. Возможно, это записи какого-то шифрованного сообщения. Другое объяснение мне в голову не приходит.

— ...Фанатик! — возмущенно твердил доктор, когда они вернулись в комнату следователя. — Таких в средние века на кострах сжигали. Или — такие других сжигали. Пожалуй, так вернее... Надеюсь, вы ему не верите?

— Мы должны уточнить время у Реи Сантос.

— Рея Сантос! Вы мне напомнили... — Гольберг наклонился и заботливо ощупал щиколотку.

— Болит?

— Не переставая. Как видите, и на Луне безрассудные прыжки дорого обходятся.

— Попробуйте походить.

— Вы думаете? — Гольберг встал, сделал энергичный шаг, но тут же, скорчив гримасу, сел. — Проклятая нога. Ладно, пойдемте к Рея Сантос, она чем-нибудь поможет.

— А сами вы не в состоянии что-либо сделать?

— Не забывайте, что я занимаюсь психиатрией, майор.

— Ну что ж, в таком случае попробуйте вылечить ногу средствами вашей специальности. Я имею в виду самовнушение, — невинно заметил Родин.

— Заведующий стоматологическим кабинетом не вырвет сам себе зуб.

— Ну, тогда пошли...

И они отправились к Рее Сантос.

— Я пришел к вам за помощью. — Казалось, Гольберг в чем-то оправдывается. — У меня болит нога. Несудачно прыгнул. Кто бы мог подумать, что здесь...

— Хотела бы я знать, где это вы так прыгаете? Второй случай за эту неделю. Боюсь, что скоро на базе потребуется ортопед. Недавно мне пришлось просвечивать подвернутую стопу.

— В самом деле? — Родин умышленно отвернулся, стараясь избежать многозначительного взгляда Гольберга.

— Ну, конечно. Это было... Да, в субботу. В тот самый день, когда Шмидта нашли мертвым возле радиотелескопа.

— А я не видел, чтобы кто-нибудь хромал.

— А почему Юрамото должен хромать? Через два дня доктор Гольберг тоже сможет прыгать, как козочка.

Родин огляделся.

— У вас здесь превосходное оборудование... Ну, раз уж мы заговорили об этой злосчастной субботе, не могли бы вы сказать, что здесь, собственно, произошло? Вы видели в тот день Шмидта? Разговаривали с ним?

— Нет. То есть да. За завтраком. Потом я видела его там. Но разговаривать с ним уже было нельзя.

— Что же могло случиться? Попробуйте вспомнить обо всем, что происходило в субботу. Быть может, какая-нибудь незначительная на первый взгляд деталь окажется важной.

— Боюсь, что толку от меня будет немного. Суббота ничем не отличается от всех остальных дней. Ничего особенного не случилось. Завтрак прошел, как обычно, — за столом велась ленивая беседа. Потом я пошла в ординаторскую, затем — в кабинет. Кстати, хотите посмотреть? — Она позвала Родина в соседнюю комнату. — Это химическая лаборатория и аптека. К счастью, мы ею не часто пользуемся. Здесь ни у кого еще ни разу не болела голова.

— Вернемся к субботе. Астроном Ланге утверждает, что он около получаса провел в фотолаборатории.

— Да, если не считать того момента, когда ему понадобился бромистый калий.

— И вы говорите, он ушел через полчаса?

— Да, около одиннадцати, незадолго до того, как произвучала тревога.

— Незадолго? Минут за пять, десять, за минуту?

— Минут за восемь-девять. Кто бы мог подумать, что это последние минуты Шмидта? Невероятно! Сразу же после Ланге я тоже вышла. Когда он прощался со мной, я уже надевала скафандр. В коридоре мне встретились Глац и Мельхиад. Я прошла шлюзовую камеру и направилась в оранжерею.

— По дороге никого не встретили?

— Нет. Я только видела, как несколько раз зажглись рефлекторы ракетоплана. Вероятно, в нем был Нейман.

Казалось, Рея чего-то не договаривает, она все время настороже. Но почему? Боится сказать лишнее?

Родин поднялся и извинился за беспокойство.

В комнате следователя Гольберг со вздохом вынул листок со списком подозрительных лиц.

— Вы готовитесь вычеркивать? — спросил Родин.

— Да, но кого?

— Видимо, обоих, не так ли, доктор?

— Итак, у нас остаются?..

— Маккент и Нейман — двое из тех троих, что прошли парашютную тренировку.

— И Юрamoto.

— Да, Юрamoto с вывихнутой стопой.

Зеленый оазис

Издали оранжерея напоминала гигантские мыльные пузыри, вздувшиеся над поверхностью Луны.

— Здесь нет ни одного кусочка ровного стекла, — комментировал Гольберг, — стеклянные купола должны быть очень прочными, чтобы противостоять внутреннему давлению. Под каждым куполом — одна из секций оранжереи, герметически отделенная от других.

Маккент поднялся навстречу посетителям, его глаза выдавали нескрываемое любопытство.

— Вы хотите осмотреть оранжерею? Правильно, никакая цветная фотография не передаст того, что вы сами здесь увидите. Вы интересуетесь ботаникой?

— Каждый из нас в какой-то мере интересуется ботаникой. — Майор оглядел небольшой кабинет. Полки, на которых стояли батареи пробирок и колб. Стол с различными микроскопами и тиглями. Грядка, которая словно купалась в синем ксеноновом свете. — Хоть я и не специалист, но, разумеется, помидоры от свеклы отличу. Однако, признаюсь, таких плодов я не видывал.

— Это не помидоры, это редиска, — улыбнулся Маккент, — одно из наших маленьких чудес — результат деятельности моих предшественников. После меня продолжит опыты кто-нибудь другой. Каждый подсыпает свою горсть зерна жерновам, и в конце концов мы достигнем цели — изменения биологических особенностей растений. Мы поставим агротехнику с ног на голову.

Биолог отложил гигантскую редиску и освободил два стула, смахнув с них комья глины.

— Присаживайтесь. Вы ведь приехали сюда не на экскурсию. Видимо, речь пойдет о том несчастном случае?

— Да, и в этой связи я бы хотел задать вам несколько вопросов.

— Ну, конечно, я готов ответить, хотя и не уверен, что могу быть вам полезным. Вам уже удалось что-нибудь выяснить?

— Мы ищем кончик нити, которая привела бы нас к истине. Как по-вашему, что могло толкнуть Шмидта на

столь непонятный шаг? Казался ли он вам человеком отрешенным, чем-то озабоченным?

— Нет.

— Но ведь должна была быть какая-то причина, — начал доктор, — сейчас не то время...

— Не то время?

Маккент иронически улыбнулся.

— Разумеется, техника движется вперед семимильными шагами. А наивные люди полагают, что человек также претерпел огромные метаморфозы, что его удастся втиснуть в прокрустово ложе идеального общества. Благо, по их мнению, социальные корни нежелательных тенденций устраниены...

— Но по-прежнему существуют следователи и даже целая наука — криминалистика, вы это хотите сказать? — перебил его Родин. — Было бы по меньшей мере легкомысленно столь упрощенно смотреть на вещи. Выращивая свои растения, вы стремитесь уменьшить потери за счет устранения вредного влияния среды. Аналогичная задача стоит и перед нами. Я согласен, что с растениями проще и быстрее, чем с людьми. Но вырастить здоровые, выносливые растения, которые не сломает первый же порыв бури, не свалит ночной мороз, которые не боятся засухи, — для этого нужно время. Не только в природе, но и в обществе.

— Тем самым вы признаете, что и у вас есть свои незгоды. И не только стихийные.

— Мы же не говорим, что наш путь устлан розами. Кстати, и у роз есть шипы. Как биолог, вы должны это знать.

— Ваша работа, — сказал Маккент, — полезна для общества. Вы кружитесь около виновного, а он об этом не знает. А может быть, и знает... нет, не хотел бы я быть в его шкуре — круг сужается.

— Наверное, это не очень приятно. — Взгляд майора был устремлен куда-то вдаль. Неясная мысль коснулась

его сознания, будто слова Маккента что-то ему подсказали, но он не мог уловить этой мысли. — Однако вернемся к Шмидту. Когда вы его видели последний раз?

— Затрудняюсь сказать. Очевидно, за завтраком. Да, совершенно верно — в столовой.

— А что вы делали потом?

— Работал. Здесь, в оранжерее. Потом надел скафандр и совсем собрался в лабораторию, как вспыхнула ракета и прозвучал сигнал тревоги. Я сразу понял, с кем несчастье.

— Что вы имеете в виду?!

— Ракета вспыхнула над радиотелескопом, а там работал Шмидт. Я прошел щлюзовую камеру и побежал к базе.

— Вы никого не встретили по пути?

— Никого.

— У входа вы были первым. Не подскажете ли, в каком порядке прибежали остальные?

— Попробую вспомнить. Через несколько секунд появилась Рея Сантос. Потом из базы выбежали Глац и Мельхиад, следом за ними — Нейман и Юрамото, и наконец появился Ланге. А, собственно, вам это к чему?

— Мы хотим восстановить полную картину.

На обратном пути доктор молчал. Он заговорил, лишь сняв скафандр в комнате Родина.

— Ну-да, — он покачал головой, — Маккента придется вычеркнуть. Нет сомнения, что именно он был первым у входа. Меньше чем через две минуты после появления ракеты. Никакие силы не могли помочь ему пробежать расстояние от радиотелескопа сюда, вниз, за две минуты.

— Я бы задал дополнительный вопрос, — тихо произнес следователь. — Маккент бежал от оранжереи и был у входа первым. Рею Сантос тревога застала тоже почти у оранжереи, и она прибежала второй. Интересно, не правда ли? Особенno если учесть, что они не встретились.

Доводы доктора Гольберга

— Итак, значит, Нейман или Юрамото. Кто бы мог подумать? — Эрза Гольберг с недоверием смотрел на листок бумаги. Из восьми имен шесть было вычеркнуто. — Знаете, даже сейчас я бы не отважился гадать, кто из двоих это сделал. Оказывается, быть гадалкой не так уж легко.

— В криминалистике не только трудно — рискованно.

— Очень рискованно. С кого же начнем... Я имею в виду — начнете?

— Пожалуй, — майор секунду колебался, — с Неймана. Идет?

— С Неймана, так с Неймана. Кое-что мы о нем знаем, то есть — чем он занимался утром. Алиби у него есть.

По словам Глаца, Нейман утром находился в его кабинете. Они вместе готовили радиограмму на Землю. После окончания, примерно в 10.50, Нейман ушел. Чем он занимался потом?..

— Что я делал потом? — Нейман лениво прищурил глаза. — Направился к ракетоплану.

— Вы намеревались совершить полет?

— Да, после обеда.

— И поэтому пошли подготовить машину?

— Совершенно верно.

— По дороге встретили кого-нибудь?

— Нет.

— Этим ракетопланом, как вы его называете, можно управлять и на расстоянии?

— Конечно.

— Могли бы вы сэкономить время и проверить исправность приборов, не поднимаясь в кабину ракетоплана?

— Да, но этим я бы ничего не достиг.

— Не понимаю.

— Ракетоплан стоял рядом с радиомаяком, с которого осуществляется дистанционное управление. И поскольку

я все равно был там, какое имело значение — проводить проверку с маяка или непосредственно из кабины?

— Правда ли, что Шмидт ловил сигналы с Земли?

— Да, радиостов-любителей, — подтвердил пилот, — он даже посыпал им открытки.

Когда они остались одни, доктор внимательно посмотрел на следователя. Наконец он провел ладонью по лбу, словно отирая капли пота.

— А что делать? — промолвил он. — Кто бы мог подумать! Итак, все-таки Юрамото! Неужели он?.. — Гольберг покачал головой. — Но арифметика неумолима — остается он один. У всех остальных есть алиби. Надежное, сто-процентное алиби.

— А Неймана вы зачеркнули?

— Конечно. Если за три минуты до тревоги он занимался рефлекторами ракетоплана, то в 10.59 его не могло быть на холме у радиотелескопа. Так же как и Ланге... О чём вы задумались, майор?

— Ну, как бы вам получше объяснить? Меня гложет... мысль, что я забыл о чём-то важном. Что мы в чём-то ошибаемся, что-то проглядели. Я почти ухватил эту мысль во время беседы с Маккентом, но потом она вновь от меня ускользнула.

— Вы не можете что-то вспомнить?

— Вот именно.

— Ничего, — уверенно сказал психиатр, — обязательно вспомните. Стоит лишь воспроизвести весь разговор, восстановить все подробности, представить себе все визуально. Кто где стоял, выражение лица и тому подобное. И вы схватите эту мысль, что упорно скреблась в вашей памяти. А теперь пойдемте к Юрамото, последнему в нашем списке.

Сейсмическая станция, расположенная у самой подошвы обрыва, напоминала половину исполинского яйца допотопного ящера. Серо-белые стены четырьмя иллюми-

наторами глазели на плоскую долину, раскинувшуюся перед базой.

— Так вот где вы работаете, — произнес Родин, осматривая овальное помещение, — я представлял себе кабинет селенолога иначе.

Лицо Юрамото осветила приветливая улыбка.

— Это не единственное мое рабочее место. Но здесь я бываю часто. Здание построено в стороне от других помещений, так как здесь установлен один из сейсмографов.

— Здесь?

— Да, прямо под вами, в шахте. Он помогает нам слушать Луну.

— Это, верно, очень чувствительный прибор?

— Хотите взглянуть?

Да, майор хотел взглянуть.

Юрамото нажал кнопку, тяжелая крышка люка поднялась. Перед ними возникла винтовая лестница, покрытая мягким ковром. Внизу, на двадцатиметровой глубине, в довольно обширном помещении, — пожалуй, не меньше верхнего — в полутьме виднелся сейсмограф с высоко поднятым плечом. В подземелье скрещивались три узких зеленых луча.

— Как видите, ничего особенного. Похож на любой сейсмограф на Земле. Отраженные лучи увеличивают амплитуду малейшего колебания, которое тут же регистрируется. Самописец прибора чертит линию на равномерно движущейся бумажной ленте. Взглянуть на сейсмограмму можно наверху.

— Говорят, некоторые из этих приборов настолько чувствительны, что могут зарегистрировать даже биение человеческого сердца, — заметил Родин.

— Могут, если стоять вблизи аппарата и на твердом основании. Сейсмограф реагирует не на звук, а на колебания. Правда, каждый звук — это механическое колебание,

но не каждое колебание сопровождается тем, что мы привыкли называть звуком.

Наверх поднимались молча.

— А вот здесь вычерчивается сейсмограмма. — Селенолог осветил бумажную ленту, и они увидели волнистую черту. У самого кончика самописца волны как бы лихорадочно заметались.

— Что это значит? — доктор дотронулся до защитного стекла.

— Прибор зарегистрировал наши шаги. А возможно, биение сердца.

— Несмотря на ковер?

— Да, несмотря на то что лестница и пол изолированы.

— Я сожалением констатирую, — Родин на секунду замолчал, но морщинистое лицо селенолога было непроницаемым, — что мы не очень-то продвинулись вперед в расследовании дела. Мы хотели бы кое-что уточнить.

— Понятно. Вас интересует, не я ли убийца Шмидта.

Позже, вспоминая этот драматический момент, доктор Гольберг заметил: «Я был потрясен, майор, но вы даже глазом не моргнули. Это было великолепно — наблюдать, как вы оба соревнуетесь в выдержке».

— Совершенно верно. — Родин поудобнее уселся в кресле. — Не трудно ли вам объяснить, почему вы не могли быть убийцей?

— На родине моих предков сохранилось много пословиц. Разрешите привести одну из них: «Тигр не допрыгнет до орла».

— То есть вы хотите сказать, что в момент смерти Шмидта были далеко от него?

— Наслаждение — купаться в росе, но еще большее наслаждение — говорить с человеком, который понимает тебя. Именно это я и имел в виду.

— В момент, когда раздался сигнал тревоги...

— ..я был здесь. Именно на этом месте. Еще точнее — я только что вернулся.

— Могу ли я узнать, откуда именно?

— Снизу. Из шахты. Ежедневно до обеда я спускаюсь вниз, проверяю приборы и делаю об этом отметку.

— Значит, в критический момент вы спускались по лестнице, какое-то время проверяли сейсмограф и снова вернулись. Правильно?

— Абсолютно правильно.

— Сейсмограммы сохраняются?

— Вы хорошо знаете свое дело, полковник!

— Майор, с вашего позволения.

— Простите. Вы неплохо ориентируетесь в незнакомой обстановке. С вами приятно побеседовать.

Юрамото поднялся и подошел к ящику у стены.

— Здесь находится субботняя сейсмограмма.

Наклоняясь над развернутой лентой, Родин внимательно слушал объяснения селенолога. Юрамото достал другие сейсмограммы, и майор начал сравнивать их между собой.

— Не объясните ли...

— С удовольствием. Я пришел сюда в 10.31 утра. До 10.49 (с точностью до секунд) сейсмограф ничего особенно не зарегистрировал, так как я сидел за столом и писал. Вот здесь сейсмограмма начинает отмечать мой спуск, пребывание внизу, подъем наверх. Вот это — удар дверей в шлюзовой камере, а что означает эта линия, вы наверняка угадаете...

— Удаляющиеся шаги.

— Да, когда я бежал к базе. Эти вот незначительные, неравномерные отклонения я бы отнес за счет людей, бежавших к радиотелескопу, и переполоха, вызванного первым убийством на Луне.

Родин поднял глаза и посмотрел на Гольберга — в глазах доктора мелькали изумление и растерянность. Он снова повернулся к Юрамото.

— Это похоже на алиби.

— Нет, — улыбка селенолога была очень дружелюбной, но в ней чудилось сочувствие, — это и есть алиби.

— Вы так думаете?

— Твердо знаю.

— Я буду откровенен, профессор, вы, вероятно, поймете меня. Мне нужна полная ясность. А что, если это не субботняя сейсмограмма? Что, если на ней заранее или позднее было что-нибудь подрисовано?

— Должен вас разочаровать, майор. Мое алиби неоспоримо. Я уже говорил, что ленту обычно меняю в полдень. На это уходит немного — всего две-три минуты. Но это значит, что мы ежедневно теряли бы эти несколько минут. Во избежание потери времени с 10.50 до 12.10 самописцы одновременно записывают сейсмограмму на две ленты.

Селенолог развернул перед майором обе ленты. Он прав. В этом не оставалось ни малейшего сомнения. На субботней ленте действительно были зарегистрированы те же колебания. Они неопровергимо доказали алиби Юрамото.

— Еще два вопроса, если позволите, — устало сказал следователь.

— Кто даст напиться путнику, сам не будет страдать от жажды. Но у верного ли вы источника, майор?

— Не сомневаюсь. Итак, первый вопрос: почему на сейсмограмме не зарегистрирована тревога? Точнее, выстрел из ракетницы?

— Потому что сейсмограф не реагирует на свет.

Снова этот скрытый сарказм в словах Юрамото. «Не начинают ли у меня сдавать нервы, не поддаюсь ли я раздражению?»

— А ударная волна распространяющихся газов, возникшая при выстреле, была слишком слабой, — продолжал селенолог. — Что же касается сотрясения, которое приборы отметили в критический момент, то это, возмож-

но, отдача. Тело перенесло этот, разумеется, ослабленный толчок на лунную поверхность.

— А почему вы говорите — возможно?

— Потому что отклонение слишком сильное, а радиотелескоп сравнительно далеко. Скорее это все-таки удар или прыжок вблизи от базы. Я затрудняюсь это объяснить.

— Вы сказали — прыжок?

— Да, прыжок или падение с большой высоты.

— Благодарю вас. И последнее — почему вы решили, что Шмидт убит?

— Совестно признаться, майор, но я понял это довольно поздно. Лишь увидев доктора, бегущего к радиотелескопу, я подумал, что, похоже, вы пытаетесь воссоздать картину убийства, и тут я прозрел. Как это сразу не пришло мне в голову! Ведь будь это самоубийство, в скафандре Шмидта не могло быть двух пулевых отверстий. Первый же выстрел оказался бы для него смертельным. И тогда я вам сказал, что преступник мог не бежать по серпантину, а спрыгнуть.

— Вам не приходит в голову, кто мог быть в этом замешан?

— Не имею ни малейшего представления, майор. Могу сказать лишь одно: кто бы ни был убийца, нервы у него железные. Ведь, как только вы прилетели, он должен был понять...

— Вспомнил! — Следователь резко повернулся к доктору. — Вспомнил, о чем я подумал, когда мы были у Маккента. Но эта мысль тут же выскоцила у меня из головы и я никак потом не мог ее воскресить. «Вы кружитесь около виновного, — сказал Маккент, рассуждая о нашей работе, — а он об этом не знает. А может быть, и знает... нет, не хотел бы я быть в его шкуре — круг сужается». Но, очевидно, вас это совсем не интересует. — Родин обернулся к селенологу.

— Жаль каждой росинки, которая не освежит цветка.

— Хорошо. Что мы выигрываем, делая вид, что речь идет о самоубийстве? Ничего, больше того, пропгрываем. Ведь преступника не обманешь. Скрытность — на руку убийце. Я скажу об этом всем утром. Не буду навевать страшных снов.

Юрамото проводил гостей до дверей шлюзовой камеры.

— Гости из дома — печаль на порог.

Снаружи было тихо, холодно, неприветливо.

— Кажется, мы безнадежно влипли. — Вопреки отпечатанной и собственноручно подписанной инструкции «Как обращаться со скафандром» доктор отфутболил шлем в угол комнаты. — Смотрите, — с горечью добавил он и перечеркнул последнюю фамилию в своем блокноте. — Так! А теперь, быть может, пройти весь список заново?

— А почему бы и нет? — Родин сунул руку в карман, но тут же безнадежно махнул рукой: что за идея — за претить на Луне курить!

— Начнем с Глаца. С 9.00 до объявления тревоги он находился на командном пункте, у стены с телевизором.

— Дальше!

— Что касается инженера Мельхиада, то Глац, Ирма Дарн и Рей Сантос подтвердили его алиби около 10.50.

— Переходим к самой Ирме. До 10.50 она была у Глаца, потом вернулась на узел связи и наладила радиосвязь с Землей. Ее корреспондент утверждает, что около 11.00 она отвергла его радиокомplименты. Следовательно, в этот момент она не могла быть у радиотелескопа.

— Ланге?

— Тот, кто вознес человека до уровня бога! У него алиби примерно с 10.30, когда он вошел в фотолабораторию.

— Маккент?

— Биолог оказался у входа первым. По-видимому, он появился там в 11.01, не позднее. За две минуты он не мог

добрежать от радиотелескопа до базы, даже если бы прыгнуло с обрыва.

— Кто же остался?

— Нейман, который за несколько минут до тревоги включил прожектора ракетоплана. Это подтвердила Санtos. Никого, кроме этих восьми, здесь не было. И тем не менее Шмидт убит.

Четверг: завтра наступит рассвет

Родин и Гольберг пришли к завтраку последними. Им достались места в конце стола.

— Что это вы так торжественно, — Ирма Дари улыбнулась Гольбергу, — будто готовитесь произнести... — она не закончила.

Родин окинул взглядом сидящих за столом.

Рея Сантос подперла голову руками, задумчиво глядя на доктора. Ирма Дари подчеркнуто тщательно намазывала масло на хлеб. Феликс Ланге отсутствующим взглядом уставился в потолок. Пилот Нейман потихоньку жевал. На лице Юрамото не отражалось ничего, кроме учтивости. Пальцы Мельхиада быстро вращали чайную ложечку. Во взгляде командира чувствовалось беспокойство.

— Разрешите? — майор взял чашечку. — Благодарю. Да, я должен кое-что вам сообщить. Это мой долг, хотя и не очень приятный.

— Это касается Шмидта? — Маккент подвинул стул поближе к следователю.

— Да, это касается Шмидта. Неопровергимо доказано, что Михаль Шмидт не мог сам в себя выстрелить. Его убили. Доказательства? Я полагаю, достаточно веские. В Шмидта выстрелили дважды. Первым выстрелом пробило скафандр, и радиострелок мгновенно погиб — в ничтожную долю секунды наступила разрывная декомпрессия и мол-

ниеноносная гипоксия. Спрашивается, каким образом он мог вторично нажать курок?

Тишина, тяжкая, почти осязаемая, повисла в столовой. Ее нарушил резкий хруст — это Нейман разломил сухарик. Ирма вздрогнула.

— В момент убийства поблизости никого, кроме членов вашего экипажа, не было. Очень жаль, но я вынужден сказать: один из вас — убийца.

Голос майора звучал спокойно, деловито, и все же он вызвал тягостное молчание.

Ирма зябко передернула плечами. Рея Сантос бросила на нее быстрый взгляд. Маккент переводил взгляд от одного к другому. Мельхиад бешено крутил ложечку.

И только Нейман, который все это время посвятил завтраку, деловито вытер губы салфеткой.

— Ваши доводы, майор, крепко сшиты логикой: кто-то из нас убил Шмидта.

— Но кто, кто мог это сделать, если все мы были в других местах? — допытывался Маккент.

— Это покажет дальнейшее расследование.

— Вы уверены, что найдете преступника?

— Абсолютно уверен.

Снова воцарилась тишина. Только быстрые взгляды на миг останавливались то на одном, то на другом. Кто? Как? Из-за чего? И снова — кто? Яд недоверия, вкравшийся в группу из восьми человек, начал свою разрушительную работу.

Нейман встал, отодвинул тарелку и повернулся к Глацу.

— Пойду-ка проверю двигатель.

И сразу напряжение спало.

Ланге посмотрел на часы: 9.15.

— Не так уж много все это заняло времени.

— Немного, — согласился Юрамото. — Но тонущему и миг кажется вечностью.

Подрубленный сук опасен

— Ну, какое впечатление? — Майор вопросительно поднял бровь.

Гольберг заговорщицки оглянулся на дверь.

— Да никакого. А вы как считаете?

— Согласен.

— А ведь как хорошо все было продумано! Ну, что делать! Все реагировали именно так, как мы и ожидали. И говорили так же. Но я заметил...

— ...что Ирма Дари не проронила ни слова? — докончил следователь. — Это естественно — ведь Шмидт был ей близок. Не удивительно, что она относится к его смерти не как к задаче на сообразительность.

Вошел Глац.

— Я все по этому делу. — Он грузно опустился в кресло. — Раз все так запутанно, может, вам понадобятся дополнительные сведения. Не стесняйтесь, спрашивайте без всяких церемоний. Убийство... — Он словно постарел за эти минуты. Морщины на лице углубились, в глазах появилась усталость. — Я все время ищу решение, что-нибудь, что объяснило бы его смерть без... без...

— Без вмешательства со стороны ваших сотрудников, — докончил майор. — Боюсь, что это занятие бесполезное. Вы блуждаете в темноте. А нам нужен яркий свет. Целая батарея прожекторов — новые показания, самые различные сведения. Мы будем задавать вопросы, и много. Но сначала я попытаюсь изложить вам некоторые наши выводы. Возможно, вы обнаружите в них уязвимые места.

Глац молча кивнул.

— Начну с того, что не вызывает никаких сомнений. Шмидт был убит, это бесспорно. Второй бесспорный факт: убийца — один из членов экипажа. Все остальное сомнительно, и это надо воспринимать до известной степени кри-

тически. Убийца допустил по меньшей мере две ошибки. Во всяком случае, нам они кажутся ошибками.

Командир невидящим взглядом смотрел куда-то вдаль.

— Вы имеете в виду два выстрела — и оба смертельных?

— Да. Это была техническая ошибка. Но есть еще чисто психологический просчет. Ведь Шмидт абсолютно не пригоден для роли самоубийцы. И меня не оставляет мысль: почему такой умный убийца столь наивно инсценировал самоубийство?

— По-вашему, — Глац доверительно наклонился вперед, — план убийцы нарушило какое-то непредвиденное обстоятельство?

— И мы оказались свидетелями вовсе не той картины, которую должны были увидеть? — добавил Гольберг. — Кто знает, может, она и самому автору показалась удивительной.

— Автору... — Глац, внимательно следивший за ходом мыслей своих собеседников, лишь беспомощно покачал головой.

— Надо попытаться найти то, о чем преступник заранее не мог подумать и что нарушило его план. Предположим, что Шмидт погиб в тот момент, когда у кого-нибудь из вас не было бы алиби. Мог ли убийца заранее знать, кто где будет находиться в определенный момент?

— В момент смерти Шмидта? Пожалуй, мог, хотя весьма приблизительно.

— Безусловно, мог — благодаря ежедневному распорядку работы, о котором оповещаются сотрудники базы. В принципе распорядок соблюдается, но, естественно, бывают исключения. Не было ли такого исключения в момент смерти Шмидта? Было. Один сотрудник находился не там, где должен был быть по графику.

— Мельхиад, — выдохнул Глац.

— Да, Мельхиад. Как должна была выглядеть карти-

на, будь все по плану? Тревогу объявили в 10.59. У всех было бы точно такое же алиби, как и сегодня, за исключением инженера. Он добрался бы до базы не раньше чем за десять — пятнадцать минут. Или вынужден был бы подняться на холм с другой стороны, и тогда все прибежавшие к месту тревоги увидели бы его у трупа Шмидта. Ведь в момент смерти Шмидта Мельхиад должен был проверять солнечные батареи неподалеку от радиотелескопа.

У командира пересохли губы.

— Правильно...

— Итак, если бы все шло согласно расписанию, то у нас был бы определенный выбор: или признать самоубийство, или убийство. Убийство? У кого имелись основания для убийства? У Мельхиада. Из ревности, так как Шмидт ухаживал за его невестой. У кого нет алиби? У Мельхиада. Скажите, будь все так, как я нарисовал, возникло бы у кого-нибудь сомнение, что произошло убийство?

— Вряд ли.

— А истинный убийца тем временем исподтишка посмеивался бы, — пробормотал Гольберг.

— Если только убийцей не был бы сам Мельхиад, — добавил следователь.

— Но это исключено! — воскликнул Глац.

— А почему? Известны случаи, когда настоящий преступник пытался запутать следствие уликами, достоверность которых затем не подтверждалась. Ложную версию отбрасывали, и он рассчитывал, что к ней больше не вернутся. Но мы отвлеклись. Если допустить гипотезу, о которой мы только что говорили, то убийца придумал действительно весьма хитроумный план, но судьба посмеялась над ним, он сам подрубил сук, на котором сидел. Он вывел из строя телевизионную систему, опасаясь случайных свидетелей преступления, но не учел, что именно Мельхиаду придется чинить кабель. Итак, убийство совершено, а убийца не найден и некого даже подозревать.

— Настоящий лабиринт.

Взгляды Родина и Гольберга встретились.

— Да, в известном смысле слова лабиринт, — подтвердил Родин, — но трагический лабиринт. Совершено преступление. И, оказывается, никто не мог его совершить. У каждого есть алиби, подтвержденное показаниями других или же приборами. Но это значит, что у нас неверный угол зрения. Должен же у кого-то из вас быть ключ, который может открыть заржавевший замок!

Глац с минуту смотрел Родину прямо в глаза.

— Нет, — устало произнес он, — я действительно не знаю, чем бы... — Он не окончил.

— Возможно, вы просто не осознаете значения той информации, которой располагаете, — вмешался Гольберг. — Попробуйте вспомнить обо всем, что хоть как-то могло вас насторожить.

— По-моему, — начал командир, — я рассказал вам все. Нет ничего, о чем бы я не упомянул, разве только какие-нибудь ничтожные подробности, которые не имеют ничего общего с убийством.

— Например?

— Ну, вроде того, что на командный пункт в субботу утром все время заходил Мельхиад: он сверлил какие-то отверстия в стене, где установлены телеэкраны. Он ещеправлялся, не мешает ли нам работать... Кроме того, я разговаривал с Рейей Сантос.

— Лично?

— Нет, по телефону. Я звонил после десяти, потому что не мог разобрать ее записей, она пишет, как курица лапой. Об этом я уже подробно рассказывал.

— Ну, а что бы вы могли еще нам сказать?

— Еще? Не понимаю.

— Постарайтесь припомнить какую-нибудь деталь, характерную для другого момента. Факты. Может, вы хотели бы дополнить характеристики членов экипажа.

— Возможно, вас заинтересует такая деталь, — начал Глац с некоторым колебанием, — мне трудно об этом говорить. Я скрыл, вернее, не стал тогда говорить о патологическом любопытстве Маккента. Он не только все фотографирует, обо всем выспрашивает — это, видимо, не укрылось и от вас, но — мне неприятно об этом говорить — занимается также слежкой. Я сам видел, как он подслушивал у дверей комнаты Шмидта.

— Когда это было? Вы помните дату?

— Это было... Да, в среду утром.

— А что, если настоящий Ланге спрятан где-нибудь в Париже, а Юрамото в Гонолулу? А что, если Маккент — не Маккент? — вполголоса произнес Родин. — Если этих людей подменили? Кто-то пробрался сюда, на лунную станцию, и выдает себя за астронома или биолога. Как вы на это смотрите?

— Но это же абсурд! — раздраженно воскликнул Глац. — Наши люди давным-давно знают этих ученых! По международным конференциям и симпозиумам. Это исключено!

На Луне сила притяжения в шесть раз меньше, чем на Земле. Но когда Глац уходил из комнаты, он ступал тяжело.

Без света нет тени

Рассеянный, мягкий свет упал на спокойное лицо Уго Неймана, стоявшего в дверях.

— Мне предстоит еще кое-что сделать, поэтому я хотел, чтобы вы скорее закончили — легкая улыбка скрасила неприятные слова, — этот допрос.

— Допрос? — Майор пододвинул пилоту стул. — Значит, восемь подозреваемых — восемь перекрестных допросов?

— Но вы же именно это имели в виду, не так ли? Теперь один за другим мы будем приходить сюда.

Гольберг задумчиво провел рукой по подбородку, словно решая, стоит ли ему вмешиваться в разговор.

— Вы же понимаете — майор не имел в виду настоящего допроса.

— Разумеется, — подтвердил следователь.

— Я так и понял, — согласился пилот, — но, вероятно, вы все же захотите о чем-то спросить, раз уж карты открыты...

— Я убежден, — прервал его майор, — что существуют какие-то мелочи, детали, известные кому-то из вас, которые могут вывести нас из тупика. Но что это может быть? И как отыскать их среди обычных, повседневных наблюдений?

— Понятно. Мне сейчас вспомнился один разговор, который произошел в прошлую среду или четверг. Я говорил с Шмидтом в узле связи. Он был весьма рассеян, перед ним лежал открытый блокнот с какими-то числами. «Что это вы занялись головоломками, от нечего делать? — спросил я его. — Надеюсь, вам здесь не скучно?» — Бедняга Шмидт усмехнулся и сказал: «Головоломки? Вряд ли, хотя и задали они мне задачу». И он посмотрел на меня, как на пустое место.

— Отсутствующим взглядом, — уточнил доктор.

— Вот именно.

— Видимо, у него было нарушено управление вниманием, ибо...

— Ну, конечно, — подтвердил майор, — иначе и быть не могло.

В глазах Неймана мелькнула улыбка, и Родин вдруг подумал, что этот медлительный, флегматичный человек чем-то очень привлекателен. В его медлительности чувствовалась основательность, в спокойствии — уверенность.

Родин протянул ему раскрытый блокнот Шмидта.

— Да, это его заметки. — Нейман полистал странички. — Кто бы мог подумать, что все это так окончится? Бедняга Шмидт, — пилот снова взглянул на числа. — Пожалуй, это они. Держу пари, что это те самые числа.

— Вы абсолютно уверены?

— Абсолютно — нет. Но если это не те числа, что я тогда видел, то очень на них похожие. Вот все, что я хотел сказать...

Едва за Нейманом закрылась дверь, доктор вскочил с места и возбужденно забегал по комнате.

— Выходит, радиост Михаль Шмидт занимался деятельностью, о которой здесь, в Заливе Духов, никто и не подозревал! И это не какая-нибудь невинная забава, не связь с любознательными радиолюбителями! Вот почему он был озабочен! Он же признался Нейману, что ломает над чем-то голову! Возможно, это связано с его смертью?

— Исключить этого нельзя.

— Но есть еще вероятность, — продолжал Гольберг, — Шмидт вовсе не был ни с кем связан, а наоборот, сам о чем-то узнал. А что, если эти числа являются тайным сообщением, которое он стремился расшифровать? И поэтому он должен был умереть — как нежелательный свидетель?

— Мне эта мысль тоже приходила в голову, — отозвался майор.

— И еще. Если эти числа действительно как-то связаны со смертью Шмидта, то Нейман ничего общего с убийством не имеет. Ибо в противном случае он не обратил бы на них нашего внимания.

— А что, если он сделал это умышленно, в надежде выпытать, что нам известно?

— Хорошенькая работенка, — доктор взлохматил свою весьма жидкую шевелюру, — фактов практически нет, а

те, что есть, можно истолковать двояко. К тому же... А вот и следующий!

Смузенno улыбаясь, в комнату вошел Юрамото.

— Я ненадолго, — селенолог присел на краешек стула, — ведь река уносит грязь лишь в одном направлении. Как и река времени.

Родин мельком взглянул на часы.

— Верно. Время нас действительно поджимает. Ведь до смены экипажа станции Залива Духов осталось совсем немного — это время скоро будет измеряться часами.

— И вы предполагаете до смены закончить следствие?

— Обязан, ибо на Земле эта ваша река унесла бы с собой слишком много важных улик.

— Да, кстати, — встрепенулся Гольберг. — Вы мне напомнили. Река... форель... Простите!

— Каждый цветок тянется к солнцу. — Селенолог посмотрел на смущенного доктора. — Вы уже подумываете о возвращении?

— Конечно. Но, разумеется, лишь после того, как это дело будет... закончено.

— А пока конца не видно. Жаль. Но, как известно, последняя капля переполняет чашу. Я раздумывал над вашими словами, майор. И вспомнил об одной мелочи, которой сначала не придал никакого значения. Но сейчас, для полноты картины, мне кажется, она пригодится. В ту субботу я по телефону разговаривал с Штидтом. Незадолго до его смерти. Не исключено, что я был последним, кто слышал его голос.

— В самом деле? Это интересно. Вы говорите, по телефону...

— Да. Он позвонил и спросил, не у меня ли случайно Мельхиад. У меня его не было. Весь разговор состоял из нескольких слов.

— Нескольких слов, — задумчиво повторил майор. — Когда это было?

— В 10.49 утра.

— Не показался ли вам вопрос Шмидта странным?
Необычным?

— Нет. Определенно нет.

— А его голос?

— Тоже нет.

— Часто вам задают подобные вопросы?

— Иногда, майор, время от времени.

— Шмидт и раньше спрашивал вас о чем-нибудь по телефону?

— Кажется, нет. Нет, никогда.

Юрамото встал.

— Одна молния может озарить путнику дорогу. Мне бы хотелось, чтобы мое скромное сообщение помогло вам.

— Что у вас с ногой?

— Пустяки, — отмахнулся Юрамото, — не стоит вавшего драгоценного внимания, хотя и участие согревает, подобно весеннему солнцу. Когда в ту субботу мы бежали к радиотелескопу, я оступился, вывихнул сустав и еле доковылял назад. Но теперь все прошло. И меня ничто не беспокоит.

— Если бы мы могли сказать то же самое, — пробормотал Гольберг. — Это блуждание в потемках... — он не закончил.

— Без света нет тени, — уходя, улыбнулся Юрамото, — так говорили наши деды. И чем больше вдумываешься в старые пословицы, тем больше находишь в них мудрости.

Подпись преступной руки

— Без света нет тени. — Гольберг озабоченно покачал головой. — Это всем известно. Возможно, в словах селенолога есть какой-то скрытый смысл, но как до него докопаться?

— Вас только это заинтересовало? — спросил Родин.

— Представьте себе. Однажды он нам уже помог таким образом — помните? Когда речь шла о том, сколько времени занимает дорога от радиотелескопа до базы. Кто знает — вдруг он снова хочет о чем-то нас предупредить?

Стук в дверь прервал их разговор. На пороге появился астроном Ланге.

Нет, ничего нового он не вспомнил. Но, возможно, какая-нибудь подробность всплывет во время разговора сейчас, когда к версии о смерти Шмидта относятся иначе.

— Хорошо. — Родин помолчал. — Так вы утверждаете, что были одним из последних, кто говорил с Шмидтом. У шлюзовой камеры, верно? О каких-то пустяках, кажется о солнечном шуме. Так ведь? Не могли бы вы припомнить какие-нибудь подробности?

Астроном задумчиво посмотрел на следователя.

— Насколько я помню, Шмидт жаловался, что в последнее время солнечный шум усилился. По его словам, в четверг ему еще удалось поймать несколько любительских станций, но вчера, он имел в виду пятницу, помехи сильно возросли.

— Не показалось ли вам, что этот факт его очень расстроил?

— Ну, нет. Немного огорчил, конечно, ведь наше пребывание на Луне заканчивается, и для него каждый час хорошей слышимости имел значение.

Родин взял в руки записную книжку Шмидта и начал ее перелистывать.

— У меня не выходят из головы эти загадочные числа.

— Я помню. Этот код...

— Значит, вы убеждены, что это код?

— Ну, зачем же так категорично? Просто полагаю, что это вероятно и вполне правдоподобно. Впрочем, нельзя исключить и другие варианты. Как знать — может, это пометки, связанные с каким-то опытом?

Между тем майор нашел нужную страницу, долго смотрел на нее и наконец недоуменно пожал плечами.

— Тут уж, видимо, мы действительно ничего не узнаем. А может быть, Шмидт стоит на пороге какого-нибудь важного открытия? Впрочем, здесь еще целый ряд записей, — он перевернул несколько страничек, — но тоже ни о чем не говорящих. Несколько названий звезд, и одно — Альфа Орла — подчеркнуто.

— Знаете, Ланге, я много думал об этой вашей теории, — сказал вдруг Гольберг, и в его словах послышался вызов.

— В самом деле? — Голос астронома прозвучал холодно, почти враждебно, будто он был настороже и взвешивал, не поднять ли брошенную перчатку. — Вы, верно, нашли новые убедительные доводы против нее, — добавил он иронически.

— Отчего же, я просто вспомнил о старых. Если не возражаете, мне хотелось бы кое-что уточнить.

Ланге молча кивнул.

— Вы утверждаете, будто человек является единственным разумным существом...

— Нет, я этого не говорю.

— Простите. Я забыл о разумных обезьянах. Итак, человек является единственным существом во Вселенной с высокоразвитым интеллектом. Этим предопределено, что человек покорит Вселенную и станет ее господином.

— Разумеется, интерпретация весьма упрощенная, но это неважно. Да, в принципе будет именно так, как вы говорите.

— И вы, вероятно, предполагаете, что когда-нибудь человек покинет Землю и земная цивилизация погибнет.

— Конечно. Ведь все течет, все изменяется, все, кроме времени и пространства, имеет начало и конец. Даже звезды не вечны.

— А человек?

— Он будет существовать всегда. К тому времени, когда погибнет Земля, человечество распространится по всей нашей Галактике.

— По-вашему, жизнь — это величайшая редкость? Единственная и неповторимая болезнь материи?

Ланге укоризненно посмотрел на Гольберга.

— Не болезнь, а высшая форма. Действительно единственная и неповторимая.

— Но ведь вы сами себе противоречите! Вы же говорите — возникновение высокоорганизованных форм жизни — редчайшая случайность, которая может возникнуть во всей Галактике один раз в миллиарды лет.

— Это бесспорно, так как математически доказано.

— Допустим. Но, с другой стороны, вы пророчите человечеству вечное существование. Значит...

— Да, вечное. Но лишь в одном направлении временебной оси.

— Понятно. Человечество неечно в полном смысле слова, так как был такой период, когда оно не существовало. Оно возникло, развивается и будет вечным в будущем. Так?

— Да, так.

— Допустим. Но если человечествоечно, то условия для возникновения высших форм жизни будут появляться несчетное число раз, ибо бесконечность, деленная на несколько миллиардов, все равно остается бесконечностью. Значит, согласно вашей теории, в течение нескольких миллиардов лет могут возникнуть другие космические цивилизации? Как же вы, ученый, можете априори утверждать, что ни одна из этих цивилизаций в интеллектуальном отношении не обгонит людей и не ниспровергнет их до уровня своеобразных галактических человекообразных обезьян? А что, если именно в этот момент, за тысячи световых лет от нас, происходит деление клетки и существа, которые появятся в результате этого процесса, превзойдут нас по

своему развитию! Почему вы думаете, что, кроме человечества, не могут появиться интеллектуально более развитые существа, у которых творческий гений человека сочетается со скоростью расчетов электронно-вычислительных машин! Заметьте, в этих своих гипотезах я не выходил за рамки вашей теории.

— Они не могут появиться! — Астроном стукнул кулаками по ручке кресла. — После человека, по крайней мере в этой Галактике, никаких развитых существ более появиться не может.

— Почему?

Доктор застыл в позе рыболова, склонившегося над удочкой в тот момент, когда дернулся поплавок.

— Да потому, что человек приспособит физические и другие условия на космических объектах для своих биологических потребностей. Экосфера человечества не может быть экосферой для других существ, за исключением полезных для человека животных.

— А не кажется ли вам, что это слишком жестокое и своевольное решение? — Доктор невольно повысил тон. — По какому праву вы так рассуждаете? Ведь выходит, что человечество затормозит развитие всех других форм жизни, умышленно закроет им путь к более высокой организации! Выходит, люди сделают это сознательно и обдуманно?

— А почему бы нет? Что вас так удивляет?

— Так по-вашему...

— Позвольте. Мы эксплуатируем моря в такой мере, как считаем это выгодным для себя. Не правда ли?

— Да, — нерешительно подтвердил Гольберг.

— Разве мы считаемся с тем, что это наносит ущерб дельфинам?

— Почему именно дельфинам? — удивился майор.

— Доктор в свое время изучал биологию, он подтвердит, что мозг дельфина в какой-то степени сходен с мозгом

человека. Я повторяю, считались ли мы с этим фактом? Разве мы заботимся о том, что своей хищнической деятельностью в океане препятствуем интеллектуальному росту дельфинов, тому, чтобы они создали общество мыслящих, способных к творчеству существ?

Гольберг кусал губы, на его щеках перекатывались желваки.

— А что, если эта ваша теория верна, но в смысле, противоположном тому, какой мы, точнее, вы в нее вкладываете?

— Выражайтесь яснее.

— По вашим словам, в нашей Галактике существует одна-единственная цивилизация и никакой другой поблизости быть не может. Представьте себе на минуту, что мы не та, настоящая, а другая, лишняя цивилизация. Не та, которая будет тормозить развитие других, а та, которую будут тормозить!

— Это исключено, — холодно произнес Ланге.

— Почему? Где доказательства, что я не прав?

Послышалось чье-то деликатное покашливание. В двух показалась Рея Сантос.

— Простите, что помешала научной дискуссии, но...

— Это не дискуссия, научной она, во всяком случае, не была, — и Ланге бросился к дверям.

— Я бы попросил! — вслед ему крикнул доктор сорвавшимся голосом. Махнув рукой, он вытащил платок и отер лоб.

— Вы знаете, о чем я подумал? — обратился Родин к Рее. — Мне кажется, это не первая столь горячая дискуссия в Заливе Духов. Не припомните ли вы, спорил когда-нибудь Ланге с кем-либо из членов экипажа? Скажем, со Шмидтом?

— Со Шмидтом нет, тот не любил спорить. Но с Маккентом спорил, и неоднократно.

— Спорил или ссорился?

— Как вам сказать? Маккент, разумеется, не дразнил его умышленно, но любопытство и замечания биолога, видимо, казались Ланге провокационными.

— Я уже вторично слышу о чрезмерном любопытстве Маккента.

— Мне неприятно об этом говорить, — продолжала Рея, — но я не вправе скрывать. Я сушила пленку в фотолаборатории, дверь была полуоткрыта, и я заметила, как в комнату зашел Маккент. Он принял ворошить медицинские карточки, а одну из них разглядывал особенно внимательно. Это была карточка Шмидта. Видимо, мне сразу надо было войти и дать ему понять... Но я не могла. Мне было стыдно. За него.

— Понимаю. А что, по-вашему, могло его заинтересовать? Делал он какие-нибудь пометки?

— Нет. Положил карточку на место, повернулся и вышел.

— Он действительно рассматривал карточку Шмидта? Вы не ошиблись?

— Это была карточка Шмидта. Они лежат по алфавиту. Шмидта — последняя.

— Когда это случилось?

— В пятницу после обеда. Накануне смерти Шмидта.

— В пятницу... Я бы хотел задать вам еще вопрос. Когда в субботу, незадолго до тревоги, вы поднимались в оранжерею, вам не встретился Маккент?

— Маккент? Нет.

— А по его словам, он был у входа первым. Если вы его не встретили, значит, он должен был прибежать откуда-то из другого места.

— Конечно.

— Вы не заметили, откуда он появился?

— Не помню. Когда я прибежала к базе, он уже был там. Мне как-то не пришло в голову спрашивать, где он был до этого. А в чем дело?

— Так, мы просто проверяем... Смотрите-ка, целый арсенал! Вот это был бы фейерверк!

Глац подошел к столу с двумя гроздьями сигнальных пистолетов в руках.

— Здесь все — двадцать две ракетницы. И у каждой бирка. Где будем их проверять?

— Где-нибудь снаружи.

В присутствии врача, командира экипажа и доктора Гольберга следователь двадцать два раза выстрелил в лунную поверхность. Двадцать два раза вспыхивало едва заметное пламя. Двадцать два раза майор чувствовал отдачу, но не слышал выстрела. Да, на Луне другие акустические условия, другие условия для распространения волн... и совершения преступлений.

В лаборатории следователь двадцать два раза склонялся над микроскопом и наконец отложил в сторону ракетницу. Ту, что была найдена возле трупа Шмидта. Из нее были выстрелены все три ракеты.

— Фальшивка, трюк, обман! — Глаза Гольберга горели от возбуждения. — Неплохо придумано, одно колесико цепляется за другое! Шмидту приписывали самоубийство, и действительно все три выстрела произведены из его ракетницы.

— Из его ракетницы? — переспросил Родин.

— То есть, — заколебался доктор, — из пистолета, найденного у трупа. Вы правы, это не обязательно должен был быть пистолет Шмидта. Но ничего, не будь тут кое-каких неясностей, я бы, пожалуй, отважился сказать, кто из него трижды выстрелил.

Родин несколько раз подкинул на ладони пистолет.

— Кто же?

— Тот, кто упорно лжет! Почему он не сказал нам, где был в критический момент и откуда прибежал к базе? Видимо, потому, что не может объяснить, где был, ибо камуфляж с самоубийством провалился. То, что он лгал, это

ясно. Что он нам говорил? Что надевал скафандр и собирался идти в лабораторию, но в этот момент взвилась ракета и в гермошлеме раздался сигнал тревоги. «Я сразу понял, что случилось, — сказал он, — ракета загорелась над радиотелескопом. А там работал Шмидт...» Затем он якобы прошел шлюзовую камеру и побежал к базе...

Родин снова посмотрел в микроскоп.

— А вы уверены, что кто лжет, тот и убивает? В таком случае человечество давно было бы истреблено. Возможно, у Маккента для этого камуфляжа была другая причина. И, кроме того, как он практически мог это сделать? В 10.53 Нейман заметил его в оранжерее. За шесть минут Маккент *не мог* добраться до холма. Но даже если бы и смог, то каким образом он через две минуты оказался у базы?

Гольберг взъерошил шевелюру.

— Вот это-то меня и смущает. Тогда зачем же, черт побери, ему понадобилось подслушивать у дверей Шмидта? Зачем он копался в его медицинской карточке? Накануне убийства!

— Все это так, но скажите, к чему убийце знать, какой группы у Шмидта кровь, какое давление, болел ли он в детстве и какими болезнями и так далее и тому подобное?

— Не знаю. Но разве у нас недостаточно улик для обоснованного подозрения?

— Для подозрения — да. Что же касается обоснований, это мы еще увидим. Посмотрим, что он нам скажет.

Чрезмерное любопытство

Мельхиад стал извиняться еще с порога.

— Я хотел зайти сразу после завтрака. Но вряд ли я могу быть вам полезным, я ровным счетом ничего не знаю.

Он действительно не припоминает ничего заслуживающего внимания. Испорченный кабель? Он же все сказал.

Да, разумеется, кабель мог быть испорчен преднамеренно. В свете новых обстоятельств это вполне правдоподобно. Но по характеру поломки такого вывода сделать нельзя. Заметил ли он на кабеле отпечатки пальцев? Во-первых, это невозможно определить, во-вторых, ему и в голову не пришло ничего подобного.

В конце разговора Родин взял в руки гильзы.

— Убийца должен был выстрелить в Шмидта дважды и один раз в воздух, то бишь, я хотел сказать вверх. Следов ракеты, которая взвилась вверх где-то в районе радиотелескопа, нам, естественно, не найти. Но первые две ракеты должны были упасть где-то поблизости. Как по-вашему, не остались ли от них какие-нибудь следы?

Инженер некоторое время раздумывал.

— В ракетах имеются соли стронция, окрашивающие пламя в пурпурный цвет. Взяв в том месте, где был убит Шмидт, с десяток проб грунта, можно точно определить, где сгорели ракеты, даже если на первый взгляд от них не осталось и следа.

— Неплохо придумано, — заметил Родин, — но возиться с анализами!

— А для чего существуют манипуляторы? Положитесь на меня, и сегодня же к вечеру у вас будет ответ.

После ухода Мельхиада Гольберг пожал плечами.

— Не пустили ли вы козла в огород... Держу пари, что следом появится Ирма Дари.

Майор пари не принял. И оказался прав.

Не надо было быть ни следователем, ни психологом, чтобы заметить, как напряжена молодая женщина.

— Сегодня здесь у нас все напоминает кабинет зубного врача. — Ее слова звучали не очень естественно. — «Следующий, садитесь в кресло, не бойтесь, больно не будет». Ну вот, и я здесь.

За ее улыбкой что-то таилось. Но что? Сожаление, страх? Или что-то другое?

— Присаживайтесь.

Несколько секунд в комнате стояла тягостная тишина.

— Вряд ли я смогу быть вам полезной, — сказала на конец радиостка, — я думала о субботе, но ни к чему не пришла.

— Когда была объявлена тревога, вы работали в узле связи?

— Да. Только что закончила передачу радиограммы. Пока я перематывала ленту с текстом — во избежание ошибок мы каждое сообщение передаем дважды, — мне задали несколько вопросов с Земли. Я ответила, и в этот момент прозвучала тревога. Я посмотрела на контрольное табло — откуда тревога — и вызвала Шмидта. Аппарат не отвечал. Я тотчас же связалась с Глацем и после этого сразу снова вставила ленту в радиотелетайп. Вот и все.

— Больше вы ничего не припомните?

— Нет... Простите, я хотела бы... Мельхиад здесь был?

— Да.

— Я... понимаете... не знаю, как бы это лучше объяснить. Борис такой... ну, немного вспыльчивый. Когда я узнала, что Шмидт убит, мне стало страшно. Понимаете, я подумала... Шмидт и я... а что, если Мельхиад о чем-то подозревал, вы знаете, что я имею в виду...

— Пока мы не располагаем фактами, свидетельствующими о том, что именно Мельхиад является убийцей. — От холодного тона следователя Ирма Дари сжалась в комок. — Вы это имеете в виду?

— Да, да. Я бы не перенесла, если бы он попал в беду. Как только я себе представляю, что из-за меня один мог лишиться жизни, а другой — чести, мне становится страшно! Борис, вспылив, может обругать, даже ударить, но он не способен на хладнокровное, заранее обдуманное убийство. Никогда!

— Почему вы думаете, что это было обдуманное убийство?

— Все свидетельствует об этом, — радистка пожала плечами, — по крайней мере мне так кажется. Умышленное повреждение телесвязи, убедительное алиби — невероятно, чтобы все это было результатом неожиданного порыва...

— Видимо, вы правы, — подтвердил Родин. — Кстати, вы уверены, что Мельхиаду не известно о вашем... — он заколебался, — о ваших взаимоотношениях со Шмидтом?

— Да, — ответ сорвался с губ молодой женщины прежде, чем Родин закончил свою мысль. — Наверняка да. Он не сумел бы этого скрыть, он не умеет играть. Вы должны были в этом убедиться... Я никогда не скажу ему о случившемся. Не потому, что боюсь. Он бы позлился-позлился, но потом понял бы, что человек не всегда волен в своих поступках. Просто я не хотела напрасно причинять ему боль. Мне ненавистны те, кто испытывают радость оттого, что причиняют другим боль.

Две пары глаз проводили Ирму до двери.

— А теперь — очередь за Маккентом, — сказал Гольберг. — По-моему, его любопытство испарится, как только речь пойдет о некоторых щекотливых...

Прежде чем доктор успел закончить свою фразу, дверь вновь отворилась и на пороге появился Маккент. Быстро обшарив комнату глазами, он задержал взгляд на Родине.

— У вас есть для нас что-нибудь новое? — спросил тот.

— Да. То есть я так понял, что вы хотите с каждым из нас побеседовать в свете... ну, что ли, новых обстоятельств смерти Шмидта. Нейман сказал, что вы обнаружили какие-то шифрованные сообщения?

Следователь пропустил его вопрос мимо ушей.

— С какой целью вы интересовались медицинской картой Шмидта в пятницу? Что вы в ней искали?

— Я? — Биолог почти подпрыгнул на стуле.

— Именно вы. Итак, что вас интересовало?

— Это, верно, Рея Сантос...

— Оставьте ее в покое и отвечайте на мой вопрос. Взгляд Маккента беспокойно перебегал со следователя на доктора.

— Это не имеет никакого отношения...

— Имеет, не имеет — позвольте судить нам. Как это произошло?

— В последнее время Шмидт не был похож на себя. Он стал задумчивым, чувствовалось, что его что-то гложет. Мне это показалось странным, и я подумал, не подскажет ли мне что-либо его медицинская карта. Вот и все.

— Это входит в ваши обязанности?

— Конечно!

— Каким же образом?

— А по-вашему, исследуя влияние здешней обстановки на растения, я могу пройти мимо того, как ее переносят люди?

— Итак, забота о коллеге. Почему же вы не попросили врача показать вам эти карточки?

— Потому что в тот момент ее не оказалось на месте, а карточки можно было посмотреть.

Следователь на мгновение был сбит с толку этим доводом, но тут же оправился и продолжил атаку:

— А для чего вам недавно понадобилось подслушивать у дверей комнаты Шмидта?

— Мне показалось, что кто-то произнес мое имя, и я остановился.

— Вы считаете, это в порядке вещей — подслушивать, что о вас говорят за вашей спиной?

— Пусть будет стыдно тому, кто за глаза говорит одно, а в глаза — другое.

— Расскажите-ка о ваших субботних передвижениях. Только точно, не утаивая... — перебил его майор.

— Для этого я и пришел сюда. — Маккент облизнул пересохшие губы. — Я хочу вам рассказать нечто почти невероятное. Но сначала мне бы хотелось спросить...

— Спрашивать буду я!

— Да, конечно. Но... дайте мне договорить. Я знал, что Шмидт убит. Еще с субботы. Я видел его там, я нашел его.. я был у него первым. То есть первым после убийцы.

— Спокойнее, не все сразу. О том, что вы лгали, мы знаем.

— Лгал... да... Я боялся. Вы, конечно, сравнили показания Рей Сантос...

Майор пристально посмотрел на биолога.

— Я сейчас перейду к делу, — заверил его Маккент. — Все началось с того, что меня заинтересовало поведение Шмидта. Я же видел, что между ним и Ирмой Дари что-то было. Он довольно открыто добивался ее расположения. Но это к делу не относится. Мне показалось, что Шмидт сделал какое-то открытие и скрывает это. Ему известно что-то интересное. Он над чем-то работает. Но где? На базе? У радиотелескопа? Что это могло быть? Потолковать бы с ним наедине. Быть может, он охотнее разговорится, чем в столовой или клубе, где все время народ. И я решил взглянуть, чем занят Шмидт. Я вышел из оранжереи примерно в 10.15, обратите внимание на время...

— Не беспокойтесь, следите лучше за собой — не забудьте чего-нибудь. Итак, вы направились к радиотелескопу...

— Ровно в 10.25 я его увидел. Шмидт... — Маккент несколько раз слегка сглотнул слюну, лоб его покрылся испариной, — он там лежал. Мне показалось, что он в обмороке или у него поврежден кислородный баллон. Я подбежал к нему и не поверил своим глазам — его скафандр был пропущен в двух местах. Представляете?..

— Дальше, дальше.

— Я растерялся, вытащил ракетницу, думал дать сигнал тревоги... потом хотел позвать на помощь по радио, но не сделал ни того ни другого. Первое, что пришло мне в голову, — радиста кто-то застрелил нечаянно, не мог же

он сам всадить в себя две ракеты! Но потом я отбросил эту версию, несчастный случай исключен. Шмидта убили. Два выстрела — неопровергимое доказательство убийства. И никого нет вокруг. Это было жуткое чувство. Я сразу подумал — стоит кому-то меня увидеть у трупа Шмидта — и подозрение может пасть на меня. Поэтому я бросился бежать оттуда со всех ног. Вот и все. — Маккент отер пот со лба. — На этот раз действительно все.

Закусив губу, доктор Гольберг едва сдерживал нетерпение — так хотелось ему задать Маккенту с десяток вопросов. Но он предоставил инициативу следователю.

— Скажите, Маккент, вы любите Моцарта? — неожиданно спросил Родин.

— Люблю. Откуда вы знаете?

— Какие произведения Моцарта вы здесь прослушивали?

— Здесь, в Заливе Духов? Насколько я помню, никаких. Да, точно, никаких.

— Вернемся к Шмидту. Значит, вы утверждаете, что помчались прочь от трупа? Куда — к оранжерее?

— Да, я вернулся прямо в оранжерею и лихорадочно стал обдумывать ситуацию. Неожиданно я вспомнил, что ровно в 11.00 будет проводиться проверка всех членов экспедиции, находящихся снаружи. Это значит, что с минуты на минуту следует ожидать тревоги. Если я прибегу по-следним, это может вызвать подозрение. Поэтому я встал и направился к базе.

— Вы никого не встретили по дороге?

— Я старался уклониться от встреч. Однако мне показалось, будто я вижу чью-то тень. Видимо, это был Нейман, проходивший мимо оранжереи в тот момент, когда я собирался выйти. Кроме того, я видел врача, Рею Сантос.

— Каким путем вышли к базе?

— Я держался стороной, двигался вдоль склона, в тени. Наконец я притаился и стал выжидать.

— Что же было дальше?

— Потом произошло то, от чего я осталенел. Над мертвым Шмидтом взлетела ракета. Но там же никого не было! Вы можете это объяснить?

И снова следователь пропустил его вопрос мимо ушей.

— Откуда вы знаете, что у радиотелескопа никого не было?

— Но я же собственными глазами видел мертвого Шмидта, а через две-три минуты после объявления тревоги все собрались у выхода! Кроме Ирмы Дари, но она все время была на связи.

— Вы видели ракету?

— Видел.

— Я, очевидно, неточно выразился. Я спрашиваю, вы посмотрели на холм, после того как ваше внимание привлек красный свет, или...

— Нет. Я смотрел именно в этом направлении. Меня... я не знаю, как бы это лучше выразить... Просто радиотелескоп, холм, где лежал Шмидт... это место притягивало меня, я не мог от него оторваться. У меня было такое чувство... доктору, верно, знакомо это состояние...

— Архаическая аномалия, — проворчал Гольберг, — атавизм. Еще лет сто назад никого не удивляло, что люди толпятся перед домом, где совершено убийство.

— Вы не заметили ничего особенного в этой сигнальной ракете?

— Нет. Мне показалось, что она ничем не отличается от тех, какими мы стреляли на тренировке. Разумеется, за исключением цвета.

— А высота?

Биолог пожал плечами.

— Высота? Я бы сказал — обычная, может, чуть меньше.

— Хорошо. Вспомните, откуда кто прибежал.

— Первой прибежала врач, справа. Мне тогда просто

в голову не пришло, что она бежала от оранжереи. Потом из шлюзовой камеры показались Глац и Мельхиад. Нейман бежал со стороны ракетоплана. Юрамото шагал от своей сейсмической станции, а Ланге мчался сверху, от обсерватории. Он прибежал последним.

— К слову, верно ли, что у вас с ним был довольно крупный разговор?

— Да, мы немного повздорили.

— По какому поводу?

Маккент недоуменно развел руками.

— Уж и не знаю, как вам объяснить. Речь шла о человеке, вернее, о человечестве, о его прошлом и будущем. Ланге что-то сказал о господстве человека во Вселенной, а я имел неосторожность пожалеть Вселенную, подразумевая биологическое несовершенство человека. Он мне возвразил, слово за слово — мы спорили. Вот и все.

Родин посмотрел Маккенту в глаза.

— Скажите мне, пожалуйста, вы же не маленький ребенок — признанный ученый, заслуженный человек. Я понимаю, что, когда вы наткнулись на мертвого Шмидта, для вас это было сильнейшим потрясением, вы не знали, что делать, и в панике совершили ошибку. Но потом, когда прилетели мы... почему вы так долго скрывали от нас правду?

— Я подумал, — Маккент в волнении сжал руки, — я сказал себе... вы понимаете, я же тут, на Луне, только временно. Мы с вами расходимся во взглядах на целый ряд проблем, ко многому я отношусь с оговорками, возражениями. Кроме того, следует признать, что по натуре я достаточно активен, до всего хочу докопаться, все меня интересует, иногда это даже кое-кого злит. — Он улыбнулся уголками губ. — Представьте себе, что именно я выстрелил над Шмидтом ракету. Соберите все факты воедино, и вы поймете, что мне трудно было бы объяснить свое присутствие у мертвого тела радиста. Я признаю, что до-

пустил ошибку. Но, мне кажется, я сумел объяснить, почему я не сказал вам всего сразу. Настало время исправить эту ошибку. Поэтому я и пришел — сказать вам чистую правду. Вы меня понимаете?

— Хотел бы я знать, — произнес доктор, когда за Маккентом захлопнулась дверь, — чем вызвано это его признание. Уж не тем ли, что он обнаружил пробелы в предыдущих показаниях, которые были чистой ложью?

— Вполне возможно.

У лжи короткие ноги

После обеда доктор вытащил блокнот с пометками и некоторое время бесцельно перелистывал странички, пока не остановился на списке личного состава экспедиции.

— Лесенка укоротилась еще на две ступеньки, но про-двинулись ли мы вперед? — заметил он с горечью. — Трудно сказать. Я уж не говорю о доказательствах. Что толку в подозрениях, если мы — простите, вы — не можете подкрепить их конкретными доказательствами?

На лице майора не отразилось горячего стремления продолжать дискуссию, но медик не был обескуражен его молчанием.

— Попробуем подвести некоторые итоги. Итак, у вас имеются четыре возможности... Кто говорит правду — селенолог или биолог? Юрамото или Маккент? Как утверждает Юрамото, он разговаривал со Шмидтом в 10.49. А Маккент заявляет, что в 10.25 он собственными глазами видел Шмидта мертвым. Значит, одно из двух. Как известно, мертвцы не разговаривают, а живые не могут лежать на Луне в пробитом выстрелами скафандре. — Гольберг продолжал развивать свою мысль. — Но есть еще третья возможность: оба они говорят правду, но правду субъективную. И наконец, четвертая возможность: оба они лгут. Что вы на это скажете?

И он победно посмотрел на Родина.

— Ничего, — ответил следователь.

— Рассмотрим первую возможность. Юрамото говорит правду, Маккент лжет. С какой целью? Предположим, Маккент не только ученый-биолог, у него есть иная миссия, которую он вынужден тщательно скрывать от других. Равумеется, это только гипотеза. Как знать, может, его задача — получить специальную информацию об оборудовании лунной станции, ракетной технике и прочем. Мы многое публиковали, но не все. Маккент вынужден скрывать свою деятельность под личиной чрезмерно любопытного человека, который хотя и не вызывает особых симпатий, но никому не причиняет зла. Но, как я уже говорил, патологического любопытства в чистом виде не существует...

— Да-да, я знаю — проявление любопытства должно иметь какую-то подоплеку! — воскликнул Родин.

— Совершенно верно. Но, чтобы объяснить это, требуется психологический анализ. Глубокий и обстоятельный, майор. Итак, наш биолог симулирует любопытство. И если кто-нибудь из членов экспедиции замечает, что он что-то вынюхивает, простите за выражение, то никто не обращает на это внимания — ведь в этом весь Маккент! Итак, что же произошло? Маккент принимал секретные депеши с Земли. Они могли быть зашифрованы в тексте обычных радиограмм, которые получает каждый член экипажа. Он мог также подсоединиться к одной из антенн и принимать сигналы самостоятельно. Ведь каждый объект имеет свою собственную приемно-передающую аппаратуру.

— Для чего?

— На тот случай, если будет уничтожен главный канал базы. Но продолжим. Маккент мог поддерживать секретную радиосвязь, необходимую для осуществления предполагаемой разведывательной деятельности. Шмидт во время поисков любительских станций мог это обнару-

жить. Он поймал непонятное сообщение — несколько букв и цифр. Ему нетрудно было догадаться, что сигналы посланы с Земли, и тогда он начал расшифровывать сообщение. Этим объясняется его интерес к непонятным цифрам в блокноте и беспокойство. Шифр не выходил у него из головы, он мучился днем и ночью. Маккент обнаружил, что ему грозит опасность разоблачения. Он выслеживал Шмидта, подслушивал у его дверей и наконец принял решение, что радист должен умереть. Как по-вашему, майор, могло так быть?

Майор закачался на стуле.

— А почему бы нет?

— Вот видите. Остается решить вопрос, каким образом Маккент совершил убийство. Это уже потруднее. Скажем, он задумал очернить Мельхиада. О любовном треугольнике ему было известно, он сам в этом признался. Ревность Мельхиада — достаточно убедительный мотив... Биолог выбрал для убийства время, когда никто не знал, чем занимается Мельхиад. Но он просчитался. Благодаря срочному ремонту кабеля, который сам же Маккент повредил, у Мельхиада появилось неоспоримое алиби. Тщательно выработанный план рухнул как карточный домик. Что оставалось делать биологу? Он придумал версию, будто видел Шмидта мертвым уже в 10.25 утра. Для чего? Чтобы момент убийства приходился на то время, когда, по его мнению, Мельхиад не сможет доказать своего алиби. Ну, что вы на это скажете?

— Занятно, занятно. Но... — майор посмотрел на доктора с сожалением.

— Что еще?

— ...ваша великолепная теория не объясняет, каким образом, убив Шмидта в 10.59, Маккент уже в 11.01 мог оказаться у входа в базу раньше других. Кроме того, не забывайте о другом важном моменте.

— Каком?

— Заявляя о том, что именно он обнаружил тело Шмидта, Маккент отнюдь не отводит от себя подозрения. Ведь самое лучшее его алиби — это те две минуты, которые прошли с момента убийства до прихода на базу. Вам же ясно, что за это время никому не удастся покрыть расстояние от радиотелескопа до базы. Преступник все это тщательно продумал, вряд ли он добровольно сдаст самое сильное свое оружие.

— Должен же он был как-то объяснить, почему по дороге не встретил Рейо Сантос, — не сдавался доктор.

— Дайте мне несколько минут — и я придумаю должну правдоподобных объяснений.

Доктор с грустью посмотрел в записную книжку и вычеркнул имя Маккента.

— Хорошо, сдаюсь. Остается другая возможность — Юрамото. Причина такая же, как у Маккента. Секретная миссия на базе, радиосвязь с Землей, Шмидт перехватил шифровку и должен был умереть. Детали можно оставить в стороне. Юрамото из фотолаборатории направился к радиотелескопу, убил Шмидта, вернулся в свой бетонированный бункер. Все остальные его действия зарегистрированы сейсмографом.

— А ракета?

Закинув ногу на ногу и обхватив колено руками, доктор невидящим взором долго смотрел на своего собеседника.

— Есть две возможности, — сказал он наконец. — Такой человек, как Юрамото, обладает обширными знаниями. Технические дисциплины он знает превосходно. Быть может, ему удалось сделать приспособление, благодаря которому пистолет выстрелил спустя некоторое время. Бьюсь об заклад, такой механизм изготовить можно.

— Допустим. Но кому-кому, а Юрамото было известно, что из-за преклонного возраста ему не добежать до радиотелескопа первым, чтобы спрятать этот механизм.

Мог ли он так рисковать? Но не это главное. Юрамото с десяти часов находился в лаборатории на глазах врача. А когда он оттуда вышел, то, согласно версии Маккента, Шмидт был мертв.

— Сдаюсь. Но есть еще возможность. Некто убил Шмидта. Кто-то другой нашел его и в 10.59 поднял тревогу, но, решив, что на него может пасть подозрение, прибежал к базе и не хочет признаться.

Родин улыбнулся.

— Дав круг, вы пришли туда, откуда вышли. Ну, как мог кто-то за две минуты оказаться у базы? Да и кто бы это мог быть? Ведь у каждого из них имеется надежное алиби!

Доктор сердито прошелся по комнате и внезапно остановился в нескольких шагах от следователя.

— Нашел! — Голос его задрожал от волнения. — Ведь убийца мог выстрелить из ракетницы не над трупом Шмидта! Что, если Юрамото сделал это в районе сейсмической станции, Ланге — около обсерватории, Нейман — находясь у ракетоплана, Рея Сантос — от оранжереи, а Маккент — у входа в базу?

Но следователь не разделял его восторга.

— Вы же сами говорили, что ракета стреляет на высоту каких-нибудь двухсот метров, а отсюда до радиотелескопа не меньше восьмисот метров, до ракетоплана шестьсот, до сейсмической станции около...

— Двести метров на Земле! — Гольберг сокрушенно сквачился за голову. — Как это сразу не пришло мне в голову! Хороший помощник у вас, майор, нечего сказать. Я вас...

— Оставьте, доктор. Лучше скажите, на какую высоту стреляет сигнальный пистолет здесь?

— Вы слишком многое хотите. Но думаю, гораздо выше, чем на Земле.

Майор связался с Глацем.

— Родин говорит. Не можете ли вы мне сказать, на какую высоту стреляет сигнальный пистолет? Да, здесь, на Луне... Спасибо.

— Ну, что? — нетерпеливо спросил Гольберг.

— Глац говорит, что точно не знает, но полагает, километра на три.

— Три километра, майор! Но ведь это меняет всю ситуацию!

Следователь не выразил особого восторга.

— На первый взгляд, доктор, только на первый взгляд. Не забывайте, что все три выстрела произведены из пистолета, который нашли у тела Шмидта. Два выстрела в радиста, третий вверх. Один и тот же боек расписался на всех трех гильзах.

— Это значит...

Стук в дверь прервал Гольберга.

— Готово, — сказал Мельхиад и подал майору четвертшку плотной бумаги.

Доктор через плечо следователя посмотрел на рисунок, напоминающий бумажную мишень с несколькими попаданиями.

— Черный кружок в середине — это место, где мы нашли тело Шмидта, окружности — расстояние в метрах; крестиками отмечены пункты, где манипуляторы обнаружили следы стронциевых солей. Здесь сгорели сигнальные ракеты. Достаточно?

Майор долго не мог оторвать от рисунка глаз.

— Вы не ошиблись? — наконец спросил он. — Может ли это быть? В самом деле три крестика?

— Да, три, — уже в дверях подтвердил инженер.

Обессиленный Гольберг рухнул в кресло и слабо покачал головой.

— Я схожу с ума! Три ракеты в почву и одна вверх! Ну, хорошо. Скажем, первый раз он не попал. Но в сигнальном пистолете недоставало всего лишь трех патронов.

Час от часу не легче! А тут еще эти двое — Маккент и Юрамото! Ведь кто-то из них солгал. А кто лгал, тот стремился что-то скрыть. Но что — кроме факта убийства? Не могут же они оба лгать, это же абсурд, как и то, что они оба говорят правду. Или, по-вашему, это возможно?

Следователь перестал качаться на стуле.

— Думаю, — медленно произнес он, — пожалуй, даже пересчур возможно.

Обещание Родина

Тропка вела к скалистой стене, грубой, не тронутой временем, будто ее только что сотворила природа. Сверху на манипуляторы падала тень.

Вдруг огромные механизмы ожили; в их движении Родину почудилось что-то устрашающее, зловещее, словно оно было предвестником близкой гибели.

Он инстинктивно отпрянул, но уперся в скалу.

Вытянув щупальца, манипуляторы сделали еще шаг вперед. Спасения не было. Стальные пальцы тянулись к горлу человека, застыли над беспомощной жертвой.

— Что с вами? — послышался голос Гольберга, и эти три коротких слова отогнали призрак.

Манипуляторы стояли неподвижно.

— Мне померещилась жуткая картина, — сказал Родин, — будто это чудовище напало на меня. Я чувствовал их прикосновение. Неужели я начинаю терять рассудок?

— Ну, к чему такие страшные слова? — загудел в наушниках голос доктора. — Мы же говорили с вами об оптических иллюзиях. Это как раз тот самый случай.

— Вы полагаете? — с надеждой спросил следователь.

— Не полагаю, а твердо знаю. Здесь? — Гольберг остановился.

— Вероятно. — Майор оглянулся. — Да, видимо, где-то здесь. Незначительное отклонение вряд ли будет иметь значение. Во всяком случае, попробуем.

Опустившись на колено, он подготовил сигнальный пистолет и на скальной поверхности отыскал опору.

— Убийце было не к спеху, он мог отыскать удобное место и спокойно прицелиться... Когда пройдет минута — скомандуйте.

Гольберг смотрел на часы.

— Внимание... или!

Из ракетницы полыхнуло слабое пламя, и через несколько секунд над радиотелескопом загорелась сапфировая звезда. Не красная ракета, означающая тревогу, а синяя — заранее оговоренный сигнал между двумя или несколькими партнерами.

— На нее никто не обратит внимания, — сказал Гольберг.

— Один человек, быть может, действительно не обратит... — в словах майора был какой-то скрытый смысл. — Пощли!

Через несколько минут Гольберг открыл шлюзовую камеру сейсмической станции.

Юрамото встретил их своей обычной приветливой улыбкой.

— С дорогим гостем в дом приходит счастье, — он слегка поклонился. — А мечи ваши я положу на алтарь предков.

Майор испытующе посмотрел на селенолога.

— Благодарим за приветствие, но у нас остались лишь эфесы. Позвольте взглянуть на сегодняшнюю сейсмограмму. Интересно, что зарегистрировали приборы несколько минут назад.

Юрамото нажал выключатель, и свет упал на паутину диаграмм. Следователь на них не взглянул, он внимательно смотрел на лицо Юрамото, но, кроме готовности выполнить просьбу, ему ничего не удалось прочитать на приветливом, морщинистом лице старого ученого. Родиа перевел взгляд на сейсмограмму.

— Вы не помните точное время, доктор?

— 17.09, — тотчас ответил Гольберг.

Именно в этот момент прибор зарегистрировал незначительное, но явно различимое отклонение.

— Как по-вашему, что могло послужить причиной этого отклонения? — снова взглянув на Юрамото, спросил Родин.

Селенолог задумчиво смотрел на зигзаги, вычерченные самописцем.

— Трудно сказать, — произнес он наконец. — Но не знать — это значит не видеть. Держу пари, что это отклонение ничуть не отличается от того, которое поставило нас в тупик во время вашего вчерашнего визита. — Он достал из ящика субботнюю сейсмограмму. — Да, точно такое же отклонение, какое было зарегистрировано в день смерти Шмидта, за несколько секунд до объявления тревоги.

Родин внимательно сравнил обе сейсмограммы — сначала на глаз, потом с помощью лупы. Да, сомнений не было: обе аномалии практически не отличались друг от друга.

Он встал.

— Благодарю вас. Вы нам очень помогли.

— Приятный визит озарит и дождливый день, — церемонно поклонился Юрамото.

К базе возвращались медленно, погруженные в собственные мысли. Тишину нарушил Гольберг:

— Вам звонил Глац. В тот момент, когда вы выходили.

— Знаю, — ответил Родин.

— Что ему понадобилось?

— Он не звонил.

Доктор остановился.

— Но ведь...

— Это я звонил. Я спрашивал, не у вас ли я. Вы можете это объяснить с точки зрения психологии?

— Конечно. — Доктор пустился было в объяснения, но, сделав несколько шагов, остановился. — Понимаю, — задумчиво произнес он, — вы думаете, это возможно?

→ Посмотрим.

После визита в оранжерею они вернулись на базу. Заглянули в медицинский кабинет, в мастерскую и на командный пункт. Словно одержимый какой-то манией, Родин всюду заводил разговоры о телефонных звонках. Наконец ему удалось получить долгожданный ответ.

— Как же, помню, — сказал Нейман. — Позвольте, когда это было? Кажется, в пятницу... да, в пятницу днем мне позвонил Шмидт и спросил, нет ли у меня Мельхиада. Мельхиада у меня не было, но я случайно встретил его через полчаса в коридоре. Однако выяснилось, что его никто не разыскивал. Вечером Мельхиад упрекнул меня за неуместную шутку, а когда я удивленно посмотрел на него, посоветовал мне обратиться к врачу и избавиться от галлюцинаций.

— Вы с ним согласились?

— Ну, конечно. Не ругаться же из-за какой-то глупости.

— Извините за назойливость, — сказал майор, — но вы когда-нибудь по-настоящему выходили из себя?

Нейман широко улыбнулся.

— Да, раза три случалось. И каждый раз — зря.

За ужином никто не обмолвился о Шмидте, никто не вспомнил о субботней трагедии, но в разговоре чувствовалось напряжение. Беседа была словно соткана из тончайшего покрываала, слишком прозрачного, чтобы оно могло скрыть подавленность, охватившую сидящих за столом. Лишь за кофе биолог Маккент отважился ступить на тонкий лед.

— Завтра пятница, скоро мы свернем работу и отправимся домой, на Землю. А как же вы, майор?

— Мы тоже все закончим и тоже полетим домой.

Родин отодвинул пустую чашку.

— Спокойной ночи.

Простой план

Маккент с упреком посмотрел на майора.

— Сегодня пятница. Вы обещали к завтраку рассказать нам кое-что. Не забывайте, майор, скоро рассвет.

— Вы, верно, от любопытства не спали всю ночь, — усмехнулся Родин.

— Я не страдаю бессонницей. Но кому-то в эту ночь действительно уснуть было нелегко; боюсь, что его замучили кошмары. — Беспокойный взгляд биолога перебегал с одного лица на другое, будто он пытался отыскать на них следы недосыпания. — Не хотел бы я оказаться на его месте.

— Ну, что ж, я расскажу вам все. Это моя прямая обязанность. Следствие в Заливе Духов закончено, и мы готовы лететь на Землю. Если удастся, то еще сегодня.

Глац вопросительно взглянул на следователя и снял трубку.

— В котором часу вы хотели бы вылететь?

— Не знаю, как скоро это удастся организовать, но хотелось бы — до обеда. Доктору Гольбергу предстоит присутствовать на каком-то важном совещании.

— Сколько полетит человек?

— Трое.

— Вас двое...

— И преступник. Тот, кто убил радиста Шмидта. Первый убийца на Луне.

Лишь негромкие слова Глаца, связавшегося с космодромом в Море Ужасов, нарушили нависшую над столовой тишину.

— Все в порядке. — Глац положил трубку. — В одиннадцать за вами прилетит ракетоплан... Знаете что, переберемся-ка ко мне.

— Вам известно, кто застрелил Шмидта? — спросил биолог, едва все расселись.

— Да. Со вчерашнего дня.

— Почему же вы не сказали об этом вечером? — удивилась Рей Сантос.

— А вы полагаете, что провели бы ночь спокойнее?

— Это кто-то из нас? — Казалось, лицо Глаца старело на глазах. Взгляд его глубоко запавших глаз поочередно останавливался на каждом члене экипажа.

— Да, один из вас.

— Ну, не тяните! — Ирма Дари бросила на следователя взгляд, полный муки. И по ее голосу доктор понял, что она на грани истерического припадка.

Следователь наклонился, будто хотел увидеть всю группу в новой перспективе.

— Я, собственно, не знаю, с чего начать. Шмидт был убит настолько тривиальным способом, что почти не о чем рассказывать. Преступник подошел к радиотелескопу, застрелил радиста и чуть позже выпустил красную сигнальную ракету. Никаких трюков или прыжков со скалы, никакой гонки или борьбы за секунды. План был чрезвычайно прост, хотя рассчитан с математической точностью.

Лица сидящих за столом напомнили Гольбергу паноптикум — такие же неподвижные, оцепеневшие, совсем как настоящие, но не живые.

— Прошу прощения, майор, но ваше сообщение слишком сенсационно для моего несколько старомодного вкуса. — Астроном Ланге встал. — Вы меня извините? Мне надо еще кое-что сделать, пока не взошло солнце. Что же касается вашего заключения, то охотно допускаю, что это действительно не так сложно, как казалось. Желаю удачи.

Родин молча кивнул. Когда Ланге вышел, он снова заговорил.

— Вряд ли вас будут интересовать детали...

— Напротив, очень интересуют! — почти выкрикнул Маккент.

— Хорошо. — В улыбке следователя был оттенок грусти. — Но не ждите сенсаций — ни ясновидения, ни особого детективного дара не было. Попробуем рассуждать вместе. Что нам известно? Кто-то в 10.59 выстрелил из сигнального пистолета. Это один из немногочисленных фактов, на который мы смогли опереться, когда стало ясно, что Шмидт на помощь не звал. Понятно?

— Понятно, — подтвердил нестройный хор голосов.

— Кто же это мог быть? Маккент, который в 10.50 находился поблизости от входа в главный объект, спрятавшись в тени? Астроном Ланге, который в этот момент возвращался в обсерваторию? Или профессор Юрамото? При его-то опыте для него наверняка не составляло труда «обмануть» приборы, незаметно пройти шлюзовую камеру и выстрелить из пистолета.

— Весьма польщен, — селенолог слегка поклонился, но в его глазах светилась прония.

— Такая же возможность была и у Неймана. Предположим, он действительно возился с прожекторами, но затем погасил их, прошел шлюзовую камеру и выстрелил в Шмидта. И наконец, врач Рей Сантос. Она в это время шла от базы к оранжерее. Трое оставшихся оказались вне подозрений. Они были в помещении. Это командр экспедиции Глац, радистка Ирма Дари и инженер Мельхиад...

— Итак, пятеро на подозрении. — Маккент переводил взгляд то на одного, то на другого.

— Да, пятеро. Именно у них была возможность произвести выстрел. Попробуем поразмысльить, кто же из них мог убить Шмидта. В десять утра радист докладывал, что у него все в порядке, значит, он еще был жив, а в 10.59 он не ответил на вызовы, его уже явно не было в живых.

— Час — это не так мало, — заметил биолог.

— Но мы сумеем его «уменьшить». В 11.02 все члены экспедиции, за исключением Ирмы Дари, которая разговаривала с Землей, находились у пункта сбора. Путь от

главного входа до радиотелескопа отнимает не менее десяти минут, дорога обратно — как минимум три минуты. И то лишь ценой головоломного прыжка.

Приплюсуем минуту на три выстрела, осмотр Шмидта и замену пистолетов. Итого — четырнадцать минут. Следовательно, преступник должен был пуститься в путь не позднее 10.48. Однако в это время врач Рей Сантос и пилот Нейман только-только надевали скафандры и еще находились в помещении. Так как неопровергимо доказано, что до этого они не выходили с базы, то их смело можно вычеркнуть из «черного» списка. Мы знаем, что у Рей Сантос сначала был профессор Юрамото, а потом Ланге. Что же касается Неймана, то его местопребывание засвидетельствовано показаниями Глаца и Ирмы Дари. Вы принимаете эту версию?

— Безусловно, — откликнулся Маккент.
— Итак, остаются Юрамото, Маккент и Ланге.
— Ланге. — Мельхиад вздрогнул и повернулся к Глацу. — Он вышел наружу? Надолго?
— Не знаю, по-видимому. Он, кажется, ждет, когда Марс закроет собой какую-то звезду. Еще вчера об этом говорил.

— Верните его! Баллоны не заправлены кислородом! — Инженер вытащил из кармана таблицу. — У Ланге осталось кислорода лишь на полчаса, нет, на двадцать пять минут.

Глац молча поднялся и включил телевизоры. На двух экранах был виден Ланге, шагающий к Заливу Духов.

— Ланге? — Командир наклонился к одному из микрофонов.

— Слышу вас, — послышался спокойный голос астронома.

— Ваш скафандр не успели заправить кислородом. Запаса в баллонах хватит минут на двадцать пять. Вы знаете об этом?

— Я уже обратил внимание и буду иметь это в виду.

Родину показалось, что Глац передернул плечами. После минутного колебания он вернулся на место, но телевизоры не выключил. На них виднелась уходящая вдаль фигура астронома. В его равномерной, целеустремленной поступи чувствовалась твердая воля.

— Итак, остались лишь эти трое, — продолжал Родин, — и ситуация стала еще запутаннее. Профессор Юрамото утверждал, что в 10.49 он говорил по телефону со Шмидтом. Радист якобы интересовался, нет ли на сейсмической станции Мельхиада. Можете представить себе наше удивление, когда...

— Удивление?! — переспросил Гольберг.

— ...наше удивление, когда вскоре после этого Кристиан Маккент заявил, будто в 10.25 он наткнулся на мертвого радиста, а от нас скрыл этот факт, дабы не вызвать подозрения.

В ответ на это сообщение присутствующие только изумленно переглянулись. Даже Нейман перестал жевать.

— Мы стали в тупик: кому же верить — Юрамото или Маккенту? Один из них лжет — мертвый Шмидт не может никому звонить.

— О каком тупике может идти речь, если один из них лжет? — Глац поморщился и повернулся к экрану.

— Трудность положения усугублялась тем, что обе эти альтернативы были неприемлемы. Судите сами. Если лжет Юрамото, то Маккент прав, утверждая, будто видел мертвого радиста намного раньше тревоги. Согласно его показаниям, Шмидт был мертв уже тогда, когда Юрамото еще находился в лаборатории, что может подтвердить врач Рей Сантос.

Майор обратился к биологу.

— Когда вы увидели мертвого Шмидта?

— Я уже говорил — в 10.25.

— А когда Юрамото ушел из лаборатории? — спросил он врача.

— Примерно в 10.30.

— Итак, первая альтернатива отпала сама собой, — улыбнулся Родин, — если Юрамото лжет, то он *не мог* убить Шмидта. Рассмотрим другую возможность: Юрамото говорит правду, Маккент лжет. Согласно этой версии, в 10.49 радиост был бы еще жив. То есть он погиб в то время, когда Маккент находился в оранжерее. Если Маккент скрыл от нас правду, то убийства Шмидта на его совести тоже нет.

— Верно, — вмешался Нейман. — Когда я шел к ракетоплану, то увидел в оранжерее Маккента: он застегивал скафандр и направлялся к шлюзовой камере.

Доктор Гольберг воспользовался минутной паузой.

— Поймите абсурдность сложившейся ситуации. Обычно люди лгут, стараясь выгородить себя, извлечь какую-то выгоду, избежать неприятностей или наказания. Но мне еще ни разу не приходилось видеть, чтобы психически нормальный человек обманывал других, превосходно сознавая, что причиняет себе вред. А здесь два разумных, рассудительных человека лгут, и для чего? Для того чтобы опровергнуть собственное алibi!

— Странно, не правда ли? Но благодаря доктору, — Родин поклонился в сторону Гольберга, — мы все же распутали этот гордиев узел. Доктору пришла в голову блестящая мысль, что могут быть не две, а четыре альтернативы, то есть или оба — Юрамото и Маккент — лгут, или оба говорят правду.

— Правду? — усомнился Глац.

— Точнее, субъективную правду. Но попробуем разобраться в ситуации по порядку. Итак, первое — оба лгут. Этот вариант отпадает сразу, так как убийца один, а кроме него лгать некому. Остается другая возможность — оба говорят правду. Я спросил себя: а что, если профессор

Юрамото стал жертвой мистификации? Но как это практически можно осуществить? И я решил проверить эту возможность. Находясь в столовой, я позвонил к себе в комнату и спросил доктора Гольберга, нет ли там Родина. Он вежливо ответил, что меня нет. Ему и в голову не пришло, что он говорит с Родином. Так ведь, доктор?

— Совершенно правильно.

— Таким образом, мы выяснили, что по телефону голос иногда очень трудно узнать.

— Вы правы, — подтвердил Мельхиад, — здешние телефоны в самом деле очень искажают голос.

— Тогда почему бы нам не предположить, что кто-то мог позвонить на сейсмическую станцию вместо мертвого Шмидта? Но, прежде чем решиться на этот шаг, он наверняка вначале должен был это проверить. И, как подтвердил Нейман, такая проверка действительно была проведена. В пятницу некто от имени Шмидта разыскивал Мельхиада.

— Значит, мы оба вам не лгали, — задумчиво произнес Юрамото и приветливо взглянул на Маккента.

— Да. И если вычеркнуть вас обоих, — Родин кивнул на селенолога и биолога, — в списке останется один член экипажа — Ланге. Попробуем подставить его в наши уравнения. Мог ли он за минуту до одиннадцати выстрелить из пистолета? Да, мог, ибо как раз в это время направлялся к обсерватории. Дальше. Мог ли он убить Шмидта в промежутке между 10.00 и 10.25? Мог, так как в фотолабораторию он пришел в 10.15, а что он делал до этого, установить невозможно. И, наконец, третий вопрос: имело ли для Ланге смысл утверждать, что в 10.45 Шмидт был еще жив? Точнее, было ли ему выгодно, чтобы это утверждал кто-то другой? Я отвечаю на этот вопрос утвердительно, ибо после 10.15 ему было обеспечено стопроцентное алиби, а на предыдущий отрезок времени — нет.

— Все ясно, — очень тихо сказал кто-то. Взгляды при-

существующих были устремлены к экрану. Фигура астронома все уменьшалась и превратилась в маленькое пятнышко, еле различимое на сером фоне Залива Духов.

— Сколько у него осталось кислорода? — Это спросила Рея Сантос отчужденным, невыразительным голосом.

Инженер посмотрел на часы, потом заглянул в таблицу.

— При нормальном расходовании — на пятнадцать минут.

— Значит, самое время вернуться.

Глац взглянул на Родина, они долго смотрели в глаза друг другу.

— Поздно, — сказал наконец Глац.

— Но надо же попытаться! Свяжитесь с ним! Может, мы еще успеем догнать его и заправить баллон кислородом. Не кажется ли вам, что одной смерти для этой маленькой Луны более чем достаточно!

Командир не пошевелился. Рея в отчаянии повернулась к следователю.

— А вам, вам безразлично, что он хочет избежать пра-восудия?

— Он сам себя наказал...

Глац резко встал, подошел к пульте управления и на секунду застыл, словно скованный непонятной сплой. Потом медленно вернулся к столу.

— Кстати, «Маленькую ночную серенаду» Моцарта слушал я. Но это вряд ли имеет значение.

Сложные мотивы

Ирма Дари с трудом оторвалась от экрана.

— Но из-за чего? — срывающимся голосом спросила она. — Из-за чего?

— В самом деле, из-за чего?

— Вас интересует мотив. — Родину что-то сдавило горло. Он заговорил, но собственный голос показался ему совершенно чужим, — Побуждения, толкнувшие человека

на тот или иной поступок, постичь намного сложнее, чем описать сам поступок.

Он старался заглушить мысль о драме, которая через несколько минут должна разыграться в Заливе Духов. И все же его взгляд как магнитом притягивал экран.

— Смотрите, какой-то конверт, — вдруг сказала Рея Сантос, — он адресован вам, майор. Неужели его оставил Ланге?

Маккент потянулся через стол.

— Да, это его почерк, — сказал Родин.

— Вы его не вскроете? — удивился Маккент.

— Вскрою, но попозже. Чтобы вы могли сами судить, насколько точны были наши заключения. Вы должны простить мое бахвальство, я не часто грешу этим...

— У вас есть на это полное право, — улыбнулся Юрамото.

— Вы очень любезны. Итак, с чего же начать? Должен вам заметить, меня все это время не оставляла мысль, что мотив этого преступления должен быть по-своему... ну, если хотите, величественным.

Рея Сантос нахмурилась.

— Величественный мотив преступления? Есть великие и мелкие люди. Но побуждения?..

— Вы правы, я неточно выразился. Скажем иначе, мне казалось, что в основе преступления должен быть мотив, достойный такого человека. Единственным фактом, на который мы могли опереться, были цифры в записной книжке Шмидта и еще несколько его замечаний. Посмотрим, подтвердит ли это письмо...

«Майор Родин! — начал следователь. — Я пишу вам утром. Перед рассветом, о котором вы так ясно, по крайней мере так ясно для меня, говорили. Вы хорошо справились со своей работой, и, видимо, будет справедливым, если за тактичность, которую вы проявили по отношению ко мне, я сообщу вам некоторые подробности этой печаль-

ной истории. Я это делаю с удовольствием, так как против вас лично ничего не имею...»

Следователь задумчиво посмотрел на экран.

Не дожидаясь вопроса, Мельхиад взглянул на часы.

— Кислорода осталось меньше чем на пять минут.

Родин продолжал читать:

«В четверг после обеда ко мне зашел Михаль Шмидт и дал прослушать магнитофонную пленку, на которую он записал радиосигналы, поступающие из области звезды Альфа Орла. Вам это будет непонятно, но специалиста заинтересует, что сигналы были приняты на частоте 1420 мегагерц, то есть на частоте нейтрального водорода. По длине отдельных сигналов и промежуткам между ними было ясно, что они передаются по определенной системе. Это были простые числа, но начала передачи не удалось поймать. Я настоятельно попросил Шмидта никому об этом пока не говорить, а попытаться снова поймать сигналы».

— В четверг... Вот почему Шмидт в тот день выглядел таким странным, — вспомнил Глац.

«Не сомневаюсь, что вы поймете мое состояние, майор. Случайное открытие Шмидта уничтожило, разрушило дело всей моей жизни. Двадцать пять лет самоотверженной, кропотливой работы вылетели в трубу. Весь вечер я искал выход из создавшейся ситуации... И уснул с твердым намерением: Шмидта — свидетеля этой нелепой случайности — надо навсегда заставить замолчать. В пятницу я проверил, можно ли позвонить от имени кого-то другого...»

— Как видите, у меня не было галлюцинаций. — Нейман улыбнулся Мельхиаду.

«И в субботу я осуществил свой план. Вряд ли вас заинтересуют технические подробности, к тому же вы сами до них дошли. Я хочу лишь заверить, что оружие против Шмидта я поднимал с болью в сердце. Он всегда был мне очень симпатичен, и я знал, что покушаюсь на редкостно

одаренного человека, у которого имеются все предпосылки стать настоящим ученым. Вы понимаете, что убить в порыве ненависти и озлобления гораздо легче, чем произвести выстрел трезво и расчетливо, целясь в человека, который причинил вам вред, совершенно об этом не подозревая. И все-таки я убил его, хотя и не избежал ошибок, которые не ускользнули от вашего внимания».

— Осталось три минуты и несколько секунд, — заметил Мельхиад.

«Все, что я делал потом, включая ответы на ваши вопросы и незаметные, по крайней мере я на это надеюсь, попытки обратить ваше внимание на сигналы, пришедшие якобы с Земли, — все это было лишь проявлением инерции. Дискуссии с доктором Гольбергом представляли для меня тоскливое воспоминание о вчерашнем дне, и я прошу, чтобы он извинил меня; я отстаивал позиции, в которые сам уже не верил...»

Гольберг только кивнул головой.

«Шмидт преподнес мне эту горькую чашу в виде магнитофонной пленки с записью сигналов из звездных миров. Не могло быть сомнения: где-то там, в глубине космоса, живут разумные существа, возможно интеллектуально еще более развитые, чем люди. От моей теории об исключительности человеческой цивилизации не осталось камня на камне. Что было делать? И я поступил по принципу — если факты против тебя, тем хуже для фактов...»

— Две минуты, — прозвучал монотонный голос инженера.

«Но, когда я склонился над мертвым Шмидтом, чтобы убедиться, что свидетеля больше нет, я с ужасом понял, что он умер для всех остальных, но не для меня. Мне некуда скрыться. Я никогда не смогу избавиться от этих цифр. Отныне и навсегда я каждую ночь обречен просыпаться в холодном поту от страха, что именно в этот момент какой-то новый Шмидт готовится сокрушить мою

теорию. Я никогда не смогу больше спокойно смотреть на созвездие Орла. А себя буду считать шарлатаном, который скрыл истину от науки, наивно полагая, что того, что неизвестно, не существует. Наука не может извращать фактов. В противном случае она перестает быть наукой...»

— Минута и несколько секунд.

«Я ухожу как побежденный человек и побежденный ученый. Я глубоко сожалею о своем опрометчивом поступке и сам себя осуждаю к наказанию наиболее тяжкому. Я никогда не был поклонником нравоучений, избегал патетики, но сейчас я хотел бы воспользоваться своим правом на последнее желание и выразить надежду, что моя судьба и наказание станут предостережением каждому, кто попытается собственные мысли выдать за нечто непрекаемое и откажется следовать фактам и правде жизни. Ваш Феликс Ланге».

Майор несколько секунд помолчал.

— Здесь есть приписка. «Я продолжаю верить, что существует лишь одно человечество. И поэтому ухожу. Вам понятна эта логика? Ф. Л.»

В глазах Ирмы Дари блеснули слезы.

— Сколько? — прошептала она.

Мельхлад отвел взгляд от ее пепельно-бледного лица.

— Двадцать секунд. Десять.. Пять. Кислород кончился.

— Конец, — тихо сказал Юрамото.

На стене раздражающе замигала зеленая сигнальная лампа. Задумавшийся было Родин вздрогнул.

— Что это значит?

Глац стряхнул оцепенение.

— Это солнечные батареи на холме зафиксировали утро. Начинается новый день, — сказал он усталым, невыразительным голосом.

На краине экране, на фоне однообразного, холодного, неопределенного света, к звездам тянулся радиотелескоп. Солнечные лучи на его вершине играли каскадом красок.

СОДЕРЖАНИЕ

И. Бернштейн	
НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА ЧЕХОСЛОВАКИИ	5
Карел Чапек	
СИСТЕМА. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	15
КОНТОРА ПО ПЕРЕСЕЛЕНИЮ. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i> . .	23
Ян Вайсс	
МЕТЕОРИТ ДЯДЮШКИ ЖУЛИНА. <i>Перевод Н. Аросеевой</i> . .	27
Йозеф Несвадба	
АНГЕЛ СМЕРТИ. <i>Перевод Р. Разумовой</i>	74
Иван Фоустка	
ПЛАМЕННЫЙ КОНТИНЕНТ. <i>Перевод Ю. Молочковского</i> . .	84
Йозеф Талло	
В МИНУТУ СЛАВОСТИ. <i>Перевод А. Головачевой</i>	142
Душан Кужел	
БЕГСТВО ИЗ РАЯ. <i>Перевод В. Каменской</i>	148
Иржи Берновец	
АУТОСОНИДО. <i>Перевод Е. Аникст</i>	164
Владимир Бабула	
КАК Я БЫЛ ВЕЛИКАНОМ. <i>Перевод А. Головачевой</i>	177
Иржи Брабенец, Зденек Веселы	
ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ЗАЛИВЕ ДУХОВ. <i>Перевод П. Антонова</i> . .	184

74 von.

and

ber